This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4180.705

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

PURCHASED FROM THE
SUSAN A. E. MORSE FUND

ПОСЛѢ ПУШКИНА.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

СОСТАВЛЕНЪ И ИЗДАНЪ

РЕДАКЦІЕЮ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

1890.

Slav 4180.705

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 27 1957

Morse

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собст. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣтъ надобности доказывать пользу и даже необходимость сборниковъ, подобныхъ нами издаваемому. Книга, въ которой собраны лучшія стихотворенія лучшихъ писателей, всегда найдетъ читателей. Полныя собранія сочиненій нашихъ поэтовъ въ совокупности стоятъ очень дорого. Произведенія нѣкоторыхъ изъ этихъ поэтовъ разбросаны по различнымъ повременнымъ изданіямъ и мало доступны по этой причинѣ. Мы задумали составить сборникъ такимъ образомъ, чтобы въ немъ отразилась наша послѣ-пушкинская поэзія, чтобы въ него вошли образцы произведеній всѣхъ замѣчательныхъ писателей съ сороковыхъ годовъ и до нашихъ дней.

Внимательно перечитывая поэта, мы выбирали лучшія его стихотворенія и такія, безъ которыхъ художественный образъ писателя не былъ бы представленъ съ достаточною полнотой и безпристрастіемъ. Само собою разумѣется, что при этомъ мы могли впадать въ ошибки и отмѣчать, какъ особенно хорошія, такія произведенія, которыя, по мнѣнію другихъ, выдающимися достоинствами не отличаются. Мы старались избѣгать подобныхъ погрѣшностей и тщательно провѣряли свое мнѣніе отзывами нашей критики.

Наиболѣе мѣста отведено въ нашемъ сборникѣ самымъ даровитымъ поэтамъ послѣ-пушкинской эпохи—Майкову, гр. А. Толстому, Некрасову.

Узаконенія о печати, дозволяющія заимствовать изъ сочиненій каждаго писателя не болѣе печатнаго листа, затрудняли, разумѣется, нашу задачу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлись непреодолимымъ препятствіемъ. Мы не имѣли, напримѣръ, возможности ничего взять изъ превосходнаго произведенія А. Н. Майкова *Три смерти* или изъ отмѣченнаго печатью истинно-поэтическаго дарованія разсказа гр. А. Голенищева-Кутузова *Разсвѣтъ*.

У нѣкоторыхъ писателей, которые не принадлежатъ къ числу лучшихъ, приходилось иногда брать только два-три стихотворенія, потому что мелкихъ произведеній у нихъ не оказывалось, или же они не представляли большихъ достоинствъ.

Редакція *Русской Мысли* стремилась къ тому, чтобы въ сборникѣ были представлены всѣ болѣе или менѣе замѣчательные наши поэты, безъ всякаго отношенія къ ихъ направленію. Мы старались количество взятыхъ нами стихотвореній соразмѣрять съ дарованіемъ и значеніемъ писателя въ нашей литературѣ. Едва ли надо оговариваться, что о полномъ соотвѣтствіи подобнаго рода не могло быть и рѣчи. Въ сборникъ вошли стихотворенія нѣкоторыхъ начинающихъ писателей и въ немъ не встрѣчается нѣкоторыхъ стихотворцевъ, которые издавали даже сборники своихъ произведеній. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода мы, по мѣрѣ нашего разумѣнія, взвѣшивали *за* и *противъ*, никогда не поддаваясь ни личнымъ, ни кружковымъ пристрастіямъ, но, повторяемъ,—humanum errare est.

Вошли въ сборникъ стихотворенія нѣсколькихъ (немногихъ) писателей, поэтическое дарованіе которыхъ совсѣмъ не велико, но которые имѣли большое значеніе въ недавнее еще время. Въ такихъ стихотвореніяхъ отражаются общественные вкусы и симпатіи, ихъ мотивы не-

обходимы для характеристики нашей послѣ-пушкинской поэзіи. Но, главнымъ образомъ, мы старались дать читателямъ сборникъ *художественныхъ* произведеній, *поэтическихъ* думъ и картинъ нашихъ лучшихъ писателей. Расположить этихъ писателей прежде и удобнѣе всего было, по нашему мнѣнію, въ алфавитномъ порядкѣ. Мы отнеслись къ нашей работѣ съ глубокою любовью и надѣемся, что нашъ сборникъ дастъ дѣйствительно вѣрное изображеніе послѣпушкинской поэзіи, въ томъ масштабѣ, который дозволяютъ наши законы о литературной собственности.

Оглавленіе.

И. С. Аксаковъ: *Стр.*

Пророкъ 1
На новый 1858 годъ. 4
„Могучимъ юности призывамъ“. 6
„Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ“. 7
„Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово“ 8
„Зачѣмъ душа твоя смирна?“ 9
—ой 10
29 ноября 1878 г 12

К. С. Аксаковъ:

Луна и солнце 14
Свободное слово. 17
Весна. 18

Н. П. Аксаковъ:

Смѣхъ 19
На юбилей Фета. 20

Б. Н. Алмазовъ:

Похороны 22
Кончина откупа. 24
Гроза. 26

С. А. Андреевскій:

„Чистый образъ видѣнья любимаго“ 29
„Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ“. . . . . —
Пигмей. 30
„Нельзя въ душѣ уврачевать“ 32

А. Н. Апухтинъ:

Отрывокъ изъ поэмы „Годъ въ монастырѣ“. 33
Проселокъ 35
Ніобея 36
„О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта“. 39
Къ поэзіи. 40

Стр.

Разбитая ваза. 41
Недостроенный памятникъ . . . . . —
„Я ее побѣдилъ, роковую любовь“ 44

В. Г. Бенедиктовъ:

Прости. 46
Къ портрету Государя Императора Александра Николаевича. 48
Молитва природы. 49
Борьба. . . . . —
Ты мнѣ все 51
Посмотри. . . . . —

Ѳ. Н. Бергъ:

„Дождя сверкающаго капли“. 53
Въ полѣ . . . . . —
Заря 55

А. Л. Боровиковскій:

31 января 1881 г 56
Поэтъ 58

В. П. Буренинъ:

Нива жизни. 60
Утромъ. 61
„Вотъ скрипнули въ селѣ ворота“. 62
Гимнъ лиро-эпическій на полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генералъ-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія . . . . . —

П. И. Вейнбергъ:

Послѣ бури. 68
„Развернулось предо мною“ 69
Уныніе. 70
„Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время“. 71

В. И. Водовозовъ:

„Наша жизнь никого не обманетъ“. 73
Птички. 74
Тостъ 75
Весеннія ночи. . . . . —

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ:

„Прошумѣли весеннія воды“ 77
„Снилось мнѣ небо лазурное, чистое“. 78
Три свиданія . . . . . —
„Для битвы честной и суровой“ 79
„Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ“ 80

Стр.

Изъ недописанной поэмы . . . . . —
Сказка ночи. 82
„Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной“. 86

Н. П. Грековъ:

Въ лѣсу. 88
Весна 1861 г 89
„Вотъ здѣсь, гдѣ-бъ отдалась на вѣкъ самозабвенью“. . . . —
„Смотрю на твой портретъ въ какомъ-то обаяньи“. 90
У гроба. 91

А. А. Григорьевъ:

Городъ. 93
Прости. 94

Э. И. Губеръ:

На смерть Пушкина. 96
Моя гробница 98
Смерть и время. 99
Проклятіе. 100
„Я по комнатѣ хожу“. 101
Изъ поэмы „Прометей“ 103

Г. П. Данилевскій:

Хуторокъ. 106
Гроза 108

Н. А. Добролюбовъ:

Жалоба ребенка 110
Въ церкви 111
„Еще работы въ жизни много“ . . . . . —
„Пускай умру—печали мало“. 112
Въ прусскомъ вагонѣ. 113
„Милый другъ, я умираю“ 115

Ю. В. Жадовская:

Теперь не то. 116
„Опять спокойно надо мной“ . . . . . —
Ночь 117
„Впереди темнѣетъ“. 118
Никто не виноватъ 119
Мигъ обновленія 120
Н. Ѳ. Щербинѣ. 121
„Кляну тебя, слѣпое убѣжденье“. . . . . —
„Не зови меня безстрастной“ 122

А. М. Жемчужниковъ:

Почему?. 123

Стр.

„Чувствъ и думъ несмѣтный рой“ 124
Старая дорога . . . . . —
Моей музѣ 126

А. Ѳ. Ивановъ (Классикъ):

Сорокалѣтнимъ друзьямъ 128
Два креста 129

П. М. Ковалевскій:

Встрѣча осени 131
Буря 132
„Изъ-за дали и разлуки“ 133

П. А. Козловъ:

„Ночь нисходитъ на міръ полусонный“ 134
„Когда заря блеснетъ передо мною“ . . . . . —
Пѣснь весны 135
„Въ звѣздахъ вся твердь необъятная“ 137
„Не надо мнѣ поэзіи холодной“ . . . . . —
Безсонница 138
„Опять проснулось вдохновенье“ 139
„Не веселыя мысли мнѣ идутъ на умъ“ . . . . . —

А. В. Кольцовъ:

„Не шуми ты, рожь“ 141
Пора любви 142
Бѣгство 144
Пѣсня 146
Лѣсъ 147
Ночлегъ чумаковъ 148

В. И. Красовъ:

Мечта 150
Пѣсня 151
„Пронеслась, пронеслась моя младость“ . . . . . —

В. В. Крестовскій:

Разсвѣтъ 153
Подъ водою 154
„Мать въ сердцахъ меня журила“ 157
Хандра 158
Санъ-Яго 159

В. С. Курочкинъ:

18 іюля 1857 года 161
„Какъ въ наши лучшіе года“ 162
Первая любовь 163
Друзьямъ Мартынова 164

Стр.

Школа взаимнаго обученья 166
„Видѣть, какъ зло торжествуетъ державно“ 168
Въ наше время 169

Н. С. Курочкинъ:

„Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй“ 171
Счастливцы 172
По поводу одной смерти 173
„Послѣ солнца чарующей ласки“ 174

В. С. Лихачовъ:

„Распни Его, распни! Варравѣ дай свободу!“ 176
Сонетъ 177

Мартовъ:

„Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ“ 178
In memoriam . . . . . —
Диссонансы 179

А. Н. Майковъ:

Октава 181
Искусство . . . . . —
Изъ отрывка „Грёзы“ 182
Древній Римъ 183
Жрецъ 185
Анакреонъ скульптору 189
Подъ дождемъ 191
Пѣсни . . . . . —
Празднословъ 193
Вопросъ 194
Пустынникъ 195
„Мысль поэтическая,—нѣтъ!“ . . . . . —
„Вчера—и въ самый мигъ разлуки“ . . . . . —
Отвѣтъ Л. 199

К. П. Медвѣдскій:

Осенью 197
„Вездѣ просторъ и счастье лѣтомъ“ . . . . . —
Одуванчикъ 198
Вырубленный лѣсъ 199

Р. А. Менделевичъ:

„Исчезло все, какъ сонъ мятежный“ 200
„Не грусти, что осенней порою“ . . . . . —
„Чаровница-весна“ 201

Д. С. Мережковскій:

„Въ борьбѣ на жизнь и смерть...“ 203

Стр.

„И хочу, но не въ силахъ любить я людей“ 204
Поэту нашихъ дней . . . . . —
Совѣсть 205
На высотѣ 206
Въ Альпахъ 207
Усни 208
Аввакумъ 209
„Пойми же, наконецъ, пойми: я не хочу“ 210

Л. А. Мей:

Отойди отъ Меня, сатана 213
Сумерки 219
Канарейка . . . . . —
Ты печальна 220
Что такое время? 221
Муза 222
Галатэя 223
Запѣвка 225
Пѣсня . . . . . —

Д. Д. Минаевъ:

Родина 227
„Заочный другъ! чтобъ счастье было прочно“ . . . . . —
Лунная ночь 228
Свой своему вовсе не братъ 230
Послѣдняя оргія 233
Шутки и эпиграммы 236

Н. М. Минскій:

„Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла“ 239
Наше горе 242
Въ деревнѣ 243
Засуха . . . . . —
Предъ зарею 244
Серенада 245
Пѣсня 246
Изъ поэмы „Пѣсни о родинѣ“ 247
„О, еслибъ знали вы, о чемъ я боязливо“ 248
Искусство 249

Д. Л. Михаловскій:

Память 250
Въ горахъ 252
На закатѣ 254

М. Л. Михайловъ: *Стр.*
Хидгеръ 255
Къ моей таинственной незнакомкѣ 257
„Дай руку мнѣ, любовь моя“ 258
Къ родинѣ 259
„Какъ долгой ночью ждетъ утра“ . . . . . —
С. Я. Надсонъ:
Поэтъ 261
Поэзія 262
„Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ“ . . . . —
„Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья“ 263
Грезы 264
„Окрыленнымъ мечтой, сладкозвучнымъ стихомъ“ 269
„Неужели сейчасъ только бархатный лугъ“ . . . . . —
„Наше поколѣнье юности не знаетъ“ 270
„Умерла моя муза!... Недолго она“ 271
„Не принесетъ, дитя, покоя и забвенья“ 272
Случайныя пѣсни 273
Н. А. Некрасовъ:
„Когда изъ мрака заблужденья“ 275
„Ты всегда хороша несравненно“ 276
„Я за то глубоко презираю себя“ . . . . . —
„Я не люблю ироніи твоей“ 277
Муза 278
„Внимая ужасамъ войны“ 279
Тишина 280
„Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться“ 282
Рыцарь на часъ . . . . . —
Коробейники 285
„Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“ 287
Медвѣжья охота 288
Баюшки-баю 289
В. И. Немировичъ-Данченко:
Буря 291
Родной край 292
Воспоминаніе 293
Пѣсня родины 295
Дворецъ Тиверія и Сантъ-Эльмо 296
И. С. Никитинъ:
„Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной“ 298
Бурлакъ 299
„Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ“ 302

Стр.
Утро 303
„Вырыта заступомъ яма глубокая!“ . . . . . —
„Ярко звѣздъ мерцанье“ 304
Удаль и забота 305
„Медленно движется время“ 306
Горькія слезы 308

Омулевскій (И. В. Ѳедоровъ):
Море 309
Земля и небо 310
Разладъ 311

Н. П. Огаревъ:
Друзьямъ 313
Вечеръ . . . . . —
Къ Д*** 314
„Она никогда его не любила“ 315
Къ *** . . . . . —
Дорога 316
„На сѣверѣ туманномъ и печальномъ“ 317
На сонъ грядущій . . . . . —
Воспоминаніе дѣтства 318
Монологи . . . . . —
„Проклясть бы могъ свою судьбу“ 319
Прометей 320
„Когда тревогою безплодной“ 322
Не многимъ 323

К. К. Павлова:
Ночлегъ Витикинда 324
„Трудъ ежедневный, трудъ упорный!“ 329
„Люблю я васъ, младыя дѣвы“ . . . . . —

Л. И. Пальминъ:
Пѣсня 331
Морозъ и весна . . . . . —
Пѣсня 334
Воскресная пѣсня 335
Голосъ изъ вьюги 337
Поэту 338
Спиридоній-Солнцеворотъ . . . . . —
Весенній ледъ 339

А. Н. Плещеевъ:
Звуки 341
„О, нѣтъ, не всякому дано“ 342

Стр

Послѣ чтенія газетъ . . . . . —
„Не говорите, что напрасно“ 343
„Была пора: своихъ сыновъ“ 344
Призраки 345
„Что ты поникла, зеленая ивушка?“ 346
„Всю-то, всю мою дорожку“ 347
Apostaten Marsch 349
„Разстался я съ обманчивыми снами“ 350

Я. П. Полонскій:

„Пришли и стали тѣни ночи“ 352
„Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я“ 353
У Аспазіи . . . . . —
И. С. Аксакову 354
„Подойди ко мнѣ, старушка“ 355
Ночь въ Крыму 357
„Царство науки не знаетъ предѣла“ 358
Фрина . . . . . —
Литературный врагъ 359
„Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ“ 361
Въ альбомъ . . . . . —
Орелъ и змѣя 362

К. Р.:

„Я баловень судьбы... Ужь съ колыбели“ 364
„Оцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ“ 365
Баркаролла . . . . . —
„Помнишь ли ты, какъ бродили мы по полю“ 366
Въ дождь 368
На совершеннолѣтіе *** . . . . . —
И. А. Гончарову 369

Гр. Е. П. Растопчина:

Три поры жизни 370
И онъ поэтъ! 371
Во имя правды 372
Насильный бракъ 374

М. П. Розенгеймъ:

Пророкъ 377
Дума 378
19 февраля 1861 г. 379

Д. Н. Садовниковъ:

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде 381
На открытіе памятника Пушкину 383

Н. Сатинъ: *Стр*
De profundis. 384
Поэту-судіи. 385
Два чувства. 386
В. Н. Симборскій:
Сонъ. 387
Говорятъ 388
К. К. Случевскій:
Часы съ курантами. 390
„Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ“. 391
Въ этнографическомъ отдѣлѣ. . . . . —
Въ тяжелый часъ 392
Мемфисскій жрецъ 393
Н. М. Соколовъ:
„Зачѣмъ ты снова предо мной“. 396
„Царица-мысль! Вѣнокъ душистыхъ розъ“. 397
Графъ В. А. Соллогубъ:
Въ альбомъ. 400
Разлука. 401
Первый пароходъ на Волгѣ. . . . . —
И. З. Суриковъ:
„Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля“ 404
„Не грусти, что листья“. 405
„Ой, дубинушка, ты ухни!“. 406
„Черствѣетъ сердце, меркнетъ умъ...“. 407
Жизнь 408
Поэту. 409
Зимой 410
„Въ заревѣ огнистомъ“. 411
„Не проси отъ меня“ . . . . . —
Графъ А. К. Толстой:
Изъ поэмы „Іоаннъ Дамаскинъ“ 412
„Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба“. 417
Правда. . . . . —
И. С. Аксакову. 418
„Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!“. 420
„Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный“. . . 421
„Не пѣнится море, не плещетъ волна“ 422
„Меня, во мракѣ и въ пыли“. . . . . —
„Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ“. 423
14-й крымскій очеркъ 424
Противъ теченія. 425
„То было раннею весной“ 427

Стр.

Л. Н. Трефолевъ:

Первый громъ 428
Пѣсня о комаринскомъ мужикѣ . . . . . —

И. С. Тургеневъ:

Гроза промчалась 433
Къ *** 434
„Когда давно забытое названье“ 435
Весенній вечеръ . . . . . —
„Откуда вѣетъ тишиной“ 436
„Брожу надъ озеромъ... туманны“ 437
Крокетъ въ Виндзорѣ 438

Ѳ. И. Тютчевъ:

Два голоса 440
„Слезы людскія, о слезы людскія“ . . . . . —
„Обвѣянъ вѣщею дремотой“ 441
Два единства . . . . . —
„Умомъ Россію не понять“ 442
Народный праздникъ . . . . . —
„Эти бѣдныя селенья“ . . . . . —
„Есть въ осени первоначальной“ 443
„Такъ въ жизни есть мгновенія“ . . . . . —
Восходъ солнца 444
„День вечерѣетъ, ночь близка“ 445
„Я очи зналъ,—о, эти очи!“ . . . . . —
„Сіяетъ солнце, воды блещутъ“ 446
„Когда дряхлѣющія силы“ . . . . . —

А. А. Фетъ:

Туманное утро 448
„Я жду... Соловьиное эхо“ . . . . . —
„Уснуло озеро, безмолвенъ черный лѣсъ“ 449
На кораблѣ . . . . . —
„Какая ночь! на всемъ какая нѣга!“ 450
„Полно спать: тебѣ двѣ розы“ 451
„Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“ . . . . . —
Узникъ 452
„Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ“ . . . —
Сосны 453
Въ саду . . . . . —
Старый паркъ 454
Муза 455
„Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ“ 456
Ива . . . . . —

Стр.

Знакомкѣ съ юга 457
Отвѣтъ Тургеневу 458
Е. П. К—у 459
У камина . . . . . —
Музѣ 460
„Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ“ 461

К. М. Фофановъ:

Три блага 462
„Мнѣ все равно, куда направить путь“ . . . . . —
„Забытою весной пахнуло на меня“ 463
Наканунѣ зимы 464
„Отзвучали струны сердца“ 465
Сонъ монахини . . . . . —
Два міра 466
Памяти Байрона 467
Весеній дождь 468
„Печально верба наклоняла“ 469
Отошедшимъ 470

С. Г. Фругъ:

„Не осуждай меня за слово укоризны“ 471
Изъ древнихъ сказаній 472
Въ капищѣ . . . . . —
Жизнь и надежда 474
Вѣстники весны 475
„Не спѣши, по каплѣ лей“ . . . . . —
Памяти друга 476
„Не говорите намъ: „Безсильна правда ваша“ 477
Fata morgana 479

Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій-псевдонимъ):

„Подъ шумъ заботы ежедневной“ 481
„Нѣтъ, я не назову обманомъ“ 482
„Среди борьбы и разрушенья“ . . . . . —
„Свой разумъ искусивъ не разъ“ 483

А. С. Хомяковъ:

Русская пѣсня 484
Двѣ пѣсни 485
Мечта 486
Островъ . . . . . —
Россіи 488
Вечерняя пѣснь 490
Раскаявшейся Россіи 491
Труженикъ 492
Nachtstück 493

Стр.

Кн. Д. Н. Цертелевъ:

„Скользилъ нашъ челнъ, шуршалъ высокій очеретъ“ . . . 495
Утро 496
„Прошли, какъ сонъ, тѣ дни, когда тревожно“ 497

П. В. Шумахеръ:

Россійскій туристъ 498
Къ памятнику Крылова 500

Н. Ф. Щербина:

Южная ночь 501
Мигъ . . . . . —
Счастье 502
Человѣкъ поколѣнія. . . . . —
Утро въ горахъ Фокиды. 503
Поэтамъ 505
Пѣсня Прометея 507
Тишина 508
Roma l'antica . . . . . —
Russisches Schülerlied. . . . . —

О. Н. Чюмина:

„Оглянусь ли кругомъ,—какъ во мракѣ ночномъ“ 510
Испытаніе 511
Новгородъ . . . . . —
„Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою“ 512
„Когда въ вечерній часъ порой слѣжу я взоромъ“ 513

І. І. Ясинскій:

Одни 514
Подожди. 515
Могила. . . . . —
Поэту 516
На якорѣ . . . . . —
Ѳ. Ф. А—ову . . . . . —
„Ночь внизу, и сонъ крылатый“ 517
Пророкъ 518

А. Н. Яхонтовъ:

Мысль 519
Осеннему вѣтру 521
Изъ „старыхъ-молодыхъ пѣсенъ“. 522

И. С. Аксаковъ.

Пророкъ.

На встрѣчу вѣщаго пророка
И съ нимъ грядущаго суда,
Еще въ ночи,—еще востока
Дрожала яркая звѣзда,—
Онъ вышелъ, градъ покинувъ сонный,
Не взялъ ни пищи, ни одеждъ,
Въ тоскѣ святой, неугомонной,
Свершенья чающій надеждъ!
Кругомъ лишь темь, да влага ночи.
Не скоро свѣтлый день взойдетъ...
Но онъ, во мракъ вонзая очи,
Стоитъ и ждетъ, стоитъ и ждетъ.
И мыслитъ: „Чаемый, молимый
День наступаетъ. Близокъ срокъ.
Узрю тебя, досель гонимый,
Но нынѣ судящій пророкъ!
Не призракъ ты: съ костьми и кровью.
Какъ мы, въ плоти идешь ты къ намъ...
Съ какимъ стенаньемъ и любовью
Я припаду къ твоимъ ногамъ!
И все, что въ эти дни и годы
Терзаній, мукъ извѣдалъ я,—
Все въ этотъ мигъ, пророкъ свободы,
Благословитъ душа моя!

Какое утро міру встанетъ!
Какая вѣра вспыхнетъ въ немъ!
Съ какимъ позоромъ зло отпрянетъ
Передъ святымъ твоимъ челомъ!
Свершишь ты жертвы очищенья,—
И въ жизнь одѣнутся слова:
Освобожденья, обновленья,
Любви и правды торжества!...

Оттуда путь ему, съ востока...
Придетъ смиренен и могучъ,
Подъ пыльнымъ рубищемъ пророка
Скрывая слова острый лучъ!
О, эту пыль одежды бѣдной
Какъ я слезами орошу!
Какою праздничной, побѣдной
Я пѣснью воздухъ оглашу!
Но близко, Боже!... Нынѣ, нынѣ!...
Вся кровь отхлынула въ груди;
Ужасенъ ты въ своей святынѣ,
Великій Богъ!...
Гряди, гряди,
О, жизни новое начало,
О, царства новаго разсвѣтъ!...“

Заря пылаетъ. Солнце встало,
Проснулся долъ. Пророка нѣтъ.

—„Нѣтъ! но придетъ онъ въ срокѣ скоромъ,
Я вѣрю, знаю—онъ придетъ!“

И смотритъ, даль пытая взоромъ...
Смѣнился день. Пророкъ нейдетъ.
Но, сердцемъ скорбь принявъ покорнымъ,
Онъ все зоветъ, онъ все глядитъ;
Все тѣмъ же гордымъ и упорнымъ

Въ немъ вѣра пламенемъ горитъ.
И дни бѣгутъ,—за днями годы
Неудержимой чередой;
Надъ нимъ бушуютъ непогоды,
Его сжигаетъ солнца зной;
Онъ мигъ за мигомъ время мѣритъ,
Мольбу призывную твердя,
И съ каждымъ мигомъ ждетъ и вѣритъ,
Очей съ востока не сводя.
И лѣтъ несчетныхъ рядъ промчался...
Онъ старцемъ сталъ. Отъ мужа силъ
Одинъ лишь остовъ воздвигался.
Какъ тѣнь, какъ выходецъ могилъ,
Снѣдаемъ тайною тоскою—
Видали странники—порой
Дрожащей, старческой рукою
Онъ тусклый взоръ прикроетъ свой.
Но вѣры пламенной гордыни
Душа не свергнула его:
Стоитъ до днесь онъ средь пустыни
И ждетъ пророка своего!

Безумецъ! страстными мольбами
Вотще зовешь пророка ты!
Давно онъ ходитъ между вами,
Но скрыты вамъ его черты.
Какъ знать—съ полудня-ль иль съ востока,
Въ началѣ-ль дня или въ концѣ,—
Но онъ не въ рубищѣ пророка
Пришелъ, не въ царственномъ вѣнцѣ!
И рѣчь его не идетъ мимо
И правитъ царство онъ свое
И міра нашего незримо
Преображаетъ бытіе!...
Когда ты къ встрѣчѣ насъ готовилъ,

Онъ близъ тебя, съ тобою былъ;
Когда ты пѣлъ и славословилъ,
Не онъ ли пѣснь тебѣ внушилъ?
Когда ты ждалъ зари начала,
Чтобъ новой жизни встрѣтить день,—
Ужь цѣлый день заря пылала,
Ночи вѣковъ сгоняя тѣнь!
Взгляни назадъ. Смотри: въ то время,
Пока ты взоръ стремилъ впередъ,
Взошло посѣянное сѣмя,—
Не тѣ ужь люди, міръ не тотъ!
Безумецъ! тайный ходъ творенья
Какъ подстеречь и уловить,
Въ предѣлы зыбкія мгновенья
Жизнь міра вѣчную втѣснить?
А ты хотѣлъ чертой отмѣтить
Начало новыхъ, лучшихъ дней
И пѣснь пропѣть, и громко встрѣтить,
Упиться радостью своей!...
Нѣтъ! вѣрь, кто Божье слово сѣетъ,
Что, какъ древесное зерно,
Оно неслышно, тихо зрѣетъ
И всходитъ медленно оно,
И туго стебель подымаетъ,
Пока корней живой объемъ
Охватитъ міръ... Но міръ не знаетъ,
Какая сила зрѣетъ въ немъ.

На новый 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,

Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшихъ гнетъ,
Людямъ міръ, благословенье;
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

***

Могучимъ юности призывамъ
Правдивый выслушай отвѣтъ:
Не уступай ея порывамъ,
Не вѣрь кипѣнью бурныхъ лѣтъ!
Ея любви восторгъ поспѣшный
Бѣжитъ труда; дороже ей
Ненужный шумъ борьбы потѣшной,
Красивый жаръ ея страстей.
Ей недоступенъ подвигъ темный,
И много грѣшной суеты
Таитъ нерѣдко пылъ нескромный
Ея возвышенной мечты!

И рѣчи, шумныя для слуха,
Въ разладѣ съ правдой и добромъ!...
Не въ блескѣ дѣлъ, не въ буйствѣ духа
Мы силы духа познаемъ!
Пусть твердость мужа, съ безпощадной,
Докучной зоркостью суда,
Блюдетъ отъ той заразы смрадной
Заслугу честнаго труда.
И всѣхъ тщеславныхъ обольщеній
Мятежъ корыстный усмиривъ,
Да будетъ святъ тебѣ призывъ
Однихъ лишь строгихъ побужденій!
Чтобъ, трезвымъ мужествомъ дыша,
Ты не робѣлъ судьбы безславной,
Чтобъ честно шелъ ты въ бой неравный,
Чтобъ ненавидѣла душа,
Гдѣ-бъ ни былъ ты—въ глуши невидной,
Иль на опасной высотѣ—
При бодрыхъ силахъ сонъ обидный,
Съ неправдой міра миръ постыдный,
Потворство лжи и суетѣ!...

***

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ,
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!...

Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали.
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
И намъ теперь смѣшны его печали!

Но, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я, и громъ далекій слышалъ!...
Лгала и ты, о молодая кровь;
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы

Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишонъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы,—вы не нужны!
Засни ты, духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Базсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоятъ твердыни,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!...

Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!...
Слабѣйте-жь, силы,—вы не нужны!
Засни ты, духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кишатъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужели хоть однажды
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,

Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!
Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!
Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позорь, громи укорнымъ словомъ,
Подъемли насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетный успѣхъ.
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?...
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!....

—ой.

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру,
И вашу мудрость, вашу вѣру
Теперь я понялъ глубоко.
Вчера восторженной и шумной,
Тревожной рѣчью порицалъ

Я вашъ отвѣтъ благоразумный
И примиренье отвергалъ.
Я былъ смѣшонъ! признайтесь, вами
Мой страшный гнѣвъ осмѣянъ былъ;
Вы гордо думали: «Съ годами
Остынетъ юношескій пылъ!
И выгодъ власти и разврата,
Какъ всѣ мы, будетъ онъ искать
И равнодушно созерцать
Паденье нравственное брата!
Пойметъ и жизнь, и родъ людской,
Безплодность съ нимъ борьбы и стычекъ,
Блаженство тихое привычекъ.
И успокоится душой».

Но я, къ горячему моленью
Прибѣгнувъ, Бога смѣлъ просить:
Не дай мнѣ опытомъ и лѣнью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мнѣ силъ и помощь Божью.
Мой духъ усталый воскреси,
Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.
Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,—
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!
Пускай, не старѣя съ годами,
Мой духъ тяжелыми трудами
Мужаетъ, крѣпнетъ и ростетъ,
И, закалясь въ борьбѣ суровой
И окрылившись силой новой,
Направитъ выше свой полетъ!

А вы? вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,

И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущаютъ вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье—
Не христіанская любовь!
И вы къ покою и прощенью
Пришли въ развитіи своемъ
Не сокрушенія путемъ,
Но... равнодушіемъ и лѣнью!
А много, много дивныхъ силъ
Господь вамъ въ душу положилъ!
И тяжело, и грустно видѣть,
Что вами все соглашено,
Что неспособны вы давно
Негодовать и ненавидѣть!...
Отнынѣ, всякій свой порывъ
Глубоко въ душу затаивъ,
Я неумѣстными рѣчами
Покоя вамъ не возмущу.
Сочувствій вашихъ не ищу,
Живите счастливо, Богъ съ вами.

---

29 ноября 1878 г.

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей!
Въ моей изгнаннической долѣ
Какъ благодатно было мнѣ,
Радушный кровъ,—пріютъ неволи,—
Въ твоей привольной тишинѣ!

Когда въ пылу борьбы неравной,
Трудовъ подъятыхъ и тревогъ,
Такъ рьяно съ ложью полноправной
Сразился я—и изнемогъ,
И прямо съ браннаго похмѣлья
Меня къ тебѣ на новоселье
Судьба нежданно привела,—
Какой отрадой и покоемъ,
Какимъ внезапнымъ, звучнымъ строемъ
Душа охвачена была!
Какъ я постигъ благую разность,
Какъ оцѣнилъ я сердцемъ вновь
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досугъ!...

К. С. Аксаковъ.

Луна и солнце.

Тебя мечтательницы любятъ,
Луна, въ далекихъ небесахъ!
Свои мечты онѣ голубятъ
Въ твоихъ серебряныхъ лучахъ.
Къ тебѣ, о робкое свѣтило,
Стремится робкая душа,
Съ тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша!
Въ твоемъ мерцаніи пристрастномъ,
Въ твоей невѣрной полумглѣ
Все стало призракомъ неяснымъ,
Видѣньемъ страннымъ на землѣ.
Гоня вездѣ опредѣленность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомнѣньемъ окружила ты.
Твой блѣдный лучъ какой-то тайной
Весь міръ дѣйствительный облекъ,
Всему далъ видъ необычайный,—
Вездѣ загадка иль намекъ.
Завѣса легкаго тумана
На все наброшена тобой:
Очарованіе обмана

Объяло тихо міръ земной.
Но нѣжитъ онъ, твой лучъ холодный,
Лелѣетъ онъ въ ночной тиши
Пустаго сердца сонъ безплодный
И ложь мечтательной души.
Твоихъ поклонниковъ довольно,
Довольно въ мірѣ, о луна,
Тоски и скорби добровольной,
И лжи, и нравственнаго сна!
Есть люди: въ нихъ все такъ же зыбко,
Въ нихъ все загадка иль намекъ;
Въ ихъ сердцѣ—вѣчная ошибка;
Дары природы имъ не впрокъ.
Мила имъ область сновъ неясныхъ
И недоконченныхъ рѣчей,
Иносказаній ежечасныхъ,
Смѣшенья свѣта и тѣней.
Мечтамъ и шуткамъ безконечнымъ,
Какъ будто дѣлу преданы,
Они всю жизнь въ просоньи вѣчномъ
Свои разсказываютъ сны.

Но вотъ прозрачный мракъ рѣдѣетъ.
Зари багряной полосой
Все небо постепенно рдѣетъ
И всходитъ солнце надъ землей.
И солнца лучъ, рѣшитель спора,
Блеснулъ и прогоняетъ тьму:
Все освѣщаетъ онъ для взора,
Но недоступенъ онъ ему.
О, солнце, врагъ видѣній лживыхъ!
И полумракъ, и полусонъ
Бѣгутъ лучей твоихъ правдивыхъ!
Весь міръ открытъ и озаренъ,
Все смотритъ ясно и отрадно,

Нигдѣ ни въ чемъ обмана нѣтъ:
Все озаряетъ безпощадно
Твой, солнце, правосудный свѣтъ!
Что дышетъ жизнью настоящей,
То встрѣтитъ съ радостнымъ лицомъ
Твой неподкупный лучъ блестящій
И новыхъ силъ добудетъ въ немъ.
Торжественный и многогласный,
И непрестанный съ древнихъ поръ,
Тебѣ, свѣтило правды ясной,
Гремитъ хвалебный жизни хоръ!
Тотъ только солнце любитъ смѣло,
Кто жизнь въ мечту не обратилъ,
Кому доступно въ мірѣ дѣло,
Кто не изнѣжилъ данныхъ силъ;
Кто полумысли, получувства
Въ своей душѣ не допускалъ,
Рѣчей загадочныхъ искусства
Презрѣннаго не изучалъ;
Кому противенъ путь намека
И ненавистнѣй для кого
Благообразіе порока,
Чѣмъ безобразіе его,
Въ комъ чувство жизни вѣчно ново,
Кто рѣчи хитро не двоитъ,
Чья мысль ясна, чье прямо слово,
Чей духъ свободенъ и открытъ.

Свободное слово.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно одно—
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!
О, слово, даръ Бога святой!...
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ,
На козни, на вредную рѣчь,
Въ тебѣ-жь и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Весна.

Краснѣетъ лѣсъ, темнѣютъ степи,
Весенній вѣтеръ потянулъ...
И таютъ ледяныя цѣпи,
Вездѣ движеніе и гулъ.

***

Отрадно мягокъ воздухъ; птица
Напѣвъ тревожный свой ведетъ;
Надеждою сіяютъ лица:
Зима прошла, весна идетъ.

***

Весна идетъ! Но власть не скоро
Зима свою уступитъ ей
И силой грознаго отпора
Не разъ смутитъ сердца людей.

***

Вдругъ вѣтеръ съ сѣвера завоетъ,
Метель съ морозомъ налетитъ,
И снова землю снѣгъ покроетъ...
Опять зимы суровый видъ!

***

Но этотъ снѣгъ не страшенъ, даромъ
Что видъ зимы съ собой несетъ.
«То новый снѣгъ пришелъ за старымъ»,—
Премудро говоритъ народъ.

***

Не устрашатъ насъ ни морозы,
Ни снѣгъ весеннею порой:
Простимъ безсильныя угрозы
Зимы, идущей на покой!

Н. П. Аксаковъ.

Смѣхъ.

Все утратилъ нашъ вѣкъ, кромѣ смѣха—свободной стихіи,
Надъ которой не властны ни скорби, ни силы земныя...
Можно мысль оковать, задержать своевольныя грезы,
Могутъ выплакать очи послѣднія теплыя слезы
И отчаянья вопли сдавиться въ груди человѣка,—
Лишь не вѣдаетъ смѣхъ ни цѣпей, ни препятствій отъ вѣка!
И когда царство мрака и лжи своей маской холодной
Мысль упорно гнететъ, душитъ голосъ свободный,
Изъ окованной груди, какъ будто на грѣхъ,
Вырывается гордо несдержанный смѣхъ,
И отъ смѣха раскатовъ спадаетъ холодная маска,
Бьетъ въ лицо фарисеевъ стыда позабытая краска.

Нѣтъ сильнѣй на землѣ и свободнѣй владыки,
Чѣмъ властительный смѣхъ; вопли, грозные клики
И угрозы земныя, гордыню и скрежетъ зубовный,
Своенравную мысль и проклятья, и шопотъ любовный,—
Все въ ничто обращаютъ могучаго смѣха раскаты.
Передъ смѣхомъ трепещутъ властителей гордыхъ палаты,
Передъ смѣхомъ смолкаютъ и хитрость людская, и злоба,
И страшится его все, какъ хладнаго, мрачнаго гроба;
Передъ смѣхомъ побѣдъ торжество разлетается въ прахъ
И смѣются, душою воспрянувъ въ цѣпяхъ,
Тѣ, что мигъ лишь одинъ передъ тѣмъ трепетали
И главою склонялись покорной въ тоскѣ и печали.

Смѣйтесь, други! не вѣдаетъ смѣхъ ни цѣпей, ни препоны!
Если грудь не дерзаетъ извергнуть проклятья и стоны,—
Если гложетъ вамъ душу отчаянье долгіе годы,—
Смѣйтесь, други, сильнѣе въ сознаньи духовной свободы!
Смѣйтесь, други, надъ мглою, что грозно на бой выступаетъ!
Смѣйтесь, други, надъ ложью, что съ правдой бороться дерзаетъ!
Пусть властительны скорби и душу борьба утомила,
Смѣйтесь, други! есть въ смѣхѣ волшебная, чудная сила!
Смѣхомъ нашимъ, какъ стройными звуками лиръ,
Отъ неправды и зла исцѣляется міръ;
И ведетъ этотъ смѣхъ насъ къ побѣдѣ добра и святыни,
Словно огненный столбъ, что Израиля велъ по пустынѣ.

На юбилей Фета.

Ея сегодня нѣтъ на праздникѣ твоемъ,
Главнѣйшей гостьи нѣтъ... Лучами не согрѣта,
Закована во мглѣ морозами и льдомъ,
Сегодня не пришла привѣтствовать поэта
Любимица его—красавица весна...
И тщетно, можетъ быть, трясетъ она цѣпями,
Стремится толстый ледъ поднять на рамена,
И тщетно борется съ морозомъ и снѣгами...
Властна еще зима, могучъ и крѣпокъ ледъ,
Метели носятся и буйно, и сурово...
Ея сегодня нѣтъ... Но часъ ея придетъ...
Она сломаетъ ледъ, сорветъ съ себя оковы,
Съ веселымъ рокотомъ помчатся съ горъ ручьи,
Лѣса одѣнутся въ зеленые наряды,
Поднимется трава, засвищутъ соловьи,
Пришествію весны-живительницы рады,
И съ первымъ пѣньемъ птицъ, съ дыханіемъ цвѣтовъ,

И съ первой зелени волшебнымъ ароматомъ
Взовьются въ воздухѣ гирлянды мотыльковъ
Въ убранствѣ блещущемъ, и пестромъ, и богатомъ...
Тогда уже весна, вступивъ въ свои права,
Почтитъ тебя, пѣвецъ, улыбкою привѣта:
Листы зашелестятъ, зашепчется трава
И въ рощахъ прошумитъ, промчится имя Фета.
Ея сегодня нѣтъ... Въ цѣпяхъ она... Но вѣрь!
Она ужь борется съ морозомъ и снѣгами...
Она уже спѣшитъ... Она стучится въ дверь
Привѣтствовать тебя и пѣньемъ, и цвѣтами,

Б. Н. Алмазовъ.

Похороны.

Разносится напѣвъ торжественно-печальный,
И поѣздъ движется блестящій погребальный:
Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
Съ кадильницъ ѳиміамъ отъ ладана клубится,
Дымятся факелы, и съ громомъ колесница
Везетъ бездушные останки богача;
Повсюду золото, и бархатъ, и парча
Надъ нимъ и вкругъ него блистаетъ и пестрѣетъ,
И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣетъ
На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ,
Идутъ наслѣдники—на лицахъ ни слезинки!
И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
Гремитъ торжественно блестящій рядъ каретъ.
Зѣваки мелкіе на улицѣ толпятся,
Большія барыни заботливо тѣснятся
Съ дѣтьми и няньками у зеркальныхъ оконъ,
Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
Повсюду слышится: „кого, кого хоронятъ?“
Хожалые съ пути простой народъ сторонятъ—
Толкаютъ и кричатъ и щедро сыплютъ брань,

Желая принести свою посильну дань,
Дань почестей чинамъ почившаго вельможи.
Какіе хлопоты и шумъ—и изъ чего же?
Когда и гдѣ, въ какой святой, великій часъ!
Какое зрѣлище для сердца и для глазъ!
Какое странное, нестройное смѣшенье:
Гремитъ, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
Во всеуслышанье о суетѣ земной,
А все вокругъ полно бездушной суетой!
И смерти грозное и мрачное величье,
И свѣта тонкія, жеманныя приличья
Идутъ здѣсь объ руку—и дикой пестротой
Пугаютъ мысль и взоръ... и чувствъ тяжелыхъ рой,
Такъ безпорядочно, такъ смутно въ грудь тѣснится:
Не знаешь, хочешь ли смотрѣть или молиться?

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой
Везутъ на ломовомъ сосновый гробъ простой,
Ни шелкомъ, ни парчой блестящей не обитый,
Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...
Въ немъ—труженикъ-бѣднякъ. Свели его туда
Усилья тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да наша общая губительница чарка.
За гробомъ чуть бредетъ отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ.
Толпа тоскливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи оставленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наслѣдниковъ труда и злыхъ заботъ.
За ними вслѣдъ бредетъ, потупя взоръ угрюмо,
Собратъ умершаго, томимый мрачной думой,
Такой же, какъ и онъ, безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ, шумя, толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:

Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка, съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ къ печали:
„Какъ, матушка, скажи, покойника-то звали?"
— Иваномъ,—та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.

Кончина откупа.

Pleurez, doux alcyons! ô vous, oiseaux sacrés!
Oiseaux chers à Téthys, doux alcyons, pleurez!
Elle a vécu, Myrto, la belle Tarentine!
A. Chénier.

Восплачьте, Рюмины! Восплачь, о Бенардаки!
Стенайте, Утины! Стенай, Кондоянаки!
Визжи, о Мамонтовъ! О Кокоревъ, взреви,
На потребителяхъ гнѣвъ лютый оборви!
Реви, о Кокоревъ, поклонникъ музъ и грацій,
Реви съ Медынцевымъ, реви съ Козьмой Варваци!
Ревите хоромъ всѣ, отечества отцы,
Всѣ безъ различія—дворяне и купцы,
Всѣ, подписавшіе проектъ великодушный:
Въ долинѣ жизни сей вамъ скверно, тошно, душно...
Нѣтъ больше откупа—низринутъ сей колоссъ!
Вы думали поднять, да видно „сорвалось!"
Да, откупъ шлепнулся акцизу въ назиданье.
Прощай погибшее, но милое созданье!
„Прощай, кормилецъ нашъ,—кричите громко вы,—
Тебя оклеветалъ коварный гласъ молвы.
Да, въ Питерѣ понять, какъ видно, не хотѣли

Проекта нашего гуманной, мудрой цѣли.
Желая родину отъ гибели спасти,
Мы всѣ надѣялись навѣрно провести
Двѣ тысячи турусъ... бишь верстъ дорогъ желѣзныхъ;
Но нашихъ замысловъ высокихъ и полезныхъ
Не поняли, и мы отъ смерти на вершокъ—
Мы угнетенная невинность, что въ мѣшокъ
Посажена, и тамъ пищитъ, визжитъ и злится.
Что дѣлать намъ теперь?!" Что дѣлать вамъ? Топиться.
Топитесь въ Яузѣ, въ Днѣпрѣ, въ Москвѣ-рѣкѣ,
И въ Волгѣ-матушкѣ, и въ Клязьмѣ, и въ Окѣ!
Всѣ рѣки вамъ равны, всѣ вѣрно вамъ служили.
По ихъ, вѣдь, милости дышали вы и жили.
Теперь же съ помощью ихъ благодатныхъ водъ
Кончайте смертію прекрасный свой животъ!
Идите всѣ гуртомъ къ волнамъ родной стихіи,—
Воды достаточно у матушки Россіи;
Не всю исчерпали и распоили вы,—
Топитесь же, сыны любимые молвы!...
Постойте! Прежде чѣмъ начнете вы топиться,
Позвольте къ вамъ теперь съ вопросомъ обратиться:
Кто болѣе изъ васъ отечества отецъ?
Чей благородный ликъ на мраморѣ сердецъ
Яснѣе выдолбитъ народное преданье?
Въ чьемъ сердцѣ болѣе къ народу состраданья?
Кто болѣе добра отечеству желалъ,
И въ праздникъ кабаки всѣхъ раньше отпиралъ?
Скажите поскорѣй! исторія готова
Въ лицѣ историка Сергѣя Соловьева
То имя занести въ нетлѣнную скрижаль,
Потомству дальнему на диво и въ мораль.

Гроза.

Блистаетъ день томительный и душный,
Но туча за горой угрюмая взошла,
И грозно двинулась громадою воздушной,
И черной мглой все небо облегла,

И тѣнь, и мракъ на небо опустились.
Замолкнулъ лѣсъ, недвижно лоно водъ,
И вѣтеръ стихъ, и птицы притаились,
И вся земля благоговѣйно ждетъ.

И вдругъ съ небесъ рванулся вихрь могучій,
Завылъ и съ яростью пронесся чрезъ поля;
Взвилася пыль, крутясь столбомъ летучимъ,
Разсѣкла молнія серпомъ горящимъ тучи,—
И грянулъ громъ,—и дрогнула земля.

Прекрасенъ ты, могучій громъ небесный!
Греми и потрясай сердца людей и долъ:
Въ юдоли сей унылой, душной, тѣсной
Ты намъ привѣтъ изъ родины безвѣстной,
Страны таинственной таинственный глаголъ.

Безмолвны небеса,—и суетно и шумно
Земля заботами обычными кипитъ,
И страсти пылкія волнуются безумно;
Князь міра властвуетъ и страхъ Господень спитъ.

Но грянулъ громъ, и суетныя рѣчи
Затихли, замеръ смѣхъ мгновенно на устахъ,
И предъ иконами затеплилися свѣчи—
Молитва теплится въ очнувшихся сердцахъ.

Греми же, праведный, могучій громъ небесный,
И землю грѣшную громи и потрясай,
И насъ торжественно, какъ благовѣстъ воскресный,
Отъ нѣги и трудовъ къ молитвѣ призывай.

Пусть голосъ твой могучій прерываетъ
Унылый ходъ вседневныхъ дѣлъ и думъ,
И дѣтской робостью намъ сердце размягчаетъ,
И хоть на мигъ смущаетъ смѣлый умъ.

Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной
Сокрытыхъ тайнъ въ подлунномъ мірѣ нѣтъ:
Измѣрилъ все разсудокъ мѣрой точной,
На все, на все заранѣ и заочно
Готовы въ насъ рѣшенье и отвѣтъ.

Чредой знакомою предъ нами жизнь мелькаетъ,
Повсюду будничный, однообразный видъ:
Ничто нашъ взоръ внезапнымъ не пугаетъ,
Ничто нашъ умъ загадкой не дивитъ.

И, средь заботъ, разсчетовъ и пороковъ,
Безцвѣтно наша жизнь влачится безъ чудесъ,
Безъ слова грознаго разгнѣванныхъ пророковъ,
Безъ грозныхъ знаменій разгнѣванныхъ небесъ.

Но въ мигъ, когда земля дрожитъ и стонетъ,
И твердь небесная сверкаетъ и горитъ,
И въ лавѣ огненной окрестность грозно тонетъ,
И съ ревомъ вихрь за тучей тучу гонитъ,
И на землѣ все стихнетъ и смолчитъ.

И въ злой тоскѣ, какъ предъ кончиной міра,
Томясь, какъ грѣшница, природа мрачно ждетъ,
Когда палящій огнь съ небеснаго эѳира
По гласу трубному, какъ мстящая сѣкира,
На землю съ грохотомъ и трескомъ упадетъ.

Тогда, какъ въ мигъ святаго откровенья,
Намъ слышится знакомый сердцу гласъ,
Давно въ шуму житейскаго волненья
Неслышный намъ, звучащій вѣчно въ насъ.

Когда-жь гроза надъ нами пронесется,
И солнце выглянетъ, и птички запоютъ,
И, обновленная, природа улыбнется,
И травы ароматъ роскошно разольютъ,

И съ свѣжимъ воздухомъ отрадою спокойной
Въ открытое окно пахнетъ на нашу грудь,—
Бодрѣй и радостнѣй съ душою обновленной
Глядимъ мы вдаль на трудный жизни путь;

Еще въ жару святаго впечатлѣнья,
Душа небесными глаголами полна,—
Яснѣй свое небесное рожденье
И сознаетъ, и чувствуетъ она;

Не тѣсно ей въ земномъ жилищѣ тѣсномъ,
Привольнѣй жить подъ кровомъ ей роднымъ;
И жарче вѣруемъ мы чудесамъ небеснымъ,
Живѣе вѣрится и подвигамъ земнымъ;

Въ одеждѣ праздничной тогда все блещетъ въ мірѣ,
Спадаетъ съ душъ заботъ тяжелый гнетъ,
И наша мысль торжественнѣй и шире
Возноситъ къ небесамъ свой царственный полетъ;

Роскошнѣй сновъ безгрѣшныя видѣнья
Лелѣютъ чистыхъ дѣвъ и отроковъ сердца,
И величавѣе нисходитъ вдохновенье
На душу тихую пѣвца.

С. А. Андреевскій.

Чистый образъ видѣнья любимаго,
Не слетай надо мною свѣтить
И усталое сердце будить
Не пытайся отъ сна нерушимаго!

Не играй лучезарными красками
Предъ опущеннымъ взоромъ моимъ
И къ восторгамъ, давно неживымъ,
Не зови неотступными ласками...

Тихій сонъ агоніи спасительной
Не тревожь дуновеньемъ крыла,
И безкровную блѣдность чела
Не кропи мнѣ росой освѣжительной...

Надо мною въ нѣмой тишинѣ
Струны счастья вдали обрываются,
Тѣни милыя молча прощаются,—
Дай безъ мукъ успокоиться мнѣ!

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля.
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... Лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: „поскорѣй догори!“

И потухла заря. И какъ фея любви
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ...
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

Пигмей.

Слѣдя кругомъ вседневныя кончины,
Страшусь терять бѣгущій мимо часъ:
Отжившій міръ въ безмолвіи погасъ,
А будущій не вызванъ изъ пучины.
Межь двухъ огней мы царствуемъ одни,
Мы въ полосѣ движенія и свѣта,
Всесильные, пока насъ грѣютъ дни,
Пока для насъ не грянулъ часъ запрета.
И я страшусь за нашъ отвѣтный постъ,
Гдѣ генію возможенъ скорый ростъ,
Гдѣ только разъ мы можемъ быть полезны—
И жутко мнѣ надъ краемъ бездны!

Но демонъ есть, онъ весь—лукавый смѣхъ;
Онъ говоритъ, спокойный за успѣхъ:
—„Какъ даръ судьбы, великое—случайно,
И генія вѣнчаютъ не за трудъ,

Неправеденъ потомства громкій судъ
И ты, пигмей, сойдешь со свѣта тайно.
Порывъ души заносчивый умѣрь,
Войди въ тотъ рай, куда открыта дверь:
Подъ этимъ солнцемъ видимымъ и яснымъ,
Въ живомъ теплѣ, которымъ дышешь ты,
Владѣй любовью свѣжей красоты—
Цвѣтущимъ тѣломъ, гибкимъ и атласнымъ.
Объѣхавъ міръ, насыть кристаллъ очей
Эффектами закатовъ и восходовъ,
Величьемъ горъ и вольностью морей,
И пестрой вереницею народовъ...
Порой забавься вымысломъ чужимъ
За книгою, на сценѣ, въ галлереѣ,
Не предаваясь пагубной затѣѣ
Свой умъ и чувство жертвовать другимъ...
Къ земнымъ дарамъ питай въ себѣ охоту:
Люби вино, и шелкъ, и позолоту,
Здоровый сонъ, живую новость дня,
И шумъ толпы, и поздній свѣтъ огня...
Свой вѣкъ продливъ разумнымъ воздержаньемъ,
Ты отпадешь, какъ полновѣсный плодъ,
Не сморщенный до срока увяданьемъ,
Не сорванный разгуломъ непогодъ».

Но, слушая тѣ здравые совѣты,
Задумчиво внимаетъ имъ пигмей;
Претятъ ему доступные предметы,
Манитъ его туманный міръ идей.
Тревожимый упрекомъ потаеннымъ,
Въ невыгодной заботѣ о другихъ,—
Идетъ онъ мимо прелестей земныхъ
Съ лицомъ худымъ и гнѣвомъ убѣжденнымъ!
И созданный въ подобіе звѣрямъ,
Въ оковахъ плоти спутанный, какъ сѣтью,

Онъ, не стремясь къ благому долголѣтью,
Идетъ на смерть, служа своимъ мечтамъ...
Но если міръ, цвѣтущій и прелестный,
На полный мракъ имъ гордо обмѣненъ,
За то во всей могучей поднебесной
Нѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ онъ!
Нѣтъ ничего священнѣе для взора,
Какъ бѣлые, сухіе черепа
Работниковъ, сошедшихъ безъ укора—
Молись ихъ памяти, толпа!

***

Нельзя въ душѣ уврачевать
Ея старинныя печали,
Когда на сердцѣ ихъ печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смѣхъ звучитъ въ устахъ
И счастье новое въ чертахъ
Свой алый свѣточъ зарумянитъ—
Для давней скорби мигъ настанетъ:
Она мелькнетъ еще въ умѣ,
Пришлетъ свой ропотъ присмирѣвшій,
Какъ вѣтеръ въ листьяхъ прошумѣвшій,
Какъ звукъ, заплакавшій во тьмѣ...

А. Н. Апухтинъ.

Отрывокъ изъ поэмы

«Годъ въ монастырѣ».

Сегодня сценою печальной
Весь монастырь взволнованъ былъ.
Есть послушникъ у насъ, по имени Кириллъ.
Пришелъ онъ изъ Сибири дальной
Еще весной и всѣ привлекъ сердца
Своею кротостью и вѣрой безъ предѣла.
Онъ сынъ единственный богатаго купца,
Но вѣрой пламенной душа его горѣла
Отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Таилъ онъ мысль свою,
И вотъ однажды бросилъ домъ, семью,
Оставивши письмо, что на служенье Богу
Уходитъ онъ. Отецъ и мать
Чуть не сошли съ ума; потомъ его искать
Отправились въ безвѣстную дорогу.
Семь мѣсяцевъ, влача томительные дни,
По всѣмъ монастырямъ скиталися они.
Вчера съ надеждою послѣдней
Пріѣхали сюда, не зная ничего,
И нынче вдругъ за раннею обѣдней
Увидѣли Кирюшу своего...

Вся братія стояла у собора,
Кириллъ молчалъ не поднимая взора.

Отецъ—осанистый, сѣдой, какъ лунь, старикъ—
Степенно началъ рѣчь, но столькихъ впечатлѣній
Не вынесла душа: онъ головой поникъ
И сталъ предъ сыномъ на колѣни.
Онъ заклиналъ его Христомъ
Вернуться снова въ отчій домъ,
Онъ говорилъ, какъ жизнь ему постыла...
„На что богатства мнѣ? Кому ихъ передать?
Кирюша, воротись! Возьметъ меня могила,—
Опять придешь сюда: тебѣ не долго ждать!“
Игуменъ отвѣчалъ краснорѣчиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горевать отцу напрасно,
Что сынъ его избралъ благую часть,
Что онъ грѣхи отцовскіе замолитъ,
Что тяжело идти отъ свѣта въ тьму,
Что, впрочемъ, онъ его остаться не неволитъ:
„Пускай рѣшаетъ самъ по сердцу своему!“
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрѣла то на сына, то на храмъ,
И зарыдала вдругъ, припавъ къ его ногамъ,
И таялъ бѣлый снѣгъ подъ жгучими слезами.
Кириллъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ; въ душѣ его опять,
Казалось, переломъ какой-то совершался,
Не выдержалъ и онъ: обнялъ отца и мать,
Заплакалъ горько, но... остался.
Такъ наша жизнь идетъ: вездѣ борьба, разладъ...
Кого-жь Ты осудилъ, о правосудный Боже?
И правы старики, и сынъ не виноватъ,
И долгу своему игуменъ вѣренъ тоже,—
Какъ разрѣшить вопросъ? Что радость для однихъ,
Другимъ—причина для страданья...
Рѣшать я не могу задачъ такихъ...
Но только матери рыданья
Сильнѣй всего звучатъ въ ушахъ моихъ!

Просёлокъ.

По Руси великой, безъ конца, безъ края
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрезъ лѣса да рѣки, по лугамъ, по нивамъ,
Все бѣжитъ куда-то шагомъ торопливымъ,
И чудесъ хоть мало встрѣтишь той дорогой,
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея убогой.
Утро ли займется на небѣ румяномъ,
Вся она росою блещетъ подъ туманомъ;
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны сонной
Скошеннаго сѣна запахъ благовонный;
Все молчитъ, все дремлетъ,—въ утреннемъ покоѣ
Только ржи мелькаетъ море золотое,
И куда ни глянешь освѣженнымъ взоромъ,
Отовсюду вѣетъ тишью да просторомъ.
На гору-ль въѣзжаешь, за горой селенье
Съ церковью зеленой видно въ отдаленьѣ.
Ни садовъ, ни рѣчки; въ рощѣ невысокой
Липа да орѣшникъ разрослись широко,
А вдали, надъ прудомъ, высится плотина...
Бѣдная картина! милая картина!...
Вотъ на встрѣчу бодро мужичокъ шагаетъ,
Съ дикимъ воплемъ стадо путь перебѣгаетъ.
Жарко... день, краснѣя, всходитъ понемногу...
Скоро на большую выѣдемъ дорогу.
Тамъ стоятъ ракиты, по порядку, чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Изъ столицъ идетъ тамъ всякая новинка...
Тамъ ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, безъ конца, безъ края
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съѣхалъ: впереди застава,

Сзади пыль да версты... Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной,—
Тотъ же прихотливый, тотъ же непокорный!

Ніобея.

(Заимствовано изъ „Метаморфозъ“ Овидія).

Надъ трупами милыхъ своихъ сыновей
Стояла въ слезахъ Ніобея.
Лицо у ней мрамора было бѣлѣй
И губы шептали, блѣднѣя:
„Насыться, Латона, печалью моей,
Умѣешь ты мстить за обиду!
Не ты ли прислала мнѣ гнѣвныхъ дѣтей:
И Феба, и дочь Артемиду?
Ихъ семеро было вчера у меня,
Могучихъ сыновъ Амфіона,
Сегодня... О, лучше-бъ не видѣть мнѣ дня...
Насыться, насыться, Латона!
Мой первенецъ милый, Исменъ молодой,
На бурномъ конѣ проносился
И вдругъ, пораженный незримой стрѣлой,
Съ коня бездыханенъ свалился.
То видя, исполнился страхомъ Синилъ
И въ бѣгствѣ искалъ онъ спасенья,
Но богъ безпощадный его поразилъ,
Бѣгущаго съ поля мученья.
И третій мой сынъ, незабвенный Танталъ,
Могучему дѣду подобный
Не именемъ только, но силой,—онъ палъ,
Стрѣлою настигнутый злобной.
Съ нимъ вмѣстѣ погибъ дорогой мой Файдимъ,
Напрасно ища меня взоромъ;

Какъ дубы высокіе пали за нимъ
И Дамасихтонъ съ Алфеноромъ.
Одинъ оставался лишь Иліоней,
Прекрасный, любимый, счастливый,
Какъ богъ красотою волшебной своей
Плѣнявшій родимыя Ѳивы.
Какъ сильно хотѣлося отроку жить,
Какъ, полонъ невѣдомой муки,
Онъ началъ боговъ о пощадѣ молить,
Онъ поднялъ безсильныя руки...
Мольба его такъ непритворна была,
Что сжалился богъ лучезарный...
Но поздно! Летитъ роковая стрѣла,—
Стрѣлы не воротишь коварной,—
И тихая смерть, словно сонъ среди дня,
Закрыла прелестныя очи...
Ихъ семеро было вчера у меня...
О, длиться-бъ всегда этой ночи!
Какъ жадно, Латона, ждала ты зари,
Чтобъ тяжкія видѣть утраты...
А все же и нынѣ, богиня, смотри:
Меня побѣдить не могла ты!
А все же къ презрѣннымъ твоимъ алтарямъ
Не прйдутъ вѣнчанныя жены,
Не будетъ куриться на нихъ ѳиміамъ
Во славу богини Латоны!
Вы, боги, всесильны надъ нашей судьбой,
Бороться не можемъ мы съ вами:
Вы насъ побиваете камнемъ, стрѣлой,
Болѣзнями или громами...
Но если въ бѣдѣ, въ униженьи тупомъ
Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятья вамъ шлемъ,—
Ужель вы тогда побѣдили?
Гордись же, Латона, побѣдою дня,

Пируй въ ликованьяхъ напрасныхъ!
Но семь дочерей еще есть у меня,
Семь дѣвъ молодыхъ и прекрасныхъ...
Для нихъ буду жить я! Ихъ нѣжно любя,
Любуясь ихъ лаской привѣтной,
Я, смертная, все же счастливѣй тебя,
Богини, едва не бездѣтной!"
Еще отзвучать не успѣли слова,
Какъ слышитъ, дрожа, Ніобея,
Что въ воздухѣ знойномъ звенитъ тетива,
Все ближе звенитъ и сильнѣе...
И падаютъ вдругъ ея шесть дочерей
Безъ жизни одна за другою...
Такъ падаютъ лѣтомъ колосья полей,
Сраженные жадной косою.
Седьмая еще оставалась одна,
И съ крикомъ: „о боги, спасите!"
На грудь Ніобеи припала она,
Моля свою мать о защитѣ.
Смутилась царица. Страданье, испугъ
Душой овладѣли сильнѣе,
И гордое сердце растаяло вдругъ
Въ стѣсненной груди Ніобеи.
„Латона, богиня, прости мнѣ вину
(Лепечетъ жена Амфіона),
Одну хоть оставь мнѣ, одну лишь, одну...
О сжалься, о сжалься, Латона!"
И крѣпче прижала къ груди она дочь,
Полна безотчетной надежды,
Но нѣтъ ей пощады,—и вѣчная ночь
Сомкнула ужь юныя вѣжды.
Стоитъ Ніобея безмолвна, блѣдна,
Текутъ ея слезы ручьями...
И чудо! Глядятъ: каменѣетъ она
Съ поднятыми къ небу руками.

Тяжелая глыба влилась въ ея грудь,
Не видитъ она и не слышитъ,
И воздухъ не смѣетъ въ лицо ей дохнуть,
И вѣтеръ волосъ не колышетъ.
Затихли отчаянье, гордость и стыдъ,
Безсильно замолкли угрозы...
Въ красѣ упоительной мраморъ стоитъ
И точитъ обильныя слезы.

***

О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина!
Всю ночь я просидѣть готовъ бы до разсвѣта
У этого окна.
Какой-то темный ликъ мелькаетъ по аллеѣ,
И воздухъ недвижимъ,
И кажется, что тамъ еще, еще темнѣе
За садомъ молодымъ.
Ужь поздно... Все сильнѣй цвѣтовъ благоуханье,
Сейчасъ взойдетъ луна...
На небесахъ покой, и на землѣ молчанье,
И всюду тишина.

Давно ли въ этотъ садъ, въ чудесный вечеръ мая,
Входили мы вдвоемъ?
О сколько, сколько разъ его мы, не смолкая,
Бывало, обойдемъ!
И вотъ я здѣсь одинъ съ измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мнѣ хочется рыдать, припавши, какъ бывало,
Къ груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомаго привѣта,
Душа болитъ одна...
О Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина!

Къ поэзіи.

Въ эти дни ожиданья тупаго,
Въ эти тяжкіе, тусклые дни,
О явись намъ, волшебница, снова
И весною нежданной дохни!

Отъ насилій, измѣнъ и коварства,
Отъ кровавыхъ раздоровъ людскихъ
Уноси въ свое свѣтлое царство
Ты глашатаевъ вѣрныхъ своихъ!

Позабудь роковыя сомнѣнья
И, безсмертной сіяя красой,
Намъ послѣднюю пѣснь утѣшенья,
Лучезарную пѣсню пропой!

Какъ напѣвы чарующей сказки,
Будетъ пѣсня легка и жива;
Мы услышимъ въ ней матери ласки
И молитвы забытой слова;

Намъ припомнятся юности годы,
И пиры золотой старины,
И мечты безкорыстной свободы,
И любви задушевные сны.

Пой съ могучей, неслыханной силой,
Воскреси, воскреси еще разъ
Все, что было намъ свято и мило,
Все, чѣмъ жизнь улыбалась для насъ!

Разбитая ваза.

(Подражаніе Сюлли-Прюдому).

Ту вазу, гдѣ цвѣтокъ ты сберегала нѣжный,
Ударомъ вѣера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва замѣтная, на ней
Осталась... Но съ тѣхъ поръ прошло не много дней,
Небрежность дѣтская твоя давно забыта,
А вазѣ ужь грозитъ нежданная бѣда!
Увялъ ея цвѣтокъ; ушла ея вода...
Не тронь ее: она разбита.

Такъ сердца моего коснулась ты рукой—
Рукою нѣжной и любимой—
И съ той поры на немъ, какъ отъ обиды злой,
Остался слѣдъ неизгладимый.
Оно какъ прежде бьется и живетъ,
Отъ всѣхъ его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день ростетъ...
Не тронь его: оно разбито.

Недостроенный памятникъ.

Однажды снилось мнѣ, что площадь русской сцены
Была полна людей; гудѣли голоса;
Огнями пышными горѣли окна, стѣны,
И съ трескомъ падали ненужные лѣса,
И изъ-за тѣхъ лѣсовъ, въ сіяніи великомъ,
Явилась женщина. Съ высокаго чела
Улыбка свѣтлая на зрителей сошла
И площадь дрогнула однимъ могучимъ крикомъ.
Волненье усмиривъ движеніемъ руки,
Промолвила она, склонивъ къ театру взоры:
„Учитесь у меня, россійскіе актеры!

„Я роль свою сыграла мастерски.
„Принцессою кочующей и бѣдной,
„Какъ многія, явилася я къ вамъ
„И также жизнь моя могла пройти безслѣдно,
„Но было иначе угодно небесамъ.
„На шаткія тогда ступени трона
„Ступила я безтрепетной ногой—
„И заблистала старая корона
„Надъ новою, вамъ чуждой головой.
„За то какъ высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый!
„Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
„Какой немеркнущею славой
„Покрылись ваши знамена!
„Съ дворянства моего оковы были сняты,
„Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда,
„Въ столицу Грознаго сзывались депутаты,
„Изъ нѣдръ степей вставали города...
„Я женщина была—и много я любила...
„Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
„Ни разу я отчизны не забыла
„И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
„Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти,
„Надменно отошелъ отъ сердца моего,
„Не пошатнула я его могучей власти,
„Гигантскихъ замысловъ его.
„Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
„Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
„Но не былъ онъ похожъ на стертую монету,
„На скопище безцвѣтное льстецовъ.
„Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
„Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
„За то въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
„И чудаки такіе, какъ Суворовъ.
„За то и я могла свободно говорить
„Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,

„Что лучше десять оправдать виновныхъ,
„Чѣмъ одного невиннаго казнить.
„И не было то слово буквой праздной!...
„Однажды пасквиль мнѣ рѣшилися подать:
„Въ немъ я была какъ женщина, какъ мать
„Поругана со злобой безобразной...
„Заныла грудь моя отъ гнѣва и тоски;
„Ужь мнѣ мерещились допросы, приговоры...
„Учитесь у меня, россійскіе актеры!
„Я роль свою сыграла мастерски:
„Я пасквиль тотъ взяла—и написала съ краю:
„Оставить автора, стыдомъ его казня.
„Что здѣсь—какъ женщины—касается меня
„Я—какъ царица—презираю!
„Да, управлять подчасъ бывало не легко!
„Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи—
„Я помнила лишь выгоды Россіи—
„И знамя то держала высоко.
„Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые—
„Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
„Я больше русская была,
„Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!
„Но время шло, печальные слѣды
„Вокругъ себя невольно оставляя...
„Качалася на мнѣ корона золотая
„И ржавѣли въ рукахъ державныя бразды...
„Когда случится вамъ, питомцы Мельпомены,
„Творенье генія со славой разыграть
„И вами созданныя сцены
„Заставятъ зрителей смѣяться иль рыдать,
„Тогда—скажите ради Бога—
„Ужель вамъ не простятъ правдивыя сердца
„Неловкость выхода, неровности конца
„И даже скуку эпилога?“
Тутъ гулъ по площади пошелъ со всѣхъ сторонъ,

Гремѣли небеса, людскому хору вторя,—
И былъ сначала я, какъ будто ревомъ моря,
Народнымъ воплемъ оглушенъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино—
И ясно слышалъ я изъ говора того:
„Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего!“

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободенъ, спокоенъ опять;
Но не радостенъ этотъ покой...

Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,
Ты сидишь, какъ бывало, со мной.
Мнѣ мерещатся снова они—
Эти жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихимъ свѣтомъ твоимъ озаренныя.
А проснулся я: ночь, какъ могила, темна,
И подушка моя холодна,
И мнѣ некому сердце излить
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если-жь многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ,—
Мое сердце, какъ прежде, дрожитъ!
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,

Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я съ безумной тоской
Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой нѣкогда мнѣ дорогой
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ?—Дай же отвѣтъ!...
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И, какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда,
Противъ воли моей, противъ воли твоей
Ты со мною вездѣ и всегда!

В. Г. Бенедиктовъ.

Прости.

Прости!... Какъ много въ этомъ звукѣ
Глубокихъ тайнъ заключено!
Святое слово! Въ мигъ разлуки
Граничитъ съ вѣчностью оно.
Разлука... Гдѣ ея начало?
Дождемся-ль мы ея конца?
Едва „да будетъ“ прозвучало
Изъ устъ божественныхъ Творца—
Мгновенно бездна закипѣла,
Мгновенно творческій глаголъ
Черту великаго раздѣла
Въ хаосѣ дремлющемъ провелъ;
Творецъ расторгнулъ сочетанья,
Стихіи рознялъ, раздѣлилъ,
И въ самый первый мигъ созданья
Съ землею небо разлучилъ,
И мраку бездны довременной
Велѣлъ отъ свѣта отойти,—
И всюду въ первый день вселенной
Промчалось грустное „прости“.
Съ тѣхъ поръ донынѣ эти звуки
Идутъ, летятъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И, брошенный въ юдоль разлуки,
Повитъ страданьемъ человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ, тоскуя, небо ночи
Наводитъ тамъ—въ нѣмой дали—
Свои мерцающія очи
На лоно сумрачной земли,
И, къ ней объятья простирая,
Въ свой свѣтлый край ее манитъ, —
Напрасно: узница родная
Въ оковахъ тяжести скорбитъ.
Заря съ востока мечетъ розы.
Росою влажатся поля:
О, это слезы, скорби слезы,
Въ слезахъ купается земля.
Въ вѣка уходятъ дни и годы
И въ вѣчность катятся вѣка,—
Все также льется слезъ природы
Неистощимая рѣка.
Прости! Прости!—Сей звукъ унылый
Дано намъ вторить каждый часъ
И, наконецъ, въ дверяхъ могилы
Его издать въ послѣдній разъ,—
И здѣсь, впервые полонъ свѣта,
Исходитъ онъ, какъ ясный лучъ,
Какъ надъ челомъ разбитыхъ тучъ
Живая радуга завѣта,
И смерть спѣшитъ его умчать,
И этотъ звукъ съ одра кончины,
Здѣсь излетѣвъ до половины,
Уходитъ въ небо дозвучать,
И повторенъ эдемскимъ клиромъ,
И принятъ въ небѣ съ торжествомъ,
Святой глаголъ разлуки съ міромъ—
Глаголъ свиданья съ Божествомъ!

Къ портрету Государя Императора Александра Николаевича,

помѣщенному въ «Живописномъ Сборникѣ» 1857 г., № 2.

Царь! Твой, благостью и силой
Знаменующійся ликъ
Для твоей Россіи милой
Любо видѣть каждый мигъ.
Твой портретъ блеститъ по заламъ;
Соприсущій намъ всегда,
Онъ воздвигнутъ надъ зерцаломъ
Въ каждой храминѣ суда;
Въ академіи, въ сенатѣ
Яркой рамой обведенъ,—
И въ смиренной сельской хатѣ
Близъ божницы укрѣпленъ;
Мужичку многоутѣшный,
Трудовой копѣйкой взятъ—
Хоть малеванъ кистью грѣшной,
Онъ ему глубоко-святъ.
Ты намъ дорогъ въ этихъ лицахъ;
Пуще-жь любо намъ твой ликъ
Видѣть въ книгахъ—на страницахъ,
Гдѣ живетъ родной языкъ,
Гдѣ возлюбленное слово,
Посвященное Тебѣ,
Чрезъ Тебя найти готово
Силы новыя въ себѣ.
Въ словѣ—ходъ успѣховъ вѣка
Отпечатанъ на землѣ;
Слово—признакъ человѣка,
Слово—горній свѣтъ во мглѣ;
Всколебавъ намъ нервы слуха,
Словомъ къ намъ воззвалъ Господь;

Слово—путь къ явленьямъ духа;
Слово—мысли кровь и плоть.
Царь! Гдѣ слово проситъ крова,—
Кровомъ царственной любви
Осѣни намъ наше слово
И звучать благослови!

Молитва природы.

Я вижу цѣлый день мученіе природы:
Ладьями тяжкими придавленныя воды
Браздятся; сочныхъ травъ надъ бархатнымъ ковромъ
Свирѣпствуетъ коса; клонясь подъ топоромъ,
Трещитъ столѣтній дубъ въ лѣсу непроходимомъ,
И ясный сводъ небесъ коптится нашимъ дымомъ.
Мы вѣтру не даемъ свободно пролетѣть:
Вотъ мельницы—изволь намъ крылья ихъ вертѣть!
Дуй въ наши паруса! Природа помолиться
Не успѣваетъ днемъ предвѣчному Творцу:
Томится человѣкъ и ей велитъ томиться
Съ утра до вечера... Но день идетъ къ концу;
Вотъ вечеръ,—вотъ и ночь,—и небо съ видомъ ласки
Раскрыло ясныхъ звѣздъ серебряные глазки,—
А вотъ и лунный шаръ: лампада зажжена,
Въ молельню тихую земля превращена;
Замолкла жизнь людей, утихла эта битва...
Природа молится. Да—вотъ ея молитва!

Борьба.

Таковъ, знать, Богомъ всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:

Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ,
И свѣжей силы не пускало
Къ кипучимъ, жизненнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось,
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше встарину,
И съ этой пѣсней въ гробъ валилось,—
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,
Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бранными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ все, что ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ
Живая мысль, живое слово.
Умри, въ комъ будущаго нѣтъ!

Порой, средь общаго движенья,
Все смутно, сбивчиво, темно;
Но не отъ мутнаго-ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде зримъ былъ мертвый идолъ,
Тамъ новый Богъ поставленъ имъ,
Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ:
Мы тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, да не тѣ:
Подъ средневѣковое иго
Уже не клонится никто;
И хоть предъ нами та же книга,

Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья.
И нынѣ мы пошли бы въ бой,
Но не для гроба лишь пустаго,
А съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живаго.

Ты мнѣ все.

Воздуха чистаго въ легкомъ дыханіи
Мнѣ твоей поступи вѣянье слышится;
На морѣ бѣлой волны въ колыханіи
Все мнѣ волна твоихъ персей колышется;
Тополя стройнаго въ лиственномъ шелестѣ
Чудится шепотъ твой нѣжный, таинственный;
Въ цѣлой природѣ твои только прелести
Я созерцаю, о другъ мой единственный!
Ты—мое солнце въ полуднѣ высокое,
Мѣсяцъ серебряный, звѣздочка скромная;
Ты—моя радость и горе глубокое,
День мой блестящій и ночь моя темная.

Посмотри.

Тихій вечера часъ.
Свѣтъ зари на закатѣ угасъ.
Всею ширью рѣка
Отражаетъ въ себѣ облака,
Отражаетъ лѣса,
Отражаетъ судовъ паруса,—
А на той сторонѣ

Сосны темныя видятся мнѣ;
Огоньки тамъ горятъ:
Рыбаки себѣ кашу варятъ.
Посмотри, куманекъ,
Какъ хорошъ за рѣкой огонекъ!
Какъ онъ легъ кое-гдѣ
Золотистымъ снопомъ по водѣ,
А гдѣ струйка бѣжитъ—
Онъ червонной тамъ нитью дрожитъ;
Струйкѣ той въ-переломъ
Легкій яликъ ударилъ весломъ,
И нѣтъ перламъ числа,
Что забрызгали разомъ съ весла.
Эка роскошь! Вокругъ
Загребай хоть лопатой жемчугъ!
А, межь тѣмъ, вдалекѣ
Пѣсня стелется вдоль по рѣкѣ.
Посмотри, куманекъ,
Какъ хорошъ за рѣкой огонекъ!

— —

Ѳ. Н. Бергъ.

* * *

Дождя сверкающаго капли
Шумѣли въ блещущихъ листахъ,
Шумѣлъ, весь въ капляхъ, воздухъ синій,
Колеблясь въ радужныхъ лучахъ.

Благоуханная прохлада
Плыла широко. Здѣсь и тамъ
Встряхнется вѣтка, словно кто-то
Порхнетъ незримый по кустамъ.

Все задрожало, зажужжало,
Зазеленѣло, зацвѣло,
И изъ янтарной тучки солнце
Какъ обновленное взошло.

Въ полѣ.

Дай тебѣ, Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождика, вёдра въ поля
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухаго да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, Христовы работники!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною,—
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится.
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ, да распустится,—
Знай увози—собирай!
Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихою,
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба, что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по селамъ польются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя,—
Горы сноповъ повезутъ.
Все, чѣмъ поля за труды не поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотятся,
Все въ закрома покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,

Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось,
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

Заря.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой!
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ;
Свое для всѣхъ положитъ каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная,
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужь вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,—
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мшистыя ступени.

А. Л. Боровиковскій.

31 января 1881 г. *).

(Дѣтямъ).

Толпа идетъ, идетъ... Ужь тѣ давно прошли,
А эти все идутъ... И тамъ идутъ, взгляни ты...
Вѣнки... Еще вѣнки... А сколько пронесли,
И каждый съ надписью, цвѣтами перевиты!...

Смотри, дитя мое,—печаль и торжество!
Хоронитъ въ этотъ день—и празднуетъ столица.
Ты знай: въ исторію народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.

А тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, онъ,
Чей гробъ теперь несутъ, усыпанный цвѣтами,—
Онъ шелъ закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

Потомъ, дитя мое, поймешь ты смыслъ того,
Что говорю тебѣ пока однимъ намекомъ...
Но *цѣпи* и—*цвѣты*!... Для сердца твоего
И это ужь звучитъ внушительнымъ урокомъ.

---

*) Похороны Достоевскаго.

Онъ въ „мертвомъ домѣ“ жилъ. Тамъ люди заперты
Отъ жизни, отъ надеждъ,—заброшенъ ключъ отъ двери...
И тамъ, среди цѣпей онъ отыскалъ цвѣты—
Въ сердцахъ людей, людьми отвергнутыхъ, какъ звѣри.

Внимали съ трепетомъ его разсказамъ мы...
Пусть узники его привѣтствуютъ какъ брата!
Вотъ—„отъ суда“ вѣнокъ... А гдѣ же отъ тюрьмы?
Гдѣ ты, вѣнокъ отъ слезъ и вздоховъ каземата?

И властнымъ голосомъ твердилъ онъ вновь и вновь
Счастливымъ—о судьбѣ униженныхъ, несчастныхъ:
О чемъ ни говорилъ, къ нимъ призывалъ любовь
Въ рѣчахъ то горестныхъ, то вдохновенно-страстныхъ.

Когда же начиналъ о дѣтяхъ онъ разсказъ,
О бѣдныхъ, сиротахъ,—какой тоской сердечной
Звучала рѣчь его! Какою, всякій разъ,
Онъ вдохновлялся къ нимъ любовью безконечной!

Я не могу безъ слезъ страницы тѣ читать.
И если плакалъ я, то что же будетъ съ вами?
Вы, чистыя сердца, вы будете рыдать,—
Рыдать отъ всей души,—хорошими слезами!

...Судомъ исторіи свергались алтари,
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ:
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду говори,
Хотя бы твой упрекъ былъ тягостенъ и горекъ...

Но, совершая судъ, напомни громко намъ
Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
Откуда черпали мы всѣ и ты—ты самъ—
Любви, прощенія великіе уроки!

Поэтъ.

Отрадою въ горѣ отъ слезъ,
Отрадою въ горѣ отъ смѣха,—
Звучала намъ пѣсня поэта, какъ эхо
Дремавшихъ, но жившихъ въ насъ грезъ...

И прыгало сердце въ груди,
Заслышавши вѣщія пѣсни.
Мы шепчемъ, бывало, другъ другу: „Воскресни!
Терпи, но надѣйся и жди!“

Гдѣ-жь голосъ пророческій твой,
Что былъ намъ опорой безсилью?
Теперь твоя лира, покрытая пылью,
Уныло лежитъ предъ тобой!

Возьми-жь ее снова, поэтъ,
И пой намъ о счастьѣ, какъ прежде!
Ужели для радостныхъ гимновъ надежды
Ни звука у струнъ твоихъ нѣтъ?

И молвилъ поэтъ намъ: „Увы!
Извѣрился самъ я жестоко
Въ тѣ вѣщія пѣсни,—и слову пророка
Не вѣрьте, не вѣрьте и вы.

Тоска въ моемъ сердцѣ, тоска!
Тоскливы и звуки, и темы!
Нѣтъ, будутъ въ дни эти уста мои нѣмы,
И струнъ не коснется рука...

О, если я пѣсни начну,—
Онѣ васъ ужалятъ, какъ змѣи...

Вы знаете пѣсни, что пѣли евреи
У рѣкъ вавилонскихъ, въ плѣну?...“

И съ тщетной надеждой стоимъ,
Иша въ немъ опоры безсилью...
Беззвучная лира, покрытая пылью,
Уныло лежитъ передъ нимъ.

В. Л. Буренинъ.

Нива жизни.

Поникъ я долу головой,
Осиленъ горемъ до истомы.
Вотъ нива жизни: жгучій зной
Все сжогъ—и грудами соломы
Колосья тощіе лежатъ.
На утро съ первыми лучами
Надъ ней серпы не зазвенятъ,
И желтые снопы подъ рядъ
Не лягутъ пышными скирдами.

Я помню: съ горъ сошла вода;
Весна дохнула теплымъ вздохомъ—
И вотъ пришла работа сохамъ,
Пришли святые дни труда.
Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провелъ рукой, въ трудѣ упорной,
И въ землю смѣло бросилъ зерна—
И благодати ждалъ труду.

Съ зарей надъ нивою звенѣла
Пѣснь жавронка, лилась роса—
И нива пышно зеленѣла,
И долгій колосъ поднялся.

Съ нимъ вѣтеръ заигралъ проворный
И, отъ межи и до межи,
Клонилась рожь волной покорной
И тѣнь отъ облаковъ узорно
Плыла по золотистой ржи.
И что-жь? упалъ засохшій колосъ,
Не блещетъ нива красотой
И тщетно жаворонка голосъ
Надъ нею слышится съ зарей;
И тщетно влагою холодной
Ее кропитъ роса ночей:
Никто не оживитъ безплодной...
И съ думой горя неисходной
Стою я, пахарь, передъ ней.

Утромъ.

Въ ранній часъ надъ нивой вѣтеръ прихотливый,
Разыгравшись, мягко влажный колосъ гнетъ;
Въ облакахъ янтарныхъ, въ волнахъ лучезарныхъ
На востокѣ солнце радостно встаетъ.

Разливаясь въ трели, въ рощѣ полетѣли
Звуки пѣсни чудной, звуки соловья;
Изумрудной сѣткой вѣтку вслѣдъ за вѣткой
Опустила ива въ зеркало ручья.

За горою дальней хороводъ печальный
Утреннихъ тумановъ медленно взвился,
И лежитъ далеко отъ лучей востока,
Покидая съ тайной грустью небеса.

Отъ избушекъ тѣни, будто полны лѣни,
На песокъ улегшись, тянутся по немъ;

Ветхихъ крышъ солому солнцу золотому
Весело румянить огневымъ лучомъ.

* * *

Вотъ скрипнули въ селѣ ворота,
Выходятъ люди и видна
Въ ихъ лицахъ ранняя забота
Сквозь слѣдъ перерваннаго сна...
Звончѣе, пѣсня птицъ веселыхъ!
Свѣтлѣй, лучъ солнца, заблести!
Пусть скорбный гнетъ работъ тяжелыхъ
Отраднѣй будетъ имъ нести.
Пускай съ утра и до полуденъ
И послѣ до зари ночной
Святымъ покоемъ и красой
Весь Божій міръ сіяетъ чуденъ,
Пусть онъ имъ дастъ забыть, какъ труденъ,
Какъ скорбенъ ихъ удѣлъ земной!

Гимнъ лиро-эпическій на полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генералъ-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія.

(Посвящ. тѣни Гавріила Романовича Державина).

О ты, мужъ дивный, днесь стяжавшій
Отъ милостей монарха чинъ,
На Галлію перуномъ павшій,
Тевтоновъ мощный исполинъ!
Дозволь россійскому піиту
Тебѣ, столь славой знамениту,
Нелицемѣрный гимнъ вознесть,
Дозволь воспѣть въ бряцаньяхъ лирныхъ

Величье подвиговъ всемірныхъ,
О коихъ всюду мчится вѣсть.

Что зрю? Зовешь къ себѣ Гисперья
Ты Гогенцоллерна на тронъ!
Напряглись дипломатовъ перья,
Вострепеталъ Наполеонъ:
Простерты хитротканны сѣти
Надъ нимъ самимъ, надъ Бенедетти
Отъ Бисмарка премудрыхъ рукъ;
Онъ вспрянулъ и потекъ къ тевтонамъ
Съ Дуэ, Базеномъ, Макъ-Магономъ,—
Потекъ—и се преткнулся вдругъ!

Онъ мнилъ, что сломятъ галловъ войски
Враговъ надменныхъ дерзкій рогъ
И зрѣть дѣянья ихъ геройски
Съ собою сына онъ повлекъ;
Онъ мнилъ, что рать его орлина
Возсядетъ на дворцахъ Берлина;
Но храбрая въ кофейняхъ рать
Была пруссаками приперта
Тамъ, гдѣ струитъ волнами Верта,
И быстро стала удирать.

Воонергесъ, герой маститый,
Бореѳбразный Штейнметцъ!
Се зрю: тобой двукратъ разбитый
Базенъ бѣжитъ, спасаясь въ Метцъ;
Се сшиблись вы при Гравелотѣ;
Но разнственно себя ведете:
Ты въ битвѣ въ воевъ льешь азартъ;
Не то-ль творитъ и маршалъ гальскій?—
Никакъ! Въ квартирѣ генеральской
Онъ упражняется въ билльярдъ.

Рванулся Макъ-Магонъ къ Базену.
Но славный Фрицъ вспарилъ надъ нимъ...
Колику счастья перемѣну
Мы у твердынь Седана зримъ:
Се Цезарь, кой готовъ Европу
Предать былъ страшному Атропу,
Предъ Бисмаркомъ стоитъ склоненъ;
А сей, съ величіемъ на ликѣ,
Подъ козырекъ взмахнулъ владыкѣ,
Хотя и взятому въ полонъ!

Не гидра-ль то шипитъ стоглава,
Огнемъ пыхнувъ изъ ста носовъ?
Не Этны-ль клокочаща лава
Струится горныхъ внизъ хребтовъ?
Нѣтъ, это чернь непросвѣщенна,
Смутясь отъ Бонапарта плѣна,
Шумитъ въ Лутеціи стѣнахъ:
Круша имперіи основу,
Республику изводитъ нову
Изъ адскихъ нѣдръ, народамъ въ страхъ.

Содроглся я: ужель ехидна
Главу надменно вознесетъ
И солнце трона свѣтовидно
Рогами буйными сопретъ?
Ужели злобы вновь тристаты
Дантоны встанутъ и Мараты?
И злая чернь безъ панталонъ
Начнетъ вельможамъ и дворянамъ
Срывать главы въ восторгѣ рьяномъ,
Порядка свергнувши препонъ?

О страхъ! О скорбь! Но свѣтъ съ эмпира
Блеснулъ—и ужасы бѣгутъ!

Се зрю: въ сіяніи мундира
Къ столицѣ Франціи грядутъ
Полки Боруссіи велики;
Во дланяхъ ихъ штыки и пики,
Имъ указуетъ путь гигантъ,
Кой, либераловъ прекословью
Не внемля, сталію и кровью
Сопрягъ германскій фатерландъ!

Пришли, и стройныя когорты
Каскомѣдянныхъ воевъ вдругъ
Парижски обложили форты,
Желѣзну цѣпь сомкнувъ вокругъ.
Столица мерзостна канкана,
Какъ дикій вепрь среди капкана,
Напрасно мечется, реветъ.
Отенетяя городъ паки,
Его и днемъ и ночи въ мракѣ
Тевтонска храбра рать блюдетъ.

Что се? Не бомбы-ль шаръ, браздящій
Небесъ далекій горизонтъ?
Иль ночи метеоръ, летящій
Съ высотъ, чтобъ погрузиться въ Понтъ?
Иль вновь явленная комета?
Нѣтъ—то злобуйственный Гамбетта
Изъ града лжи, какъ нѣкій бѣсъ,
Похитившій у вѣтра крылы,
Взлетѣлъ поверхъ тевтоновъ силы
И въ градѣ Турѣ палъ съ небесъ!

Какъ саранчи шумящей пруги,
Декреты отъ него летятъ
Во грады всѣ, во всѣ округи
И въ бой сзываютъ тьмы солдатъ.

Но льзяль вамъ, санклюлотовъ рати,
Героевъ королевскихъ прати?
Мантейфель, Вердеръ и Застровъ,
И Фридрихъ-Карлъ развили крылья—
И войскъ республики усилья
Низвергнуты злосчастья въ ровъ!

А тамъ, нечестія въ столицѣ,
Простеръ свой скипетръ блѣдный гладъ.
Что зрю? Прекрасныя дѣвицы
И дамы смрадныхъ крысъ ѣдятъ!
Въ кафе, гдѣ пировали фрины,
Даютъ котлеты изъ конины
И дохлыхъ кошекъ и собакъ;
И мню: близка минута страшна,
Когда, не зря иного брашна,
Сожретъ галлъ галла натощакъ!

Се громъ на громѣ, гулъ на гулѣ
Катятъ; огнечугунный прыскъ
Бомбарды Крупповы метнули,—
Вандомскій вздрогнулъ обелискъ!
Забывъ о буйствѣ и канканѣ,
Вострепетали парижане.
Зря Божью казнь, взрыдалъ Содомъ
И предъ вождемъ, вѣнчаннымъ лавромъ,
Съ мольбой предстали Тьеръ со Фавромъ
И міра градъ поникъ челомъ!

Поникъ—и властною десницей
Бисмаркъ карманъ его сотрясъ
И—мзда за трудъ войны сторицей—
Рѣка златая полилась!
Какое зрѣлище для Музы:
Се истощенные французы

Мѣшки съ богатствами кладутъ
Передъ могучимъ новымъ Бренномъ,
Изрекшимъ: горе побѣжденнымъ!...
Восторгъ мнѣ пѣть мѣшаетъ тутъ!

Исторглась лира сладкострунна
Изъ трепетныхъ піита рукъ:
Героя пѣть челоперунна
Гдѣ я найду высокій звукъ?
Съ кѣмъ я сравню его? Кутузовъ
Въ дни ѐны ниспровергъ французовъ,
Но россу далъ въ семъ помощь мразъ;
Бисмаркъ! ты сдхнулъ безъ мраза франковъ,
Содравъ съ нихъ милліарды франковъ,
Ограбилъ и пришибъ заразъ!

Не можетъ столько горорытство
Богатствъ изъ нѣдръ земныхъ извлечь,
Сколь, въ корень сокрушивъ ехидство
Республики, извлекъ твой мечъ!
За подвигъ сей тебѣ мемфиски
Въ вѣкахъ воздвигнутъ обелиски,
А днесь награду ты пріялъ
Великой милости монаршей:
Ты въ рангъ возвышенъ самый старшій,
Ты первый въ мірѣ генералъ!

Л. И. Вейнбергъ.

Послѣ бури.

...И разсѣялась буря. Природа,
Точно муки родовъ переживъ,
Успокоилась. Дремлетъ заливъ
Подъ покровомъ лазурнаго свода,
И порой лишь вздрогнетъ въ забытьи,
Вспомнивъ страшныя волны свои.

Кое-гдѣ, въ прояснѣвшемъ просторѣ,
Запоздалая туча летитъ—
Съ боязливою злобой спѣшитъ
Утонуть въ отдаленнѣйшемъ морѣ:
Ей, сопутницѣ мрачныхъ ночей,
Ненавистно сіянье лучей.

Неподвижны сѣдыя березы,
Неподвижны красавцы-цвѣты,
И роняютъ на землю листы,
Какъ брилльянты, прозрачныя слезы—
И во всякой слезинкѣ такой
Умиленье, отрада, покой.

И въ душѣ моей—бури да бури.
Но, увы, не проходятъ онѣ,
И въ душевной моей глубинѣ

Никогда я не вижу лазури!
Никогда торжествующій лучъ
Не разсѣетъ удушливыхъ тучъ.

И во мнѣ разрѣшаются грозы
На мгновенья слезами... Но ахъ!
Какъ свинецъ, застываютъ въ глазахъ
Ядовитыя, злобныя слезы,
И сильнѣй растравляютъ онѣ
Все, что ранено бурей во мнѣ.

* * *

Развернулось предо мною
Безконечной пеленою
Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной—
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужь я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ—

Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою—
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы.
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустаго
Пагубное бремя
И врагу, съ отвагой твердой,
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все быстрѣй впередъ летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

Уныніе.

(Памяти Некрасова).

Уныніе въ душѣ моей усталой
Уныніе—куда ни погляжу!
Некрасовъ.

О, да, ты правъ, поэтъ!
Уныніе вездѣ.
Унынье въ той степи печальной и угрюмой,

Гдѣ ты бродилъ одинъ съ твоей тяжелой думой,
Внимая горестямъ, страданьямъ и нуждѣ.
Унынье въ городѣ: въ его свинцовомъ небѣ,
Озлобленномъ врагѣ живительныхъ лучей,
На улицахъ его, средь этихъ всѣхъ людей...
Снуютъ ли, хлопоча о барышахъ и хлѣбѣ,
Безцѣльно ли гранятъ каменья мостовой,
Сойдутся-ль погулять на праздникѣ народномъ,
На чинномъ раутѣ-ль толпятся въ залѣ модномъ,
Рѣшаютъ ли „вопросъ“ въ бесѣдѣ дѣловой...
Унынье въ старикѣ передъ дверьми могилы,
Унынье въ молодомъ во всемъ избыткѣ силы,
Унынье въ мальчикѣ на школьничьей скамьѣ,
Унынье въ обществѣ, уныніе въ семьѣ...

Хотя-бъ малѣйшій взрывъ веселья, горя, злобы,
Хотя-бъ единый крикъ живаго чувства... Нѣтъ,
Все мрачно, все мертво, какъ будто только гробы
Остались на землѣ...
О, да, ты правъ, поэтъ!...

Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
Что не настолько одряхлѣлъ
Нашъ жалкій міръ, чтобъ не съумѣлъ,
Въ концѣ-концовъ, онъ сбросить бремя
Всесокрушающаго зла,—
Той страшной ржавчины рутины,
Что крѣпко въѣлась намъ въ тѣла
И гнетъ позорно наши спины.

Блаженъ, кто вѣрою такой
Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло
И, въ жертву ей убивъ покой,
Идетъ впередъ наивно-смѣло,

Идетъ и рѣзко судитъ тѣхъ,
Въ комъ эти пылкія стремленья
Встрѣчаютъ слово сожалѣнья
Иль недовѣрья горькій смѣхъ.

Блаженъ... Но тщетно ищешь всюду
Такихъ блаженныхъ въ наши дни.
Когда встрѣчаются они,
Имъ удивляешься, какъ чуду,
Среди несмѣтности такой
Больныхъ, разбитыхъ, утомленныхъ
И тяжкимъ опытомъ склоненныхъ—
На все и всѣхъ махнуть рукой.

В. И. Водовозовъ.

* * *

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не крушись...
Пушкинъ.

Наша жизнь никого не обманетъ,—
Все уныло-сонливые дни.
Но кто вѣритъ, твердить не устанетъ:
Обмани, хоть на мигъ обмани!

Сѣрымъ пологомъ небо надъ нами,
Нѣтъ разсвѣта, куда ни взгляни,—
Все равно, ты тепломъ и цвѣтами,
И надеждами насъ обмани!

Гдѣ въ борьбѣ первобытной съ природой
Зрѣютъ рабскія чувства одни,—
Ты въ мечтахъ горделивыхъ свободой,
Свѣтомъ разума насъ обмани.

Что для насъ идеалы искусства?
Лишь игрушка тщеславья они.
Но хоть искрой горячаго чувства,
Искрой генія насъ обмани.

Пусть любовь будетъ глупою сказкой
Или цвѣтомъ заглохшимъ въ тѣни,—
Ты сердечнымъ привѣтомъ и лаской
Обмани, хоть на мигъ обмани!

Птички.

Все толки о трудѣ, о хлѣбѣ!
Все тѣ же думы надъ грошомъ!
Взгляни на вольныхъ птичекъ въ небѣ:
Имъ нѣтъ заботы ни о чемъ.

Съ зарей, едва гнѣздо родное
Покинувъ, ихъ немолчный хоръ
Ужь славитъ солнце золотое
И неба синяго просторъ.

Поютъ, о чемъ сама природа
Поетъ въ красѣ дубравъ, полей,
И въ пѣснѣ той любовь, свобода,—
Вся радость ясныхъ, лѣтнихъ дней.

А осень бурная срываетъ
Съ лѣсовъ желтѣющій покровъ,
То птичка бодро улетаетъ
Во слѣдъ за солнцемъ, въ край цвѣтовъ.

— Мой другъ, ты сплелъ на эту тему
Лишь поэтическую ложь:
Узнай ты птичекъ хоть по Брему,
Тогда другое запоешь!

Повѣрь, ихъ жизнь не такъ отрадна;
Ихъ тоже гонитъ безпощадно

Съ гнѣзда и голодъ, и морозъ,
И также шумная ихъ стая
Летитъ на дальній югъ, рѣшая
Экономическій вопросъ!

Тостъ.

Еще живъ нашъ кружокъ,
Еще живы надежды,
Что, хоть мракъ и глубокъ,
Не сомкнемъ утомленныя вѣжды.

Зорко глянемъ во тьму:
Кое-гдѣ огонекъ все-жь мерцаетъ,
И блуждающей тѣнью къ нему
Путникъ шагъ свой кой-гдѣ направляетъ.

Но заблещутъ и солнца лучи;
Огоньки, что не даромъ служили
Путеводною точкой въ ночи,—
Всѣ сольются въ великомъ свѣтилѣ!

Мысль ростетъ, и хоть малъ ея ростъ,
Но безмѣрна корней ея сила,
И подымемъ, что-бъ жизнь ни сулила,
Мы за вѣру въ грядущее тостъ!

Весеннія ночи.

Бѣлыя, тихія ночи
Съ блѣдной, пугливой красой!
Какъ раздражаетъ мнѣ очи

Вашъ полусвѣтъ голубой!
Въ немъ будто вянетъ безъ шума
Міру невѣдомый цвѣтъ,
И не досказана дума
Юныхъ, пророческихъ лѣтъ.
Можетъ, за свѣтлымъ туманомъ
Новаго счастья привѣтъ;
Иль замѣнилъ лишь обманомъ
Темную ночь полусвѣтъ?

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Прошумѣли весеннія воды,
Загремѣли веселыя грозы,
Въ одѣяньяхъ воскресшей природы
Разцвѣли гіацинты и розы.

Принеслись отъ далекихъ поморій
Перелетныя пѣвчія птицы;
Въ небесахъ свѣтлоокія зори
Во всю ночь не смыкаютъ зеницы.

Но и въ блѣдной тиши ихъ сіяній
Внятенъ жизни таинственный лепетъ,
Внятны звуки незримыхъ лобзаній
И любви торжествующей трепетъ.

Пробудись же въ сердцахъ, умиленье,
Разступись, мракъ печали угрюмый;
Прочь, гнетущее душу сомнѣнье,
Прочь, недобрыя, зимнія думы!

Сердце полно живительной вѣры
Въ эти громы побѣдной природы,
Въ эти пѣсни о счастьи безъ мѣры,
Въ эти зори любви и свободы.

* * *

Снилось мнѣ небо лазурное, чистое,
Снилась мнѣ родины ширь необъятная,
Утро румяное, поле росистое,
Свѣжесть и юность моя невозвратная...

Снилось мнѣ, будто иду я дорогою—
Ярче и ярче востокъ разгорается;
Сердце объято разсвѣтной тревогою,
Сердце отъ счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
Шепчутъ уста съ умиленьемъ и трепетомъ
Имя любимое, имя завѣтное!...

Три свиданія.

Въ дни ранней юности, когда надежды полный,
Въ недоумѣніи счастливомъ и нѣмомъ
Встрѣчалъ я первыхъ чувствъ нахлынувшія волны,—
Явилася ты мнѣ и молвила: „пойдемъ!“
И очутился я негаданно-нежданно
На свѣтломъ праздникѣ весны благоуханной,
Въ волшебномъ царствѣ грезъ и сказочной любви.
Тамъ ночи знойныя про счастье мнѣ шептали,
Тамъ звѣзды, какъ глаза влюбленные, сверкали,
Тамъ сердце билося и пѣли соловьи.

Но я насытился весеннимъ наслажденьемъ,
Я сталъ просить борьбы, страданій и невзгодъ.
Ты вновь явилась мнѣ и властнымъ мановеньемъ

Позвала за собой и повела впередъ.
И жизнь въ свой вѣчный шумъ и мракъ меня пріяла,
И долго въ шумѣ томъ, въ той тьмѣ скитался я,
И много я страдалъ... Душа страдать устала,—
На помощь, наконецъ, я вновь призвалъ тебя,
Призвалъ тебя, чтобъ ты смирила сердца муку,
Чтобъ озарила тьму спасительнымъ лучемъ...
И ты предстала мнѣ, и протянула руку,
И снова говоришь знакомое «пойдемъ!»
«Пойдемъ туда, гдѣ нѣтъ ни счастья, ни кручины,
«Гдѣ умолкаетъ шумъ ненужной суеты,
«Гдѣ льдами вѣчными покрытыя вершины
«Глядятъ на міръ и жизнь съ безстрастной высоты!»

* * *

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, свой мечъ святой.
Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ—
И пусть въ пылу на полѣ брани
Нарушу я любви завѣтъ;
Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ единъ!
Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!

* * *

Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ,
Крѣпче по сердцу стучитъ закаляющій времени молотъ;
Гаснетъ въ душѣ моей жизни огонь безпокойный и юный;
Тихо на арфѣ моей замираютъ послѣднія струны.

Можетъ быть, въ сердцѣ остывшемъ огни бы опять запылали,
Можетъ быть, вѣщія струны тѣ вновь бы, какъ встарь, зазвучали,
Еслибъ нежданно коснулось ихъ бури живое дыханье,
Еслибъ отъ сна пробудило ихъ страсти всесильной желанье.

Но не примчится гроза, не нагрянетъ веселіе бури;
Тихо и нѣмо безоблачье чистой небесной лазури.
Спите же, вѣщія струны, угасни, огонь вдохновенья,
До незакатнаго, свѣтлаго... близкаго дня пробужденья!

Въ день тотъ, для сердца желанный, иные пробудятъ васъ звуки,
Чуждые буйныхъ страстей, вожделѣній, тревоги и муки;
Пламенемъ новымъ зажжется въ воскресшей груди вдохновенье,
Чистой струею польется любви неземной пѣснопѣнье!

Изъ недописанной поэмы.

То были памятные годы
Того студенчества, когда

Во имя знанья и труда,
Во имя правды и свободы,
Къ святилищу со всѣхъ концовъ
Россіи юноши стекались
И тамъ «безъ мѣстъ и безъ чиновъ»
Предъ алтаремъ наукъ братались.
Бѣднякъ, богачъ, князь, мѣщанинъ—
Одну одежду всѣ носили,
Всѣхъ свѣточъ озарялъ одинъ
И грезы общія манили!...
Надъ Русью вѣяли тогда
Шестидесятые года...

Хоть съ той поры всего промчалось
Какихъ-нибудь осьмнадцать лѣтъ
Но тѣхъ годовъ исчезнулъ слѣдъ,
То вѣяніе миновалось.
О многомъ и помину нѣтъ,
Иное въ памяти осталось,
Но—иль проклятью преданò,
Иль ужь осмѣяно давно.

А, между тѣмъ, то были годы,
Когда потоки юныхъ силъ,
Какъ вешнія шумѣли воды
Надъ тлѣньемъ дѣдовскихъ могилъ.
Уныніе погрязшихъ въ лѣни
Разочарованныхъ невѣждъ
Смѣнилось праздникомъ надеждъ,
Борьбой проснувшихся стремленій;
Россію свыше озарилъ
Давно желанный лучъ свободы;
На рабства лютыя невзгоды
Царь свѣтлый взоръ свой обратилъ.
Онъ слово рекъ—и цѣпи пали!

Молитвы жаркія творя,
Друзья свободы ликовали;
Враги въ смятеніи молчали,
Свой гнѣвъ безсильный затая...

Сказка ночи.

Въ разлукѣ мы съ тобой, душа свиданья проситъ...
И часто въ сумракѣ, вечернею порой,
Крылатая мечта къ тебѣ меня уноситъ;
Мнѣ кажется тогда, что вижусь я съ тобой...

Недавно вечеромъ я былъ одинъ. Стемнѣло.
Заснулъ весь Божій міръ. Дневное кончивъ дѣло,
Я вышелъ на балконъ, съ балкона въ темный садъ,
Изъ сада далѣе побрелъ дорогой въ поле.
Въ померкнувшей дали тонулъ, какъ въ морѣ, взглядъ;
Но душно было мнѣ, какъ узнику въ неволѣ.
Въ уединеніи томилася душа
И безсознательно тебя вездѣ искала...
Въ далекомъ облакѣ зарница трепетала,
А вѣтерокъ ласкалъ лицо мнѣ, чуть дыша.
Я шелъ все далѣе... и вдругъ мнѣ показалось,
Что ты на встрѣчу мнѣ съ тѣмъ вѣтеркомъ примчалась,
Какъ чистой радости желанная струя;
Съ довѣрьемъ ласковымъ къ груди моей прильнула
И, глядя мнѣ въ глаза, съ улыбкою шепнула:
— Меня ты не узналъ? Смотри, вѣдь, это я!...

И вмѣстѣ мы пошли...
Счастливою тревогой
Такъ сердце билося, такъ намъ хотѣлось много
Другъ другу высказать, что оба смолкли мы

И долго, долго шли средь чуткой полутьмы,
Ища напрасно словъ, лишь взглядами мѣняясь,
Лишь крѣпче на ходу другъ къ другу прижимаясь,
Въ минуту счастія нежданнаго страшась,
Чтобъ что-нибудь опять не разлучило насъ.
Безсонный коростель кричалъ въ травѣ высокой;
Но такъ прислушались мы къ голосу его,
Что намъ казалося—не слышно ничего!
Поля покоились кругомъ въ тиши глубокой.
Хотѣлъ я долгое молчанье превозмочь
И разсказать тебѣ всю повѣсть дней разлуки,
Но смолкли на устахъ начатой рѣчи звуки—

За насъ держала рѣчь сама царица Ночь!
Она покрыла насъ широкими тѣнями,
Она сверкала намъ блестящими глазами
Своихъ несчетныхъ звѣздъ, она шептала намъ
Слова беззвучныя, но внятныя сердцамъ,—
Волшебныя слова, исполненныя ласки,
Отъ вѣка созданной и вѣчно новой сказки
Про счастіе любви... Въ разлукѣ мы съ тобой,
Но такъ я обольщенъ былъ сказкой той ночной,
Такъ ясно близъ себя внималъ твое дыханье,
Такъ сердце вѣрило въ желанное свиданье,
Что и теперь, отъ грезъ полночныхъ пробужденъ,
Я сомнѣваюся: ужель то былъ лишь сонъ?

Мнѣ сказывала Ночь: „Васъ въ мірѣ только двое!
Сіяніе зари, мерцанье звѣздъ ночныхъ,
Равнины тихія и небо голубое—
Весь этотъ мракъ и блескъ—для васъ, для васъ однихъ!
Когда-бъ другъ друга вы не знали, не любили,
Когда бы чуждою тебѣ была она,—
Ни эти небеса, ни звѣзды-бъ не свѣтили,
Просторъ, туманъ и даль къ себѣ бы не манили

И я сама, какъ смерть, была бы холодна.
Припомни: не тогда-ль, когда передъ собою
Той лучезарною, той памятной весною
Ее ты увидалъ—какъ вѣчной красоты
Земной доступный ликъ—о, не тогда-ль впервые
Ты звуки услыхалъ чудесные, живые:
Какъ звѣзды говорятъ, какъ шепчутся цвѣты,
Какъ въ небѣ вешнихъ птицъ несутся вереницы,
Какъ дышатъ стебли травъ, какъ бредитъ сонный лѣсъ,
Какъ плещутъ крыльями пугливыя зарницы,
Порхая въ сумеркахъ на рубежѣ небесъ!
Что̀ подняло вокругъ тѣ странныя шептанья,
Что̀ возвѣщали тѣ полеты, трепетанья,
Ночные голоса, и шумы, и огни?
Я говорю тебѣ: встрѣчали васъ они
И небомъ, и землей, и мракомъ, и денницей,
Какъ юнаго царя съ избранною царицей!
Про счастіе твое ликующую вѣсть
Природы голоса спѣшили перенесть
Во всѣ концы земли, отъ края и до края,
Ее то шепотомъ, то громко повторяя
Журчаньемъ волнъ въ рѣкѣ, напѣвомъ птицъ въ лѣсахъ,
Дыханьемъ травъ въ степи и громомъ въ облакахъ!
А люди—помнишь ли, какъ всѣ они вдругъ стали
Добры и веселы? Безъ злобы и печали
Они внимательно толпилися кругомъ.
Черты суровыя и хмурыя смягчались,
Холодныя уста привѣтомъ оживлялись,
Глаза участливымъ свѣтилися огнемъ.
Ласкались дѣти къ вамъ, забывъ свои игрушки,
И даже дряхлыя, застывшія старушки,
Съ улыбкою на васъ кивая головой,
О милой юности шептались межъ собой.
И съ высоты любви безоблачной, спокойной
На этотъ міръ толпы гудящей и нестройной,

На этотъ будничный и пестрый маскарадъ
Лишь изрѣдка кидалъ ты равнодушный взглядъ.
Ты зналъ иную жизнь и счастіе иное:
Повсюду и всегда васъ было только двое!...
Но... отвернись теперь—и полетимъ съ тобой
Мы въ нѣкій новый край...“
И тѣнь вдругъ разступилась.

И даль туманная внезапно озарилась
Какой-то красною, зловѣщею зарей;
Почудилося мнѣ: невѣдомою силой
Съ тобой вдругъ разлученъ, впередъ помчался я;
А ты вдали, одна, головкою унылой
Поникнувъ, съ горечью взглянула на меня.
И долетѣлъ ко мнѣ твой зовъ чудесно-внятный,
Любви могучій зовъ... Потомъ, средь темноты
Блеснувъ въ послѣдній разъ, изъ глазъ исчезла ты
И замеръ голосъ твой—и странный, непонятный,
Подобный плеску водъ, послышался мнѣ гулъ.
„Смотри,—шептала Ночь,—смотри“. И я взглянулъ:
Передо мной былъ пиръ. Картиною огромной,
Огнями писанной на сводѣ ночи темной,
Какъ разгорѣвшійся пожаръ, предсталъ мнѣ онъ,
Безумный, радостный, весь въ звукахъ, весь въ движеньи,
Стихая, вновь шумя,—пылая въ наслажденьи!...
„Войди“,—сказала Ночь; но мраченъ и смущенъ
Въ недоумѣніи стоялъ я у порога
Того волшебнаго и страшнаго чертога,
Не въ силахъ ни войти, ни удалиться прочь;
А на ухо опять мнѣ зашептала Ночь:
„Ты не войдешь сюда на пиръ; я это знала:
Тебя иная власть на вѣкъ заколдовала.
Прислушайся: гремитъ веселый хоръ пѣвцовъ;
Но сквозь его напѣвъ—ея ты слышишъ зовъ!

Безпечный громкій смѣхъ, шумъ пляски раздаются,
А сердце далеко и мысли къ ней несутся.
Сверкаетъ золото, кругомъ огни горятъ,
Блеститъ убранствами роскошная палата;
Но ярче тѣхъ огней, и роскоши, и злата
Въ глаза тебѣ глядитъ ея знакомый взглядъ...
Вы встрѣтились опять—и смолкло все чужое,
Погасъ ненужный пиръ—васъ въ мірѣ только двое!
И много пронеслось и пронесется дней:
Межь вами все полнѣй, все крѣпче единенье;
Нѣтъ таинъ, нѣтъ преградъ—и даже отдаленье
Теперь уже тебя не разлучаетъ съ ней.
Взгрустнется-ль, темныя-ль въ умѣ слетятся думы,
Житейскихъ ли заботъ обниметъ мракъ угрюмый
И некому излить тѣ думы, ту печаль,—
Лишь вспомнишь ты о ней—и исчезаетъ даль.
На вѣрный твой призывъ отвѣтъ звучитъ счастливый,
Въ молчаніи полетъ ты слышишь торопливый
Сквозь степи и туманъ, и море тьмы ночной,
Зовешь ее—и въ мигъ она передъ тобой!"
Такъ говорила Ночь—и выше все и жарче
Зарницы страстныя пылали въ облакахъ,
Теплѣе вѣтерокъ дышалъ въ ночныхъ потьмахъ;
А образъ милый твой все чище и все ярче,
Улыбкой, какъ лучомъ небеснымъ, озаренъ,
Мнѣ въ душу проникалъ, глядѣлъ мнѣ прямо въ очи.
И взглядомъ повторялъ онъ ту же сказку Ночи
Про счастіе любви... Ужель то былъ лишь сонъ?

---

* * *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,

Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи больнаго забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья,—
Нѣтъ, други, нѣтъ,—такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ Божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ,—
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Поблекшихъ дней влачится вереница
Въ безплодіи ненужныхъ дѣлъ и словъ,
И съ каждымъ днемъ мрачнѣе та темница,
Тяжеле гнетъ тѣхъ ледяныхъ оковъ.
Не вѣетъ въ міръ весны живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

Н. П. Грековъ.

Въ лѣсу.

Лѣсъ раскинулся темною сѣткой
И дрожитъ каждой влажною вѣткой,
Орошенной весеннимъ дождемъ.
Изъ-за листьевъ, сквозь сизыя волны
Облаковъ, мѣсяцъ блѣдный и полный
Пробивается тусклымъ лучомъ.

Что за ночь! Въ тепломъ воздухѣ мая,
У древесныхъ корней разцвѣтая,
Нѣжный ландышъ свой льетъ ароматъ;
Ужь края у небесъ заалѣли
И вездѣ соловьиныя трели,
По зарѣ, разливаясь, звенятъ.

Ѣдемъ въ гору на тройкѣ мы шагомъ.
А за длиннымъ и темнымъ оврагомъ,
При сіяньи дрожащемъ луны,
Видны домикъ, цвѣтникъ и березы...
И опять разбудилъ во мнѣ грезы
Раздражительный воздухъ весны...

Какъ ты, глупое чувство, живуче!
Но луну застилаютъ ужь тучи,

Скрылся домикъ за рядомъ деревъ;
Темно; ѣдемъ ужь чащей лѣсной мы,
И намъ видны однѣ только коймы
Озаренныхъ луной облаковъ.

Весна 1861 г.

Опять снѣгъ тающій и неба яркій блескъ,
И звонкіе ручьи, и ледъ въ рѣкѣ плывучій,
И жаворонка пѣснь, и волнъ немолчный плескъ,
И серебристыя въ лазури яркой тучи!

Апрѣль; въ исходѣ постъ; звучнѣй все и звучнѣй
Несется благовѣстъ съ высокой колокольни,
И молится народъ усерднѣй, и шумнѣй
Весь день на улицѣ, и лица все довольнѣй.

О чемъ же грусть моя?... О, прочь бѣгите сны,
Воспоминанія! Прочь всѣ невзгоды жизни
Передъ улыбкою торжественной весны,
Несущей яркую зарю моей отчизнѣ!

Пусть не ликуетъ тотъ, кто духомъ хилъ и слабъ,
Въ чье сердце не проникъ святой восторгъ народа
На праздникѣ его, гдѣ смолкло слово „рабъ"
И каждому Царемъ дарована свобода!

---

* * *

Вотъ здѣсь, гдѣ-бъ отдалась на вѣкъ самозабвенью
Душа, томимая безумною мечтой,—
Здѣсь вѣренъ одному я милому влеченью:

Слѣжу я за твоей мелькающею тѣнью
Вездѣ, вездѣ передо мной:

И въ домѣ, и въ горахъ, и въ темной той аллеѣ,
Гдѣ грустный за тобой такъ часто я бродилъ,
Твердя, что мнѣ всего на свѣтѣ ты милѣе,
Гдѣ я, предъ красотой твоей благоговѣя,
Такъ горячо тебя любилъ.

И, утомленъ въ борьбѣ съ судьбой моей жестокой,
Я жажду одного, безумно жить спѣша:
Чтобы хоть разъ еще, изъ стороны далекой,
Душѣ моей больной, тоскующей глубоко,
Твоя откликнулась душа.

---

* * *

Смотрю на твой портретъ въ какомъ-то обаяньи
И думаю, стремясь душою въ тѣ года,
Гдѣ лучшія мои живутъ воспоминанья:
Ужель ты для меня погибшее созданье?
Ужель ты для меня погасшая мечта?

Нѣтъ, до могилы мы не можемъ быть врагами;
Нѣтъ, мнѣ нельзя забыть минувшихъ нашихъ дней,—
Въ нихъ столько пронеслось и бурь, и грозъ надъ нами,
Они заклеймены восторженными снами,
Они полны и мрака, и лучей.

Нѣтъ, по какимъ бы мы ни шли съ тобой дорогамъ,
Въ воспоминаніяхъ мы встрѣтимся всегда.
Откликнись же моимъ недремлющимъ тревогамъ,

Сестра моей души, указанная Богомъ,—
Послѣднихъ грезъ моихъ блестящая звѣзда!

Въ борьбѣ съ моей судьбой я выбился изъ мочи,
И жду, тревожно въ даль грядущаго смотря:
Не улыбнутся-ль мнѣ твои уста и очи,
Какъ улыбается, встрѣчая сумракъ ночи
На западѣ румяная заря?

•

У гроба.

У гроба твоего тоскуя,
Одинъ въ полуночной тиши,
Стою и плачу, и хочу я
Безсмертью вѣровать души.
Прости! послѣднія лобзанья
Передаю твоимъ устамъ;
Скажи мнѣ: ждать ли намъ свиданья,
Соединимся ли мы тамъ?
И если ждетъ насъ жизнь другая,
Мы сохранимъ ли, улетая
Туда, за грань могильной тьмы,
Всѣ чувства, сердцу дорогія,
Воспоминанья всѣ земныя
И въ нихъ кого любили мы?
И, если ждетъ насъ жизнь другая,
Мы, къ ней съ земли перелетая,
Не разольемся ли душой
Въ эѳиръ, въ волну, въ сіянье свѣта,
Въ огонь, въ цвѣтокъ, въ мечту поэта,
Въ звукъ мимолетный, въ мракъ ночной?
Иль, дѣти одного мгновенья,
Исчезнемъ мы, какъ наши сны,

Какъ наша скорбь и наслажденье,
Какъ звукъ оборванной струны?...
Скажи мнѣ, ждать ли намъ свиданья?
Соединимся ли мы тамъ?
Прости! послѣднія лобзанья
Передаю твоимъ устамъ!

А. А. Григорьевъ.

Городъ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе:
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю,—о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги дани,—
На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людскаго пота и страданій.

И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки,—
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать—
Въ окнѣ-ль съ богатою гардиной,

Иль въ темномъ уголкѣ,—вездѣ его печать,
Страданья уровень единый!

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все,—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно,—
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ
И то—прозрачность язвы гнойной.

Прости.

Прости. Покоренъ волѣ рока,
Безъ глупыхъ жалобъ и упрека
Я говорю тебѣ: прости!
Къ чему упрекъ?—я вѣрю твердо,
Что въ насъ равно страданье гордо,
Что намъ однимъ путемъ идти.

Мы не пойдемъ рука съ рукою,
Но память прошлаго съ собою
Равно нести осуждены.
Мы въ жизнь, обоимъ намъ пустую,
Уносимъ вѣру роковую
Въ одни обманчивые сны.

Пускай душа твоя ни мало
Въ былые дни не понимала
Души моей, любви моей,—
Ея блаженство и мученья
Прошли давно безъ раздѣленья
И безъ возврата. Что̀ мнѣ въ ней?

Пускай за то, что мы свободны,
Что мы душою странно сходны,
Не суждено сойтися намъ!
Но все, что мучитъ и тревожитъ,
Что грудь такъ жметъ и сердце гложетъ,
Мы раздѣлили пополамъ.

И намъ обоимъ нѣтъ спасенья:
Тебя не выкупятъ моленья,
Тебѣ молитва не дана!
Въ ней небо слышитъ безъ участья
Сознанье скуки, жажду счастья,
Мечты несбыточнаго сна.

Э. И. Губеръ.

На смерть Пушкина.

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ,
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ.
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвется тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.
Послѣдній звукъ съ нея сорвется,
Послѣдній звукъ струны моей,
Какъ вѣстникъ смерти, пронесется,
И, можетъ быть, въ сердцахъ людей
На тайный вздохъ ихъ отзовется;
И міръ испуганный вздрогнетъ,
И въ тихій часъ залогомъ славы,
Въ нѣмой тоскѣ, на гробъ кровавый
Слезу печали принесетъ.
Но тѣсный гробъ, добычи жадной,
Не выдастъ мертваго пѣвца:
Онъ спитъ; ему въ могилѣ хладной
Не нужно бреннаго вѣнца.
Молчитъ цѣвницы звукъ привѣтный,
Уснула сладкая мечта

И, какъ могила, безотвѣтны
Его холодные уста.
Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой глуши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души—
Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ.
Простая дань души простой
Не поразитъ могучимъ словомъ,
Не тронетъ сердца красотой.
Нѣтъ! въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ сладкихъ пѣсенъ не дано;
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!
Но надъ могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листокъ,
Пока сплететъ на гробѣ славы
Другой пѣвецъ—другой вѣнокъ.
А ты!... Нѣтъ, дѣвственная лира
Тебя, стыдясь, не назоветъ,
Но кровь пѣвца въ скрижали міра
На судъ вѣковъ тебя внесетъ.
Влачись въ пустынѣ безотрадной
Съ клеймомъ проклятья на челѣ,
Твоимъ костямъ въ могилѣ хладной
Не будетъ мѣста на землѣ.
Не знай надежды свѣтозарной,
Чуждайся нѣги сладкихъ сновъ
И въ глубинѣ души коварной
Таи проклятія вѣковъ!
Когда же горькими слезами
Въ предсмертной мукѣ принята,
Молитва грѣшными словами
Сойдетъ на грѣшныя уста,—
Тогда проникнетъ къ ложу муки

Нѣмая тѣнь во тьмѣ ночной
И окровавленныя руки
Судомъ подниметъ надъ тобой.

Моя гробница.

Я не хочу въ гробницѣ хладной
Подъ жесткимъ мраморомъ лежать;
Я не хочу въ темницѣ смрадной
Тревожнымъ сномъ опочивать.

Хочу уснуть въ открытомъ морѣ,
Улыбку смерти подсмотрѣть,
И на свободѣ, на просторѣ,
Подъ говоръ бури умереть.

Чтобъ надо мной ходили волны,
Чтобъ смыли влагою живой
Съ души, горячей страсти полной,
Всѣ язвы горести земной.

Чтобъ говоръ ихъ живымъ потокомъ
Мои печали заглушилъ,
Чтобъ до людей на днѣ глубокомъ
Мой смертный вздохъ не доходилъ.

Чтобъ жизни не было и слѣда,
Чтобъ мертвецу среди морей
Другаго-бъ не было сосѣда,
Другихъ бы не было костей.

Хочу уснуть въ открытомъ морѣ,
На вольной дѣвственной волнѣ,
Гдѣ я улягусь на просторѣ
Въ неизмѣримой глубинѣ.

Смерть и время.

Смерть.

Все мое—и плодъ, и сѣмя,
Безконечна власть моя.
Покорись, сѣдое время,
Я—владычица твоя.
Все мое! я всѣмъ владѣю;
Что родится, то умретъ;
Все подъ властію моею,
Все въ гробахъ моихъ сгніетъ.
Гдѣ слѣды твоихъ дѣяній?
Гдѣ немолчныя дѣла?
Сѣмена твоихъ созданій
Я же жатвой собрала.
Гдѣ твой Римъ, твои державы?
Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Все легло въ борьбѣ кровавой,
Спитъ на днѣ моихъ гробовъ.
Все мое—и плодъ, и сѣмя,
Все подъ властію моей!
Покорись, сѣдое время,
Предъ владычицей твоей!

Время.

Безъ конца и безъ начала,
Я отецъ и сынъ вѣковъ;
А тебя судьба сковала
Мертвымъ тлѣніемъ гробовъ.
Гдѣ лежатъ твои могилы,
Гдѣ гніютъ твои гробы,
Тамъ мои живыя силы
Строятъ зданіе судьбы.
Изъ твоихъ могилъ беру я

Сѣмена моихъ трудовъ;
Колыбель мою творю я
Изъ досокъ твоихъ гробовъ.
Безъ конца моя дорога;
Цѣпь вѣковъ въ моихъ рукахъ;
Я ношу одежду Бога
На безсмертныхъ раменахъ.
Безъ границъ мое теченье,
Безконечно, какъ судьба;
Ты сама—мое рожденье;
Я—владыка, ты—раба.

Проклятіе.

Я вижу, смерть близка; болѣзненныя силы
Послѣдней вспыхнули борьбой.
Я встрѣчусь, наконецъ, на ступеняхъ могилы
Съ неутомимою судьбой.

И нынѣ, рядомъ съ ней, мнѣ хочется повѣрить
Итогъ пустаго бытія.
Не буду сѣтовать, не стану лицемѣрить
И страхомъ не унижусь я.

Прощаясь съ жизнію, въ урочный часъ разлуки,
Надъ нею некогда шутить;
Но полную тревогъ и слезъ, и тайной муки
Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что съ колыбели
Я былъ игралищемъ судьбы,
За то, что дни мои я проволокъ безъ цѣли,
Въ тревогахъ суетныхъ борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой видѣній,
Игравшихъ жизнію моей;
За безконечный рядъ коварныхъ заблужденій
И неразгаданныхъ страстей;

За то, что всѣ мои мечты и упованья
Она презрѣнью обрекла;
Что не исполнила ни одного желанья
И горькихъ слезъ не поняла;

За то, что душу я отравою сомнѣнья,
Что сердце ядомъ напоилъ;
За то, что никогда въ душѣ благословенья
Ни для кого не находилъ;

Что, идя за толпой, я по тропѣ избитой
Не бросилъ яркаго слѣда;
Что не оставлю я ни мысли плодовитой,
Ни благодарнаго труда.

Я прокляну ее за все, что въ мірѣ видѣлъ,
За все, что въ жизни презиралъ,
За все, что я любилъ, за все, что ненавидѣлъ,
Что съ тайнымъ страхомъ проклиналъ.

---

* * *

Я по комнатѣ хожу,
Черезъ улицу гляжу,
Вижу барскія палаты,
Окна свѣтятся что жаръ.
У дверей стоитъ швейцаръ,
Въ домѣ много знатныхъ баръ,—
Видно, домъ богатый!

Ноги ходятъ по коврамъ,
Шелкъ и бархатъ по стѣнамъ,
Потолки все росписные...
Поглядишь, ужь Боже мой,
Чудо, что за домъ такой!
Вмѣсто оконъ, сударь мой,
Зеркала двойныя.

А хозяинъ молодой
Всѣхъ обходитъ чередой,
Вся толпа ему знакома;
Видно, весело ему,
Что съѣзжаются къ нему,
Что по городу всему
Нѣтъ такого дома.

Я по комнатѣ хожу,
Черезъ улицу гляжу,
Вижу въ томъ же самомъ домѣ,
И забыта, и бѣдна,
На чердакъ отнесена,
Бьется бѣдная жена
На гнилой соломѣ.

. . . . . .

Онъ со смѣхомъ на устахъ
Тратитъ время на пирахъ,
А она лежитъ въ родахъ:
Знать судьба такая!

Я по комнатѣ хожу,
Я на барина гляжу:
Я бы барина повѣсилъ!
Говорятъ, судьба одна,
Всѣмъ на радость жизнь дана:
Отчего-жь она грустна?
Отчего-жь онъ веселъ!

Изъ поэмы „Прометей“.

Мастерская Прометея.

Прометей.

Отецъ боговъ, владыка свѣта,
Земли и неба властелинъ,
И безъ суда, и безъ отвѣта,
Зевесъ, ты царствуешь одинъ!
Встаютъ ли грозными толпами
Титаны гордые на бой,—
Ты потрясешь на нихъ громами
И боги—ницъ передъ тобой.
Твое всевидящее око
Блюдетъ законы бытія;
Зевесъ, ты царствуешь высоко,
Неизмѣрима власть твоя!
И было время, предъ тобою
Клонилось гордое чело
И слово робкою мольбою
Къ твоей обители текло.
И было время, я молился
Слезами горькими, Зевесъ,
Но ты съ высотъ своихъ небесъ
На крикъ души не преклонился.
Ты отдыхалъ на небесахъ
Въ своемъ величіи холодномъ,
Пока въ неслыханныхъ трудахъ
Я вопрошалъ бездушный прахъ,
Трудясь въ усиліи безплодномъ.
Тогда въ слезахъ молился я
Надъ сими камнями стоя,
Да озарится ликъ тѣлесный,
Да внидетъ въ грудь моихъ дѣтей

Духъ вѣчной мудрости твоей.
Я думалъ искрою небесной
Сердца холодныя зажечь,
Я думалъ въ мертвый этотъ камень
Вдохнуть животворящій пламень,
Вложить восторженную рѣчь.
Но ты молчалъ самолюбиво,
Отвѣта не было съ небесъ
И тайну жизни горделиво
Скрывалъ завистливый Зевесъ;
Но ты молчалъ, но ты съ презрѣньемъ,
Грозя могучею рукой,
Моимъ гордился униженьемъ,
Моею тѣшился тоской.
И проклялъ я мою молитву,
Мой дѣтскій страхъ передъ тобой,
И ополчился я на битву,
Въ послѣдній выступая бой.
Война, владыка величавый,
Война престолу твоему!
По ступенямъ твоей державы
Я протеку войной кровавой,
Я адъ и небо подниму!
Ты злобно тѣшился тоскою,
На мнѣ лежала власть твоя,
Но дерзновенною рукою
Я вырвалъ тайну бытія.
Изъ-подъ руки твоей грозящей,
Изъ-подъ громовъ твоихъ, Зевесъ,
Я твой огонь животворящій
Укралъ съ обманутыхъ небесъ.
Теперь подѣлимся державой:
Зевесъ, съ тобою мы равны!
Мы оба силой, оба славой
Изъ рода въ родъ окружены.

Я гордо власть мою пріемлю,
Но братски царство раздѣлю:
Возьми боговъ, отдай мнѣ землю,—
Тебѣ я небо уступлю.
(Подходитъ къ изваяннымъ имъ статуямъ).
Вотъ они, мои созданія,
Мертвый трудъ моихъ ночей;
Спятъ нѣмыя изваянія,
Безъ любви и безъ желанія,
Безъ мучительныхъ страстей.
Подниму-ль отъ сна спокойнаго
Племя каменное я,
Для мятежнаго, нестройнаго,
Для больнаго бытія?
Да живутъ и искушаются
Перемѣнчивой судьбой,
Плачутъ, страждутъ, наслаждаются,—
Да томятся, да нуждаются,
Да прійдутъ и испытаются
Неисходною борьбой!...
Встань, живи, мое твореніе,
Ополчись, младой боецъ,—
Слезы, страсти и сомнѣнія
Окружатъ твое рожденіе,
Встрѣтятъ бурный твой конецъ!
Много слезъ и мало времени,
Гнѣвъ и ненависть мою
Я тебѣ, младому племени,
Въ этотъ часъ передаю!...

Г. П. Данилевскій.

Хуторокъ.

О, вы, которымъ суждено
Въ столицахъ бѣдственной судьбою
Имѣть единое окно
Передъ фабричною стѣною;
Которыхъ тѣсный уголокъ
Не вѣдалъ жизненной удачи,
А вѣчный сѣренькій денекъ—
Переселенія на дачи;
Которымъ снится на яву
„Пріютъ убогаго чухонца"—
Лѣсъ на Крестовскомъ острову
И „стрѣлка" съ захожденьемъ солнца...
Скорѣй спѣшите окунуть
Себя въ затишье нивъ безбрежныхъ,
Вслѣдъ бѣглымъ, на сиротскій путь,
Путь утѣсненныхъ и мятежныхъ...
Придите, сирые, подъ тѣнь
Широколиственнаго клена,
Въ объятья грѣющаго лона
Забытыхъ рѣкъ и деревень...

Я вамъ отдамъ моихъ знакомыхъ,
Отдамъ надъ водной глубиной
Плескъ рыбъ и стаи насѣкомыхъ,

Въ пахучемъ воздухѣ, зарей;
Луга, усыпанные макомъ,
Отъ вѣтра волны по овсу;
Надъ темно-сизымъ буеракомъ
Гречихи бѣлой полосу;
Пруды, сіяющіе сталью,
Скирды пшеницы золотой,
И дождь косой надъ алой далью,
И лѣсъ, какъ дымъ, надъ крутизной...

Молчитъ забытая дорога,
И не летятъ изъ камышей
Ни звукъ серебрянаго рога,
Ни крики пестрыхъ егерей.
За то весь день, скользя, ныряя,
То крикъ веселый затая,
То воздухъ звонко оглашая,
Кружится ласточекъ семья;
Рядкомъ усѣлася, щебечетъ...
Вотъ потянуло вѣтеркомъ—
И тополь, какъ фонтанъ, лепечетъ
Зелено-лиственнымъ столбомъ...

Но нескончаемо прекрасенъ
Тотъ мигъ въ селѣ, когда молчатъ
И высь, и даль, и степь, и садъ,
А воздухъ ночи нѣмъ и ясенъ.
На пламя свѣчки, мимо глазъ,
Въ окно влетаютъ непрестанно
То алый яхонтъ, то алмазъ,
То пѣсня мушки златотканной.
Пустыня, глушь и сонъ кругомъ,
Колышетъ что-то вѣтвь сирени;
Отъ яворовъ упали тѣни,

И въ нихъ заснулъ, какъ въ люлькѣ, домъ...
А жукъ-рогачъ трубитъ протяжно
И, какъ звенящая струна,
Несется медленно и важно
Близъ растворенного окна...
И будто стукъ часовъ лѣнивыхъ,
Удары сердца вторятъ въ ладъ
Напѣвамъ грезъ неторопливыхъ,—
И стаи замысловъ ретивыхъ
Завороженные молчатъ.

Гроза.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Давно дождя, давно намъ бури!
Хлѣбъ чахнетъ, зноемъ обожжонъ...
Клубятся тучи по лазури
И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ.
Съ набѣга вѣтеръ злобно рвется,
Дверьми и ставнями стучитъ;
Отсталый голубь въ небѣ вьется
И вихорь по двору летитъ.
Солома, пыль, трава сухая,
Бумажки, перья,—все столбомъ
Кружится, въ небо улетая,
И вотъ громыхнулъ первый громъ...
  Сквозь тучи молнія сверкнула
И, какъ огнистый, длинный змѣй,
Мелькнувъ, за рощей утонула,
И снова мракъ и тишь полей.
  По темнымъ облачнымъ волокнамъ
Ползетъ сѣдая полоса;
Забарабанилъ градъ по окнамъ,

Дождь опрокинулся въ лѣса.
А дальше... тамъ табунъ несется,
Погонщикъ машетъ и кричитъ,
И гулъ отъ топота копытъ
Въ степи стемнѣвшей раздается...

Дождь пересталъ, и громъ затихъ;
Омытый лугъ и садъ такъ блещутъ;
На каждомъ листикѣ трепещутъ
Алмазы капель дождевыхъ.
И каждый стволъ, жучокъ, букашка,
И дальній мостъ, и ближній пень,
Сарай, расшатанный плетень,
Полуистлѣвшая бумажка,
Пѣтухъ, разбитое стекло,—
Все смотритъ бойко и свѣтло...
  Паукъ вчера оплелъ двѣ розы—
И ожерельемъ золотымъ
По паутинамъ голубымъ
Нависли дождевыя слезы.
Душистъ и мягокъ черноземъ:
Звенитъ и рѣетъ все кругомъ...
Съ небесъ сквозь узкое оконце
Глядитъ заплаканное солнце,
И паръ дымится надъ землей,
И мчатся гуси за рѣкой.

Н. А. Добролюбовъ.

Жалоба ребенка.

Для чего вы связали мнѣ руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;
Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ,—
Предписанія модныхъ приличій...
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ...

Дайте-жь мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей груди вздохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужь губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю..

* * *

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья,—хочу быть вашимъ,
На трудъ и битву я готовъ,
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ

Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгину-ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я, работа наша
Ужь пилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

---

* * *

Пускай умру—печали мало,
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,—

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною плитою
Не сталъ любви предметомъ я,—

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Въ прусскомъ вагонѣ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля,
Какъ ты здѣсь безсильна!

То ли дѣло съ тройкой:
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы.

Но—увы!—ужь скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе милльоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:

Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой,

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За метелью станетъ
Сутки трое въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

* * *

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Ю. В. Жадовская.

Теперь не то.

Ужь теперь не то, что было прежде!
Грустно мнѣ, какъ вспомню о быломъ:
Раскрывалась сладко грудь надеждѣ
И мечтамъ о счастіи земномъ;

Въ горе я вдавалась безотчетно,
Безъ сознанья радостна была
И впередъ глядѣла беззаботно,
Не страшася ни людей, ни зла.

Ужь теперь не то, что прежде было!
Равнодушно я гляжу на свѣтъ;
Въ сердцѣ грустно стало и уныло,
И желаній прежнихъ больше нѣтъ;

Жизнь теперь я лучше разумѣю;
Счастья въ мірѣ переставъ искать,
Безъ надежды я любить умѣю
И могу безъ ропота терять.

* * *

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,

И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза;
Опять, опять въ душѣ моей
И тихо, и свѣтло,
Какъ будто счастье прежнихъ дней
Опять ко мнѣ пришло!
И сердце бьется... и полно
Опять любви святой,—
Земное въ немъ заглушено
Небесной тишиной!...
И будто ангелы летятъ
Въ прозрачной вышинѣ;
Звѣздами очи ихъ горятъ
И льютъ отраду мнѣ!

Ночь.

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно,
Отражаетъ ихъ рѣка;
И, въ раздумьи, наклонилися
Вѣтви гибкія деревъ
И, какъ звѣзды, засвѣтилися
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И, невольно, мысль уносится
Все туда, все въ вышину!

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно...
Спитъ на днѣ души тоска!

---

* * *

Впереди темнѣетъ
Жизнь безъ наслажденья,
Въ сердце проникаетъ
Скорбное сомнѣнье...
Мало ли ихъ было
Чистыхъ упованій...
Ни одно изъ жаркихъ
Не сбылось желаній!
Безпощадной волей
Всѣ они разбиты...
Не было участья,
Не было защиты!
Гдѣ-жь, для новой жизни,
Гдѣ возьму я силы?
Знать, не будетъ больше
Счастья до могилы!
Зажигайтесь, звѣзды,
Въ небѣ поскорѣе!
Раздавайтесь, звуки
Соловья, сильнѣе!
Заглушите въ сердцѣ
Горе и сомнѣнье,—
Пусть струей отрадной
Льется мнѣ забвенье...

Никто не виноватъ.

Никто изъ насъ, никто не виноватъ:
Ни ты, ни я,—судьба ужь такъ рѣшила!—
Судьба страшна, всесильна, говорятъ,—
Она и насъ съ тобою разлучила.
Не виноватъ, мой другъ, не виноватъ и ты,
Что на душѣ твоей любовь остыла;
И я не виновата, что мечты
Безумной юности такъ долго сохранила;
Что свѣтятся онѣ отрадно предо мной,
Повсюду слѣдуютъ за мной неотразимо,
И что надъ этой грустной пустотой
Горитъ любовь звѣздой неугасимой.

Ахъ, эта жизнь своею тишиной
Меня томитъ какъ страшное видѣнье!
Какъ будто смерть летаетъ надо мной...
Желанна буря мнѣ, какъ грѣшнику спасенье.
Вотъ, что̀ теперь на память мнѣ пришло
Изъ дѣтства дней, почти забытыхъ мною:
Поляну помню я; на ней росло
Цвѣтовъ такъ много яркою весною.
Но не весенніе, душистые цвѣты
Меня туда, ребенка, привлекали:
Среди поляны той два дерева стояли;
И сладостно шептали ихъ листы,
И мѣрно вѣтви ихъ зеленыя кивали.
Они росли одинъ къ другому близко; но
Никакъ коснуться не могли другъ друга,—
Знать, было такъ судьбою суждено.
Вотъ поднялась однажды туча съ юга
И близилась. Въ молчаніи ждала
Ее усталая природа. Торопливо

Летали птицы, спряталась пчела;
Замолкъ деревьевъ разговоръ шумливый...
И грянулъ громъ, и полилъ дождь ручьемъ.
Я видѣла, какъ бурный вихорь жадно
Моихъ любимцевъ охватилъ,—потомъ,
Сомкнувъ ихъ вѣтви, вырвалъ безпощадно
Онъ съ корнемъ одного и бросилъ далеко...
Съ тѣхъ поръ всегда, малюткѣ, мнѣ казалось,
Что уцѣлѣвшее страдаетъ глубоко,
Что утромъ не росой,—слезами обливалось,
Что счастіе его на вѣкъ отравлено,—
Что, бѣдное, все бури ждетъ оно...

Мигъ обновленія.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ,—
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ;
Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужь прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышетъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамся я.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

Н Ѳ. Щербинѣ.

Боясь житейскихъ бурь и смутъ,
Бѣжишь ты, грустный, отъ людей,
Ты ищешь сладостныхъ минутъ
Подъ небомъ Греціи твоей.
Но вѣрь, и тамъ тебя найдутъ
Людскіе ропотъ, плачъ и стонъ;
Отъ нихъ поэта не спасутъ
Громады храминъ и колоннъ.
Себялюбиво увлеченъ
Ты блескомъ чувственной мечты,—
Прерви эпикурейскій сонъ,
Оставь служенье красоты—
И скорбнымъ братьямъ послужи:
За насъ люби, за насъ страдай...
И духа гордости и лжи
Стихомъ могучимъ поражай.

---

* * *

Кляну тебя, слѣпое убѣжденье,
Во всемъ, что̀ я считала дорогимъ;
Кляну тебя, безумныхъ лѣтъ волненье,
Утекшее, какъ облако, какъ дымъ!
Кляну я васъ, печальныя страданья!
Кляну тебя, безсиліе души!
Кляну надеждъ угасшихъ обаянье,
Что мнѣ казалися такъ чудно хороши!
А пуще васъ, заманчивыя грезы,
За то, что вы надъ сердцемъ взяли власть!...
Кляну всѣ горькія, пролитыя мной слезы!
Кляну тебя, осмѣянная страсть!

Лишь тебѣ, въ этомъ хаосѣ темномъ,—
Какъ ни стынетъ отъ холода кровь,—
Лишь тебѣ не пошлю я проклятья,
Моей юности первой любовь...
Изъ прошедшаго сумрака тихой,
Одинокой горишь ты звѣздой;
Блѣдный лучъ мнѣ до сердца доходитъ,
Разливаяся ясной мечтой!...
Лишь тебѣ, въ этомъ хаосѣ темномъ,—
Какъ ни стынетъ отъ холода кровь,—
Лишь тебѣ не пошлю я проклятья,
Моей юности первой любовь!

---

* * *

Не зови меня безстрастной,
И холодной не зови,—
У меня въ душѣ не мало
И страданій, и любви.
Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идетъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

А. М. Жемчужниковъ.

Почему?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ,
Подъ игомъ зла и заблужденья,
Въ стремленіи къ добру и правдѣ, каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Разсудкомъ не одинъ разоблаченъ кумиръ,
Но мысль трудиться не устала
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала.
Но почему же въ немъ и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно и тѣсно?
Что-жь много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да, почему и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
Все, все, что радуетъ и мучитъ?
Пускай на нашъ вопросъ мы вызовемъ отвѣтъ,
Который знанью не научитъ,—
Все будемъ требовать отвѣта: *почему?*
И снова требовать, и снова;
Какъ яркой молніей прорѣзываетъ тьму
И будитъ къ жизни это слово.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуютъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ;
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ;
Сердце въ память дней былыхъ
Проситъ пѣсенъ.

Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило;
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужь нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.

Душу вылилъ бы я всю,
Воплотилъ бы сердце въ звуки!
Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску—
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу—
Слезы душатъ...

Старая дорога.

У горы, дождемъ размытой,
Надъ оврагомъ безъ моста,

Пріютилась подъ ракитой
Позабытая верста.

Наклонившись на бокъ низко,
Старой цифрою глядитъ,
Но далеко или близко,
Никому не говоритъ.

Старый путь старушка мѣритъ,
Прежній путь, знакомый, свой...
Хоть и видитъ, а не вѣритъ,
Что избрали путь иной.

Въ самомъ дѣлѣ, стороною,
Гдѣ темнѣетъ черноземъ,
Будто снѣжной полосою
Новый путь лежитъ. По немъ

Пѣшеходъ съ сумой плетется
И, скрипя, обозъ идетъ,
Тройка быстрая несется,
Колокольчикомъ поетъ.

Звукъ, на старую дорогу
Залетѣвши, прозвучитъ,—
Прозвучитъ и, понемногу
Замолкая, замолчитъ.

И томитъ ее опала
Всѣхъ заброшенныхъ дорогъ.
Отдыхать она устала,—
Прежнихъ хочется тревогъ.

Будетъ время, статься можетъ,
Вновь по старому пути,
Если только Богъ поможетъ,
Люди вздумаютъ пойти,

Сонъ пустыни жизнь пробудитъ,
Путь заглохшій обновятъ,
И версты моей не будетъ,—
Новой старую смѣнятъ.

Но, по прежнему примѣру,
Эта новая верста
Будетъ мѣрить той же мѣрой
Тѣ же старыя мѣста.

Моей музѣ.

Чтобъ мнѣ въ моихъ скорбяхъ помочь,
Со мной ты плакала, бывало...
Теперь не плачь! Пускай, какъ ночь,
Когда дождей пора настала,
Одинъ я, молча, слезы лью,
Храня, какъ тайну, грусть мою.

То грусть порой по старомъ счастьѣ...
Ее сравнить могла бы ты
Съ тоской стебля, когда ненастье
Вдругъ оборветъ съ него цвѣты
И унесетъ ихъ въ даль, куда-то.
Откуда нѣтъ уже возврата.

Порой грущу, что старъ ужь я,
Что чую смерти близкій холодъ
И жуткій мракъ небытія,
Межь тѣмъ какъ я душою молодъ
И животворный сердца пылъ
Еще съ лѣтами не остылъ.

Не надо звуковъ скорбной нѣги;
Не надо старческую грусть
Принаряжать въ стихахъ элегій.
А если плачется,—ну, пусть,
Коль сердцу есть въ слезахъ отрада;
Но слезъ риѳмованныхъ не надо!

А. Ѳ. Ивановъ (классикъ).

Сорокалѣтнимъ друзьямъ.

Не одна въ поляхъ дорожка
Передъ нами пролегла,
Проторила тѣ дорожки
Воля честности и зла.

Проторили ихъ невзгоды,
Появившіяся вновь,
Увлеченье, трудъ и горе,
И измѣна, и любовь.

Вдалекѣ отъ насъ остались
Тѣ дорожки, что легли
По лугамъ, подъ яснымъ небомъ
Торжествующей земли;

Гдѣ цвѣтутъ безпечно розы,
Окропленныя росой,
Гдѣ сіяющее солнце
Блещетъ вѣчною красой.

Мы идемъ другой дорожкой;
Передъ нами—степь и пыль,
Только вѣтеръ переноситъ
Солнцемъ выжженный ковыль.

И таитъ въ себѣ невольно
Наше сердце, какъ курганъ,
Похороненныя тайны
Безпокойныхъ свѣжихъ ранъ...

Два креста.

О честномъ, о святомъ трудѣ,
О меньшемъ братѣ, о нуждѣ,
Его гнетущей, тяжкой, кровной,
Въ салонахъ свѣтскихъ разговоръ
Ведетъ умильно тузъ чиновный.
Гуманныхъ словъ его подборъ
Приводитъ въ слезы умиленья,
Сочувствія и сожалѣнья,
Рѣчами тронутыхъ особъ.
Съ невинной кротостью овечки,
Въ благотворительномъ мѣстечкѣ
Безплатно служитъ филантропъ.
Онъ сладкозвучныхъ словъ алмазы
Готовъ метать во всѣ углы,
Его внушительныя фразы
Такъ задушевны и теплы.
Но въ глубинѣ души скорбящей—
На помощь бѣднымъ—цѣль не та.
Нѣтъ! той душѣ, добру служащей,
Добиться хочется „креста"...
И вотъ, съ упрямствомъ неустаннымъ,
Свершонъ къ завѣтной цѣли путь:
Крестомъ украшена желаннымъ
Высоко поднятая грудь.
А ты, пѣвецъ, о меньшемъ братѣ,
Ты тоже пѣлъ, его любя,

Душою чистою скорбя
О каждомъ горѣ и утратѣ
Людей, подавленныхъ въ борьбѣ
Труда безплоднаго съ нуждою;
Онъ близокъ, кровенъ былъ тебѣ
Съ его страданьемъ и бѣдою,
Съ его покорностью судьбѣ,
Съ его безропотнымъ смиреньемъ,
И пѣснью чудною, въ тиши,
Ты облегчать умѣлъ волненья
И скорбь измученной души.
И даръ твоихъ правдивыхъ пѣсенъ
Былъ благотворенъ и чудесенъ,
И пѣсни, волею твоей
Исполнясь силы упованья,
Въ сердца безчувственныхъ людей
Бросали искру состраданья.
Ты тоже дождался креста,
Когда безкровныя уста
На вѣкъ сомкнулись... сгибли силы...
И онъ стоитъ въ краю родномъ,
Надъ снѣжнымъ роковымъ холмомъ
Низко-закопанной могилы.

П. М. Ковалевскій.

Встрѣча осени.

Давно-ль я видѣлъ, какъ природа,
Оцѣпенѣлая въ снѣгахъ,
Вставала въ почкахъ и росткахъ—
Надеждахъ молодаго года!

И тамъ, гдѣ мракъ и мертвый сонъ
Царили холодно и вяло,
Вторгался свѣтъ со всѣхъ сторонъ,
И жизнь потоками бѣжала.

Я видѣлъ золото полей,
И цвѣтъ, и въ лѣтній зной отраду,
Лѣсовъ зеленую прохладу
И плодъ подъ тайникомъ вѣтвей...

И вотъ рѣдѣющею чащей
Иду и слышу стужи вой,
И листъ пожелклый и шуршащій
Ложится подъ моей ногой.

Я вижу немощный и хилый,
Поникшій горестнымъ челомъ,
Природы образъ, полный силы,
Недавно рдѣвшійся плодомъ...

Встрѣчаю думой сокрушенья
Глубокой осени приходъ...
Я—листъ опавшій поколѣнья,
Сулившаго когда-то плодъ!

Буря.

Давно ли, зноемъ усыпленъ,
Дышалъ смолою боръ дремучій
И разстилался темной тучей,
Кругомъ объемля небосклонъ?
Среди широкой луговины,
И выше лѣса головой,
Подъ шапкой зелени густой,
Вздымались сосны-исполины,
Корой, какъ золотомъ, горя...

Но вотъ багровая заря
Крылами затаенной бури
На померкающей лазури
Простерлась. Въ мракѣ роковомъ,
Внезапно хлынувшемъ кругомъ,
Промчались бѣшеные взрывы,—
Какъ бы за валомъ гнался валъ,—
Свистя, понесся вихрь дождливый,
И лѣсъ, какъ море, застоналъ...
Бушуютъ грозныя стихіи:
И гулъ, и вой, и тяжкій трескъ,
Да молній освѣщаетъ блескъ
Бѣды и ужасы лѣсные.
Что утро озаритъ собой?

А утромъ, лѣсъ угомоненный
И новымъ зноемъ усыпленный

Ужь дышетъ жизнію былой
И ароматною смолой.
Лишь тѣхъ, кто, какъ вожди дружины,
Стояли выше всей толпы,
Снесло съ зеленой луговины
И, раздробивъ до сердцевины,
Кругомъ размыкало щепы...

* * *

Изъ-за дали и разлуки
Послѣ думъ наединѣ
Всепрощающія руки
Протяни, родная, мнѣ.
Воротись, забвеньемъ вѣчнымъ
Помянувъ тревогъ житье,
Съ чувствомъ мирнымъ и безпечнымъ
Въ сердце тихое мое,—
Въ сердце, полное печали
И раскаянья въ слезахъ,
Что обиды вызывали
На возлюбленныхъ очахъ.
Слезъ тобой пролито много,
Жгучихъ думъ изжито—мной;
Намъ не подводить итога:
Жизнь сквитала насъ съ тобой.

П. А. Козловъ.

* * *

Ночь нисходитъ на міръ полусонный;
Всюду льется цвѣтовъ ароматъ;
Всюду слышится шепотъ влюбленный;
Міръ весеннею жаждой объятъ...

Онъ исполненъ истомы и лѣни,
Сладко плачетъ въ туманѣ ручей
И на вѣткѣ душистой сирени,
Замирая, поетъ соловей...

Но не сладки мнѣ вешнія пѣсни;
Все попрежнему въ сердцѣ зима;
Не сказать имъ былому: „воскресни!“
А въ грядущемъ и холодъ, и тьма...

Вдохновенье дарящіе звуки
Только дразнятъ меня и томятъ
И о близости съ жизнью разлуки
Мнѣ съ невольной тоской говорятъ.

* * *

Когда заря блеснетъ передо мною
Въ послѣдній разъ,

Когда пробьетъ съ печальною землею
Разлуки часъ,

Нейдите вы съ словами утѣшенья
Ко мнѣ, друзья!
Въ людскую скорбь, въ людскія увѣренья
Не вѣрю я...

Порою лгутъ протянутыя руки,
Слова любви;
Звенящихъ струнъ плѣнительные звуки
Не лгутъ одни...

Играйте мнѣ унылые мотивы
Родной страны;
Они грустны, какъ тихій шепотъ ивы,
Какъ плачъ волны...

Пускай звучитъ, моей печали вторя,
Напѣвъ родной;
Онъ заглушитъ нѣмую скорбь и горе
Души больной...

Мнѣ душно здѣсь, мнѣ міръ постылъ и тѣсенъ,—
Здѣсь ноетъ грудь;
Играйте мнѣ,—подъ звуки вашихъ пѣсенъ
Хочу заснуть...

Пѣснь весны.

„Разстанься, другъ, съ унылыми мечтами...
„Влюбленный міръ о счастьѣ шепчетъ намъ;
„Иди ко мнѣ... горячими устами
„Прильну къ твоимъ трепещущимъ устамъ...

„Согрѣта я надеждой и любовью...
„Отвѣть на зовъ ликующей весны;
„Я къ твоему склонюся изголовью
„И на тебя навѣю счастья сны...

„Одѣта я волшебнымъ блескомъ ночи;
„Душистыми цвѣтами убрана...
„Лучами звѣздъ мои сіяютъ очи,
„Отрадныхъ грезъ душа моя полна...

„Отдайся мнѣ: въ тебѣ воскреснетъ сила;
„Ты оживешь, надѣясь и любя;
„Какъ ѳиміамъ, текущій отъ кадила,
„Передъ тобой польется пѣснь моя...“

Такъ пѣснь весны таинственно звучала;
Ей вторя, міръ, объятый страстью, млѣлъ;
Но нѣтъ, не ей душа моя внимала,—
Иную пѣснь мнѣ голосъ муки пѣлъ:

„Не вѣрь веснѣ: съ улыбкою участья
„Она на всѣхъ свои восторги льетъ.
„Но только мигъ она блеснетъ, какъ счастье,—
„Какъ женщина, обманетъ и уйдетъ...

„Не воскресить увянувшія силы...
„Огонь любви угасъ въ душѣ твоей;
„Твой близокъ часъ,—безстрастіемъ могилы
„Отвѣтишь ты на зовъ земныхъ страстей...

„Не вѣрь веснѣ: ея внимая пѣнью,
„Напрасно ты свою тревожишь грудь...
„Скажи прости любви и вдохновенью
„И пѣснь весны, волшебницы, забудь!...“

---

* * *

Въ звѣздахъ вся твердь необъятная;
Пѣснь соловья сладкогласная
Льется по рощѣ, звеня;
Но эта ночь ароматная,
Нѣга ея сладострастная
Только терзаютъ меня.

Гдѣ ты надежда желанная,
Солнцемъ весеннимъ облитая,
Что озаряла мой путь?
Даль тебя скрыла туманная,
Только тоска ядовитая
Точитъ болящую грудь.

Ждать мнѣ не долго; разстанется
Сердце съ тоскою унылою,
Съ горечью попранныхъ грезъ;
Тайною такъ и останется,
Сколько холодной могилою
Скрыто страданья и слезъ...

---

* * *

Не надо мнѣ поэзіи холодной,
Безсмысленныхъ, пустыхъ и звонкихъ фразъ,
Плодовъ хандры или тоски безплодной,
Написанныхъ какъ будто на заказъ...

Нѣтъ, пусть ея живительныя волны
Такъ утоляютъ алчущихъ людей,
Какъ тотъ потокъ, что дивной силы полный,
Изъ нѣдръ пустыни вырвалъ Моисей...

Пусть каждый стихъ дрожитъ волшебной силой;
Пусть каждый стихъ бросаетъ въ душу свѣтъ
И каждый звукъ, какъ голосъ сердцу милый,
Находитъ въ немъ и эхо, и отвѣтъ...

Чтобъ, внемля ей, злодѣй бы пролилъ слезы,
Чтобъ плакали желѣзныя сердца,
И хоть на мигъ плѣнительныя грезы
Согнали-бъ скорбь съ унылаго лица.

Безсонница.

Безконечная ночь, скоро-ль кончишься ты?
Скоро-ль солнце проглянетъ украдкой?
Безотрадна судьба, безотрадны мечты,
И въ крови, и въ костяхъ лихорадка...

Призракъ старой любви предо мною встаетъ,
Какъ исчадье холодной могилы,
Душу давитъ тоской, сердце мучитъ и жжетъ,
Отнимаетъ послѣднія силы...

„Отойди отъ меня, безпощадная тѣнь!
„Не воскреснутъ былыя надежды...
„Скоро скроюся я подъ могильную сѣнь
„И закрою усталыя вѣжды...

„Дай пощаду на мигъ; я въ борьбѣ изнемогъ;
„Отойди отъ меня съ сожалѣньемъ,
„Чтобъ мятежную жизнь я окончить бы могъ
„Хоть однимъ безмятежнымъ мгновеньемъ!“

---

* * *

Опять проснулось вдохновенье,
Въ глазахъ огонь, въ груди волненье;
Чтò буду пѣть—не знаю самъ,
Но пѣсни, зрѣя, къ свѣту рвутся;
Онѣ изъ устъ моихъ польются—
Я въ нихъ страданье передамъ.

Быть можетъ, выражу неясно
Порывъ души живой и страстный
И какъ больнаго тяжкій бредъ
Польется пѣсня, замирая,
Но свѣтъ узнаетъ, ей внимая,
Какъ много выстрадалъ поэтъ.

Дрожа, въ туманномъ отдаленьи
Порой уныло льется пѣнье;
Безъ словъ доходитъ пѣсни звукъ;
Но сердцу тягостно и больно
И понимается невольно,
Какъ много въ ней таится мукъ.

---

* * *

Не веселыя мысли мнѣ идутъ на умъ,
Не веселыя пѣсни пою я;
Не могу отогнать я мучительныхъ думъ
И запѣть, безмятежно ликуя.

Если въ сердцѣ страданье оставило слѣдъ,
Если черныя тучи нависли,
Развѣ можетъ о радости думать поэтъ,
Отгоняя тревожныя мысли?

Не кори ты волну, если, ночи чернѣй,
Она стонетъ подъ натискомъ бури
И не можетъ въ загадочной глуби своей
Сохранить нѣжный отблескъ лазури.

Неповинна она, что реветъ подъ грозой,
Дуновенію бури покорна,
И, забывъ, что плѣняла своей синевой,
Убирается ризою черной...

А. В. Кольцовъ.

* * *

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ—
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!..

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Пора любви.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжолый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—

Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ—туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...
Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую;
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою—
Такъ нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься—
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ—жди чѐреду.

„Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная;
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечъ свалить—не знаю самъ.
И сила есть—да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ—да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...

„Возьму-жь я ржи двѣ четверти:
Поѣду-жь я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: „Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная;
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ—по своему“.

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежь себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую:
Даетъ онъ ей съ руки кольцо—
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ;
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ...

Бѣгство.

Ужь какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топнувъ въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Свистну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,—

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди—намъ друзья;
Что̀ душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;

Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

Пѣсня.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду,
Безъ знакомыхъ, одинъ,
Сказалъ—радость! приду.

Мѣсяцъ будь иль не будь—
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый, въ потьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

И до ночи метель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги—чутьемъ
Сыщетъ домикъ онъ твой!...

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
Хоть умру, а приду.

Что мнѣ крѣпкой замокъ,
Караулъ, ворота?
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города ни почемъ!

Лѣсъ.

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть;
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...

Какая-жь тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать?...

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно, и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ.
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,

Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

В. И. Красовъ.

Мечта.

Есть на душѣ завѣтная мечта;
Она моя; въ ней все, что сердце любитъ.
Не знаю я, спасетъ или погубитъ
Меня прекрасная мечта...
Она родилася въ минуту упоенья,
Когда я пилъ надеждъ ласкающій фіалъ
И молодой восторгъ эѳирное творенье
Въ горящія объятья принималъ.

Небесная отрадно просіяла,
Гармоніи чарующей полна;
Торжественна, свѣтла, безъ покрывала,
Душѣ моей явилася она,
И я люблю ее, надъ ней такъ сладко плачу,
Я къ ней ревнивъ,—она моя!
И горе мнѣ, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!

При ней молчатъ жестокія сомнѣнья,
Мой темный путь надеждой озаренъ...
О, оправдай ее, святое Провидѣнье,
И брани нѣтъ, и міръ преображенъ,
И мнѣ яснѣй мое предназначенье,
Доступнѣй тайна бытія;

Душа полна и силъ, и упоенья!...
Не оставляй меня, отрадное видѣнье,
Мечта высокая, прекрасная моя!

Пѣсня.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака,—
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его какъ сонъ касаяся слегка.

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ, и непогоды,—
Они твое блаженство унесутъ.

Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ грезъ, для счастія любить!

Взгляни, взгляни: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ несутся облака,—
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его какъ сонъ касаяся слегка!

---

* * *

Пронеслась, пронеслась моя младость,
Навсегда она сномъ унеслась,
А твоя свѣтлоокая радость,—
Твоя юность едва началась!

Ты дитя; но опасныхъ волненій,
Знаю, грудь молодая полна.
Не зови, не готовь откровеній:
Мнѣ безъ словъ твоя тайна ясна.

Не зови, не готовь откровеній:
Мы не властны догнать, воротить
Пролетѣвшихъ далекихъ мгновеній
И заставить вновь сердце любить.

Если-жь быстро, средь радости шумной,
Сердце вспыхнетъ потухшее вновь,—
Ты не вѣрь моей клятвѣ безумной:
То минутный порывъ, не любовь!

На минуту веселье обманетъ,
Его снова подавитъ тоска:
Такъ осеннее солнце проглянетъ
И закроютъ его облака.

Омрачу ли удѣлъ твой прекрасный?
Я—какъ дубъ, опаленный грозой...
Для чего-жь его нѣжно и страстно
Обвивать тебѣ, плющъ молодой?

В. В. Крестовскій.

Разсвѣтъ.

Я помню часъ: надъ степью неоглядной
Съ конца въ конецъ нависли тучи мглой,
И шелестъ ночи трепетно-прохладной
Не волновалъ ковыль-травы сѣдой...
И воздухъ спалъ... Такъ душно и тоскливо
Дышала степь... Казалось, тяжкій стонъ
Стоялъ вдали... Мы грустно и пугливо
Той степью шли... Все было смерть и сонъ...

Я ждалъ грозы: и тучи все клубились...
Вотъ молнія... вдали глухой раскатъ...
Еще—и капли первыя пролились...
Гроза, гроза! .. И громъ, и дождь, и градъ,
Тяжелый градъ, широкой полосою,
Шумитъ и бьетъ окрестныя поля...
Стонала степь, готовясь грозно къ бою,
И подъ грозой дрожала вся земля...

Но часъ прошелъ, и ревъ грозившей бури
Замолкъ вдали... не стало черныхъ тучъ
И надъ землей съ разъясненной лазури
Съ разсвѣтомъ намъ блеснулъ отрадный лучъ.
Очнулись мы и смѣлою стопою

Пошли впередъ—бѣжитъ и сонъ, и тѣнь,—
Въ свободный путь, широкою стезею!..
Прошла гроза—намъ блещетъ новый день!

Подъ водою.

Охъ, опутай осокою
Ты меня, русалка!
Подъ твоей ли подъ рукою,
Жизни мнѣ не жалко!

Охъ, опутай подъ водою,
Подъ волной студёной
Осокою зеленою
Да косой зеленой!

По рѣкѣ туманъ гуляетъ,
А по небу мѣсяцъ;
Ива-ивушка сплетаетъ
Намъ густой навѣсецъ;

Сквозь навѣсецъ съ каждой вѣткой
Бѣлый лучъ играетъ,
И сквозь листву мелкой сѣткой
Тѣло осыпаетъ...

Охъ, мнѣ жарко... охъ, мнѣ душно!—
Такъ зови-жь невзгоду!—
За тобой пойду послушно
Въ студеную воду!

Ты сведи меня къ сестрицамъ,—
Пусть меня помучатъ,
Дивнымъ былямъ-небылицамъ
Пусть меня поучатъ.

Погляжу, какъ струйки таютъ,
И рѣзвы, и зыбки,
Какъ сестрицъ перегоняютъ
Золотыя рыбки.

Поплывемъ въ чужія рѣки,
Что до синя моря;
Заколдуй меня на вѣки,
Чтобъ не мыкалъ горя!

Щекочи меня рѣзвѣе
Бѣлыми руками,
Зацѣлуй меня больнѣе
Жадными губами!

Не одну-то мы недѣльку
Прогуляемъ лихо!...
Ты изъ травушки постельку
Постели мнѣ тихо,

Въ изголовье, подъ водою,
Дай цвѣтовъ пахучихъ—
И клади меня съ собою
Ты въ объятьяхъ жгучихъ!...

Звѣзды по небу сверкаютъ
И, дрожа лучами,
Насквозь воду проникаютъ
Тонкими струнами...

И луна, въ струѣ холодной,
Неразгаднымъ дивомъ,
Залила весь міръ подводный
Голубымъ отливомъ:

И сверкаетъ искрой въ око
Каждая песчинка,
И по дну видна далеко
Каждая былинка;

И—то здѣсь, то тамъ,—сгибаясь,
И легко, и смѣло,
Спитъ, на струйкахъ колыхаясь,
Молодое тѣло...

И румянятъ, въ часъ подъ утро,
Глубь на всемъ просторѣ
Нѣжнымъ блескомъ перламутра
Розовыя зори...

Чую, будто замираю
Въ нѣгѣ поцѣлуя,—
Сердцу жутко,—и не знаю,
Сплю или не сплю я...

Только слышу, что хохочетъ,
Словно жемчугъ сыплетъ,
И слегка меня щекочетъ,
И тихонько щиплетъ,—

И въ истомѣ даже вѣки
Не могу поднять я:
Знать, сожмутъ меня на вѣки
Крѣпкія объятья!

Снится: горенка пустая...
Мягкая кроватка...
Слабо стѣны озаряя,
Теплится лампадка...

На окно облакотилась
Дѣвушка-голубка

И съ плеча у ней скатилась
Стеганая шубка...

Молодая грудь колышетъ
Тонкую сорочку:
Соловья голубка слышитъ,
Что поетъ всю ночку,—

Съ нимъ сама моя бѣдняжка,
Подъ окномъ завѣтнымъ
Залилась, что Божья пташка,
Голоскомъ привѣтнымъ.

Знать, поетъ да поджидаетъ,
И сама не знаетъ,
Гдѣ-то милый пропадаетъ,—
Долго не бываетъ?...

И всю ночку изъ окошка
Наглядится вволю:
Изъ окна видна дорожка
Вдоль по чисту полю...

А въ окошко ей вѣтвями
Яблонька киваетъ,
И всю горенку цвѣтками
Тихо обсыпаетъ...

---

* * *

Мать въ сердцахъ меня журила:
„Я-ль тебя не зарекала,
Чтобъ любви ты окаянной
Пуще полымя бѣжала,

Да родительскій зарокъ,
Видно, былъ тебѣ не въ прокъ!"

—Мама, мама! что-жь мнѣ дѣлать!...
Я сама ея боялась,
Да она-то во свѣтлицу,
Не спросясь, ко мнѣ врывалась

Сквозь окошко, майскимъ днемъ,
Съ каждымъ солнечнымъ лучомъ.

Я бѣжала изъ свѣтлицы,
Въ темный садъ отъ ней бѣжала,—
А она мнѣ тихимъ вѣтромъ
Все лицо исцѣловала,

И отъ мамы въ ту же ночь
Увела тихонько дочь!...

Хандра.

(Отрывокъ).

Проклятая!... И нѣтъ ни въ чемъ исхода!
И здѣсь мутитъ съ утра и до утра,
Все пошлый сонъ, все глупая хандра
И гнусная-прегнусная погода...
Осенній свѣтъ... на слякоть—благодать!
Взгляну въ окно—старьевщикъ въ лужахъ бродитъ;

Тоскливо онъ гнуситъ: „старья продать!"—
Я продалъ бы,—товаръ-то не подходитъ..
А радъ бы сбыть все лишнее старье!...
Не купишь ли мечты о дняхъ свободы,
Хандру и желчь, и горькое житье,

Надежды, скорбь и старыя невзгоды,
Да за одно и старую любовь?—
Наскучило мнѣ ждать съ такимъ товаромъ!
Другимъ глупцамъ его ты сбудешь вновь,
А ужь любовь... бери, пожалуй, даромъ!...

Санъ-Яго.

Умеръ нашъ патронъ Санъ-Яго
И предсталъ патронъ предъ Бога,
И сказалъ Господь Санъ-Яго:
„Я тобой доволенъ много,

И за подвиги земные
Ты въ раю живи средь сада.
Что попросишь—все исполню!
Говори, чего же надо?“

Говоритъ ему Санъ-Яго:
„Пусть въ Испаніи пребудетъ
Изобиліе и солнце!“—
„Успокойся: это будетъ!“—

„Пусть побѣды громкой слава
У испанцевъ духъ пробудитъ,
Дай имъ храбрость, дай имъ силу!“—
„Успокойся, будетъ, будетъ!...“

„Дай имъ мудрое правленье,
Пусть царитъ оно неложно!“—
„Какъ?!... вдобавокъ и правленье?!—
Невозможно! невозможно!...

Вѣдь, тогда ужь будетъ раемъ
Вся страна твоя родная

И всѣ ангелы, пожалуй,
Убѣгутъ туда изъ рая,

А на небѣ воцарятся
Безпорядокъ и смятенье,—
Нѣтъ, ужь пусть у васъ пребудетъ
Ваше старое правленье!"

В. С. Курочкинъ.

18 іюля 1857 года.

(На смерть Беранже).

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?
На площадяхъ и улицахъ солдаты,
Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять...
Кому спѣшатъ послѣдній долгъ воздать?
Чей это гробъ и катафалкъ богатый?
Тревожный слухъ въ Парижѣ пролетѣлъ:
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Великая скатилася звѣзда,
Свѣтившая полвѣка кроткимъ свѣтомъ
Надъ алтаремъ страданья и труда;
Простой народъ простился навсегда
Съ своимъ роднымъ учителемъ-поэтомъ,
Воспѣвшимъ блескъ его великихъ дѣлъ.
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Зачѣмъ пальба и колокольный звонъ,
Мундиры войскъ и ризы духовенства,
Торжественность тщеславныхъ похоронъ
Тому, кто жилъ такъ искренно, какъ онъ,
Пѣвцомъ любви, свободы и равенства?
Несчастнымъ льстилъ, но съ сильными былъ смѣлъ
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Зачѣмъ пѣвцу напрасный ѳиміамъ,
Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ—
Дымъ, дорогой тщеславнымъ богачамъ—
Зачѣмъ ему? когда Богъ добрыхъ Самъ,
Благословивъ младенца на соломѣ,
Не быть ничѣмъ поэту повелѣлъ?
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Народъ всѣхъ странъ—страданіе и трудъ,
И сладкихъ слезъ надъ пѣснями отрада
Громчѣй пальбы къ безсмертію зовутъ:
И въ нихъ, поэтъ, тебѣ верховный судъ—
Великому великая награда,
Когда поэтъ пѣснь лебедя пропѣлъ—
И, внемля ей, народъ осиротѣлъ.

---

* * *

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья
Помимо истиннаго счастья!
Мы молоды, душа горда...
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога...
Проходятъ лучшіе года.

Проходятъ лучшіе года,
Мы все идемъ дорогой ложной
Вслѣдъ за мечтою невозможной,
Идемъ невѣдомо куда...
Но вотъ оврагъ, вотъ мы споткнулись...
Кругомъ стемнѣло... Оглянулись—
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья,
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы... подкосились ноги...
Погасла дальняя звѣзда!

Погасла дальняя звѣзда!
Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Вкусивъ отъ горькаго плода,—
Или съ безсильемъ старой дѣвы
Твердить упорно: гдѣ вы, гдѣ вы,
Вотще минувшіе года?

Вотще минувшіе года
Не лучше-ль справить честной тризной?
Не осквернимъ же укоризной
Господень міръ,—и никогда,
Съ безсильной злобой оскорбленныхъ,
Не осмѣемъ четы влюбленныхъ,
Влюбленныхъ въ лучшіе года!

Первая любовь.

Годы пройдутъ, словно день, словно часъ;
Много людей промелькнетъ мимо насъ.
Дѣти займутъ положеніе въ свѣтѣ
И старики поглупѣютъ, какъ дѣти.
Мы поглупѣемъ, какъ всѣ, въ свой чередъ,
А ужь любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужь любовь не придетъ!

Въ зрѣлыхъ умомъ, скудныхъ чувствами лѣтахъ
Тьму новостей прочитаемъ въ газетахъ:
Про наводненья, пожары, войну,
Про отнятую у горцевъ страну,
Скотскій падежъ и осушку болотъ—
А ужь любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужь любовь не придетъ!

Будемъ, какъ всѣ люди добрые, жить;
Будемъ влюбляться, не будемъ любить—
Ты продашь сердце для партіи громкой,
Съ горя и я заведусь экономкой,—
Та старика подъ вѣнецъ поведетъ...
А ужь любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужь любовь не придетъ!

Первой любви не сотрется печать.
Будемъ другъ друга всю жизнь вспоминать.
Общіе сны будутъ сниться обоимъ;
Разумъ обманемъ и сердце закроемъ,—
Но о прошедшемъ тоска не умретъ
И ужь любовь не придетъ, не придетъ,—
Нѣтъ, ужь любовь не придетъ!

Друзьямъ Мартынова.

Кружась, Богъ знаетъ, для чего
И для какой потѣхи,
Мы всѣ смѣшны до одного
Въ своихъ слезахъ и смѣхѣ.
Друзья мои, когда вамъ милъ
Смѣхъ, вызванный слезами,—
Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.

Блуждая ощупью, впотьмахъ,
    Отъ водевилей къ драмамъ,
Смѣшные въ искреннихъ слезахъ,
    Мы жалки въ смѣхѣ самомъ.
Средь мертвыхъ душъ, живыхъ могилъ,
    Полуживые сами,
Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,
    Смѣясь надъ нами—съ нами.

Когда другъ друга мы смѣшимъ,
    Актеры противъ воли,
И монологи говоримъ,
    Пустые, въ жалкой роли,—
Онъ откровеннымъ смѣхомъ былъ
    Всесиленъ надъ сердцами.
Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,
    Смѣясь надъ нами—съ нами.

Почтимъ его! Сердечный смѣхъ,
    Веселость безъ предѣла
Дарили жизнью даже тѣхъ,
    Въ комъ сердце оскудѣло.
Тотъ смѣхъ, какъ милостыня, былъ
    Сбираемъ богачами...
Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,
    Смѣясь надъ нами—съ нами.

Почтимъ его! Однимъ лицомъ,
    Мѣнявшимъ очертанья,
Онъ вызывалъ надъ сильнымъ зломъ
    Смѣхъ честнаго страданья,—
И смѣхъ, на время, уносилъ
    Нужду съ ея бѣдами...
Почтимъ его! онъ насъ смѣшилъ,
    Смѣясь надъ нами—съ нами.

Почтимъ его! Припомнимъ залъ,
Гдѣ, отъ райка до креселъ,
Мужикъ послѣдній хохоталъ,
Послѣдній фатъ былъ веселъ!...
Взрывъ смѣха общаго дружилъ
Ливреи съ армяками...
Почтимъ его! Онъ насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами...

Почтимъ его! Намъ много слезъ
Оставлено судьбою,
Но ужь Мартыновъ въ гробъ унесъ
Могучій смѣхъ съ собою,
Которымъ онъ одинъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами,
Который съ жизнью насъ мирилъ
И вызванъ былъ слезами.

Школа взаимнаго обученья.

Я обучался въ школѣ жизни,
И эту школу я нашелъ
Въ моей возлюбленной отчизнѣ
Почище всѣхъ заморскихъ школъ.
Въ ней каждый учится по волѣ,
Науки въ ней не на виду,
Но, обучившись въ этой школѣ,
Ужь я нигдѣ не пропаду!

Не всѣ пригодны въ ней къ наукѣ;
Есть безталанные; бѣднякъ
Иной всю жизнь аза отъ буки
Не различаетъ въ ней никакъ.
Другой глаголь отыщетъ, слово,

Да и начнетъ писать добро...
Оно полезно бы и ново,
Да въ общемъ выводѣ старо...

А и такіе есть на свѣтѣ:
Какъ букву люди разберетъ,
Букварь заброситъ и мыслете
Писать съ отчаянья пойдетъ.
Другаго дальше червь тревожитъ;
Тотъ твердо думаетъ про честь,
Но про себя прочесть не можетъ
Благополучной буквы есть.

Другой, талантомъ одаренный,
Возьметъ букварь—пойметъ какъ разъ,
Что въ этой азбукѣ мудреной
Всего важнѣе буква азъ.
Но лѣность, лѣность—мать пороковъ:
Не знаетъ трудной буквы ять
И послѣ тысячи уроковъ
Не можетъ дать, не смѣетъ взять.

Лишь искусившійся въ наукѣ,
Понявъ, что дѣло не хитро,
Запомнитъ азъ и скажетъ буки—
Глаголь, рцы, слово и добро!
Чтобъ раздѣлить людей съ землею,
Онъ ерикъ маленькій ввернетъ,
Самъ фертомъ встанетъ—и ѳитою
Вездѣ до ижицы дойдетъ.

По остальнымъ согласнымъ, гласнымъ,
Махнувъ презрительно рукой,
Напишетъ есть со взоромъ яснымъ
И сыщетъ въ азбукѣ покой.
О, мудрость истинно-простая!

Семь-восемь буквъ довольно намъ,
Чтобы всю жизнь прожить, читая
Все остальное по складамъ.

---

* * *

Видѣть, какъ зло торжествуетъ державно,
Видѣть, какъ гибнетъ, что свято и славно,
И ничего ужь не видѣть затѣмъ —
Лучше не видѣть совсѣмъ!

Слышать съ младенчества тѣ же напѣвы:
Слышать, какъ плачутъ и старцы, и дѣвы,
Какъ непріятно и тягостно всѣмъ—
Лучше не слышать совсѣмъ!

Жаждать любви и любить безпокойно,
Чтобъ испытать за горячкою знойной
На сердцѣ холодъ и холодъ въ крови—
Лучше не вѣдать любви!

Знать и молитвы, и слезъ наслажденье,
Да и молиться, и плакать съ рожденья,—
Такъ, чтобы опытъ на вѣки унесъ
Сладость молитвы и слезъ,

Каждое утро ввѣряться надеждѣ,
Каждую ночь сокрушаться, какъ прежде,
И возвращаться къ надеждѣ опять—
Лучше надежды не знать!

Знать, что грозитъ намъ конецъ неизбѣжный,
Знать все земное, но въ безднѣ безбрежной
Спутать конецъ и начало всего—
Лучше не знать ничего!

Мудрый лишь счастливъ, онъ смотритъ спокойно
И надъ его головою достойной
Свыше нисходитъ торжественный свѣтъ...
Да мудрецовъ такихъ нѣтъ!

Въ наше время...

Роскошь, такъ ужь роскошь—истинно безпутная;
Бѣдность, такъ ужь бѣдность—смерть ежеминутная;
Голодъ, такъ ужь голодъ—областію цѣлою;
Пьянство, такъ ужь пьянство—все съ горячкой бѣлою.

Моды, такъ ужь моды—все перемудренныя
Дамы, такъ ужь дамы—полуобнаженныя;
Шлейфы, такъ ужь шлейфы—двухъ и трехъ саженные,
На полъ нагло брошены камни драгоцѣнные.

Нѣчто лучше женщины въ красотѣ искусственной,
Съ шикомъ разрисованной, чувственно-безчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобіе—
Во второмъ изданіи „божіе подобіе".

Похоть, такъ ужь похоть—съ роковою силою
Деньгамъ, сердцу, разуму—всѣмъ грозитъ могилою:
Старцы льнутъ и падаютъ, какъ грудныя дѣточки,
И за ними дѣти ихъ—плодъ отъ той же вѣточки.

Воры, такъ ужь воры—крупные, съ кокардами;
Кражи, такъ ужь кражи—чуть не милліардами;
Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору грозную—
Какъ на небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную.

Мелкіе скандальчики съ крупными безпутствами;
Разоренья частыя съ злостными банкрутствами;

Фокусы бумажные, изъ нулей могущества —
И на каждой улицѣ описи имущества.

И на каждой улицѣ, съ музыкою, съ плясками,
Разоряютъ вѣжливо, обираютъ съ ласками,
И притоны мрачные, кутежи съ злодѣйствами,
И убійства звѣрскія цѣлыми семействами;

И работа вѣчная и неугомонная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная,
И съ трибунъ словесности рѣчь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на все готовая...

Скорбь, такъ скорбь—безмолвная. Горе, какъ нахлынуло,
Все существованіе разомъ опрокинуло.
Знаетъ погибающій, что никто не сжалится,
И, какъ снопъ безчувственный, самъ въ могилу валится.

Смѣхъ, такъ смѣхъ—насильственный, злобы не скрывающій,
Или разухабистый и стыда не знающій,
Или ужь отчаянный, съ умоизступленіемъ,
Надъ собой, надъ ближними и надъ всѣмъ твореніемъ.

Н. С. Курочкинъ.

* * *

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущенъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь—и ни въ чемъ
Для сердца нѣтъ успокоенья!...

Весь гнетъ ошибокъ вѣковыхъ
И лжи тысячелѣтій бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,
Изнемогая, наше время!
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно,
И слышитъ сердце—безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно!

Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной,
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной...
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ

Мечтѣ подрѣзываетъ крылья,
И умираемъ мы съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья!...

Счастливцы.

Счастливъ, кто жизнью молодой,
Какъ майскимъ утромъ насладился,
Чей путь разумно-трудовой
Любовью чистой озарился.

Кто безъ страданій и борьбы
Съумѣлъ развиться плодотворно,
Не проклиналъ своей судьбы,
Не падалъ горько и позорно.

Въ комъ умъ, какъ свѣточъ, съ юныхъ лѣтъ
Не покидалъ надъ сердцемъ власти,
На чье сознанье скорбный слѣдъ
Не налагалъ порокъ и страсти.

Чей день—отъ юности утра
До ясной старости заката—
Лишь подвигъ правды и добра,
Чья мысль всегда свѣтлѣе злата...

Какъ жизнь привольна и легка
Судьбы избранника такого!
Она—прозрачная рѣка,
Въ ней отблескъ неба голубаго...

Въ ней все—сіяніе и свѣтъ,
Все трепетъ радостный эѳира...
Да, только, жаль, подобныхъ нѣтъ
Счастливцевъ въ лѣтописяхъ міра!...

По поводу одной смерти.

... съ дѣтскихъ дней
За тобой пойду я всюду.
Ты умрешь—я плакать буду
Надъ могилою твоей.
В. Курочкинъ.

Ясно уму: человѣкъ—
Прахъ, и удѣлъ его—тлѣнье!
Смерть разбиваетъ на вѣкъ
Съ формою вмѣстѣ явленья.
Но кто терялъ дорогихъ,
Скорбною болью тотъ знаетъ:
Выводовъ сердце такихъ
Въ немъ никогда не признаетъ!

Образъ любимый ярчѣй
Призрака въ мысли приходитъ,
Отъ огорченныхъ очей
Онъ по часамъ не отходитъ!...
Сномъ наше чувство зоветъ
Смерть, и подъ крышкой гробовой,
Кажется сердцу, живетъ
Милый намъ жизнію новой...

Уничтоженье для насъ
Просто звучитъ непонятно...
Братъ отстрадавшій! угасъ
Ты навсегда, безвозвратно...
Умеръ ты... въ землю зарытъ...
Слышалъ я это... и знаю,
Плачу не даромъ навзрыдъ
Я, о тебѣ вспоминая...

Но столько въ прошломъ легло
Яркихъ минутъ между нами,

Мысли твоей такъ свѣтло
Было горѣвшее пламя,
Что, горькой вѣстью смущенъ,
Ужасомъ правды осиленъ,
Вѣрить могу я въ твой сонъ,
Въ уничтоженье—безсиленъ!

Пусть это—только обманъ!
Горько я радъ и обману;
Какъ дорогой талисманъ,
Я сберегать его стану.
Умъ въ этотъ разъ на корню
Мнѣ не подрѣжетъ химеру,
Я... отъ ума схороню
Эту послѣднюю вѣру!

Стану я въ мысли считать
Смерти обличье за дрёму,
Мертвому брату желать
Добраго сна, какъ живому...
Чтобы свободы, весны
Грезы надъ нимъ проносились,
Чтобъ ему свѣтлые сны
Въ темной могилѣ приснились!...

---

* * *

Послѣ солнца чарующей ласки
И зеленыхъ уборовъ земли
Грустно видѣть осеннія краски,
Что свинцомъ на природу легли...
Замѣчаемъ мы всюду утраты,
Въ рѣзкомъ воздухѣ нѣтъ теплоты,
Унеслись безъ слѣда ароматы

И завяли уныло цвѣты...
Все въ холодные тоны одѣто,
Все невольную будитъ печаль
И недавняго, теплаго лѣта,
Какъ чего-то родного, намъ жаль.
Унывая, мы даже готовы
Передъ каждой зимой забывать,
Что весна своей ласкою новой
Обогрѣетъ намъ землю опять.
Безотраднѣе чувство другое
Проживать огорченнымъ умомъ,
Наступленье зимы роковое
Разгадавъ на лицѣ дорогомъ!
Зная, какъ иногда безъ пощады
Гаситъ гнетъ пережитыхъ годовъ
Честный умъ, безкорыстные взгляды
И высокую къ людямъ любовь,
Въ первый разъ... въ взглядѣ друга суровомъ
Недостатокъ найти теплоты
И съ тоской... въ выраженіи новомъ
Не узнать дорогія черты,
Чтобъ потомъ, если только не въ силѣ
Мы прошедшаго сразу забыть,
Все, что мы въ человѣкѣ любили,
Хоронить, безъ конца хоронить...

В. С. Лихачовъ.

* * *

„Распни Его, распни! Варравѣ дай свободу!“—
Вопила яростно толпа, и, ей въ угоду,
Позорно пролита была святая кровь
Того, Кто возвѣстилъ прощенье и любовь...
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Свершилось искупленье
И озарило міръ великое ученье.
Пріявшему отъ насъ и муки, и хулы
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы.
Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ же фарисеи:
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи
Порою чуть блеснетъ, ужь въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ;
А если прозвучитъ нежданно и сурово
Отважнаго ума бичующее слово,—
О, въ то мгновеніе, ретивы и дружны,
Безумно яростной враждой ослѣплены,
Мы полчищу Варравъ предать себя готовы,
Чтобъ наложить на мысль безмолвія оковы:
Варравы насъ тогда не устрашаютъ,—нѣтъ,
Мы передъ истиной дрожимъ, намъ страшенъ свѣтъ!

Сонетъ.

Поэтъ сказалъ: „Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!“
О, да! Блаженъ стократъ, кто могъ въ разцвѣтѣ силъ
Извѣдать прелесть грёзъ и въ комъ разсудка холодъ
Къ добру и къ истинѣ стремленья не убилъ!
Пусть не было ему ни славы, ни успѣха,
Ни опьяняющихъ восторговъ и похвалъ;
Пусть, кромѣ наглаго, безсмысленнаго смѣха,
Онъ для себя иной награды не стяжалъ:
Отзывчивой души прекрасныя движенья,
Какъ сны отрадные, какъ свѣтлыя видѣнья,
Онъ въ нѣдрахъ памяти любовно сбережетъ
И, переживъ тѣхъ лѣтъ плѣнительную повѣсть,
До гроба, какъ скрижаль, какъ знамя, донесетъ
Мірскими благами некупленную совѣсть!

Мартовъ.

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодаго бредъ;
Не правда ты, не голосъ безпристрастный,

Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталаго страданья.
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ мірозданья!...

Какъ позабыть толпы голодной стонъ?
Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата.

Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ
Палящій свѣточъ истины зажечь,—
Сіянье грёзъ его не согрѣваетъ...

In memoriam.

Всю ночь я до утра проплакалъ:
Мнѣ снилось, что ты ожила,
Когда въ моемъ сердцѣ усталомъ
Любовь навсегда умерла...

Все утро, весь день я проплакалъ:
Я вспомнилъ, что ты умерла,
Когда въ моемъ сердцѣ безумномъ
Любовь въ эту ночь ожила...

Диссонансы.

I.

Кончена жизнь, безполезны усилья...
Грёзы спалили отважныя крылья,
Сердце устало порывисто биться,
Время настало уснуть и забыться.
Пѣсня усталыхъ толпѣ не нужна,
Пѣсня страдавшихъ счастливымъ смѣшна...
Разумъ, могильщикъ людскихъ упованій,
Молча схоронитъ остатки желаній,
Молча схоронитъ послѣднія грёзы:
Дальніе проводы—лишнія слезы...
Кинувшись развѣ въ обьятья обмана,
Дерзкимъ безумьемъ упиться до пьяна?
Можетъ быть, смѣлую пѣсню споешь,
Можетъ быть, ею дѣтей увлечешь...

II.

Но нѣтъ конца желаньямъ молодымъ...
Они встаютъ изъ пепла и изъ праха
И дерзко спорятъ съ разумомъ больнымъ,
Глядя на правду горькую безъ страха:
Пусть онъ усталъ, усталъ безъ цѣли жить,
Усталъ любить лишь призраки и грёзы,
Усталъ толпѣ скучающей дарить

Желанный смѣхъ, непрошенныя слезы,—
Но пусть онъ дастъ намъ разомъ умереть,
Пусть вспыхнемъ мы, какъ полымя пожара...
О, какъ ужасно еле-еле тлѣть
И, какъ забытый факелъ, догорѣть,
Оставивъ слѣдъ и дыма, и угара...

А. Н. Майковъ.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ въ нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Изъ отрывка „Грёзы“.

Мечта моя, постой! постой!
Вѣдь, ты не кликнешь ей: „мужайся!
И силъ ищи въ себѣ самой,
Своей овладѣвай судьбой,
Лишь гласу правды покоряйся!“
Оно спасетъ тебя въ борьбѣ,
Спасетъ изъ мутнаго потока!
Страшися лишь его упрека,—
Въ немъ судія и вождь тебѣ!
И какъ бы жизнь насъ ни ломала,
Какъ умъ ни путалъ бы,—есть въ насъ
Добра великаго начало,
Есть тайный, неподкупный гласъ,
Незаглушимый ложнымъ клиромъ—
Родство съ природою и міромъ!
А бури—пусть идутъ! пускай!
Безъ страха пусть душа ихъ встрѣтитъ:
Ударъ внезапный невзначай
Мглу разорветъ и путь освѣтитъ!
Прочь, прочь, холодный ритористъ,
Съ своею мудростію важной
И добродѣтелью продажной,
Самоубійца и софистъ!
Я добръ—по разуму свободы,
Не страхомъ ада твоего!
Прочь! человѣческой природы
Ты оскорбляешь божество!
Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я,—
Я сынъ земли, я царь ея!
Не откоснуться мнѣ устами

Отъ груди матери моей,
Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней:
Она моими зритъ очами,
Мной веселится и скорбитъ,
Моими высока мечтами
И мною мыслитъ и творитъ!
Природы творческое дѣло
Свершаться дивно будетъ вѣкъ,—
Покуда съ горняго предѣла
Сіяетъ солнца лучъ и смѣло
Творитъ и мыслитъ человѣкъ...

Древній Римъ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой.
И колесницъ слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ,
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ ростетъ, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телѣгъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѳской капители
Рогатые волы,—въ смущеньи я читалъ
Всю лѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокій,
Въ благоговѣніи глядитъ и, полнъ тревогъ,
Онъ мыслитъ: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ,—
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!...

Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли,—
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровъ и домъ,—
И кланялся сенатъ строптивому народу...

. . . . . .

Такимъ же кончилъ ты... Пускай со всей вселенной
Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
За колесницею твоею позлащенной,
Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
Пусть голосъ доблести уже толпы не движетъ;
Пускай Лицинія она цѣлуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,
Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ
И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
„Покуда молоды—плюща и винограду!
Дооблачныхъ палатъ, танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что можетъ дать намъ міръ!
И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы,—
И, въ кругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать!“

Жрецъ.

(Отрывокъ).

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ,
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду
И весь, какъ мумія, изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу.—
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ,—
Но вотъ,—ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ,
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!“

И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыню дальнюю направя.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гіерофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: „Иди, учися,—
Сказалъ,—и послѣ къ намъ вернися
И тайну жизни намъ открой!“

Минули многіе ужь годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;

Межь тѣмъ, онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ,
И, изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь, въ пустынѣ онъ бродилъ
И ероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ, между скалъ,
Въ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли и слѣда...
Что приносили эти звуки?
Пустыни-ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?...
И вспомнилъ жрецъ, какъ бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный:
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухалъ,
Лилось вино, дымились брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;

Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву и въ уста
Ее лобзалъ, и какъ голубка
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая:
„Она твоя! садись и пей!“
И ихъ оставилъ... И, какъ змѣй,
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впилась въ него очами,
Идетъ къ нему—и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвитъ!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... „Уйдемъ, уйдемъ! —
Она твердитъ,—бѣги со мною!
Вонъ бѣлый Нилъ! уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль, летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное,—люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!...“
О, злыя чары женской рѣчи!...
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
Густыя косы разсыпались
Изъ-подъ повязки и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
Въ жрецѣ всю душу взволновалъ:

Окаменѣлъ онъ въ изумленьѣ,—
Но вдругъ очнулся отъ забвенья
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!

Къ чему-жь опять она мелькнула,
Какъ по пустынѣ мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетавъ: „а ты бы могъ...“
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужь въ неотступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,
Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молитъ, то коритъ,
То вдругъ, очнувшися, въ испугѣ,
Какъ отъ врага въ степи бѣжитъ...
Но нѣтъ забвенья, нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньѣ
Какъ будто выжженъ ясный ликъ,—
Вездѣ лезбіянка младая!...
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь израненный реветъ,
Въ пескѣ катаясь, міръ клянетъ
И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вкругъ, безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

Анакреонъ скульптору.

(Графу Ѳ. П. Толстому).

Что чиниться намъ, ваятель?
Оба мы съ тобой, пріятель,
Удостоены вѣнца:
Свѣжій лавръ—твоя награда,
Я, въ вѣнкѣ изъ винограда,
Вѣкъ слыву за мудреца.

Такъ подъ старость, хоть для смѣху,
Хоть для юношей въ потѣху,
Мнѣ вопросъ одинъ рѣши!
Видѣлъ я твои творенья,
Формы, мысли выраженье,—
Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущенъ я крѣпко...
Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
Съ нашихъ модныхъ героинь,
Жрицъ аѳинскаго разврата,—
А съ любимыхъ мной когда-то
Юныхъ дней моихъ богинь!

Горлицъ, манною вскормленныхъ!
Купидономъ припасенныхъ
Мнѣ, какъ баловню его!
А съ красотъ ихъ покрывало,
Милый другъ, не упадало,
Знаю я, ни для кого!

Вотъ хоть Геба молодая,
Что, кувшинъ съ главы спуская,
Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ.
Это—Дафна: та-жь незрѣлость

Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
    И ужь взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я таилъ отъ свѣта!
Этой розы ждалъ разцвѣта—
    Но напрасно! Разъ она,
Искупавшися, нагая,
Въ воду камешки кидая,
    Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась
    И съ уступа на уступъ—
Въ самый омутъ... Къ ней лечу я,
Всплылъ—и что же? Выношу я
    Изъ воды холодный трупъ!

Зналъ еще я дочь сатрапа!
Подкупивъ ея арапа,
    Проникалъ въ гаремъ я къ ней...
Что же? ликъ ея надменный,
Нетерпѣньемъ оживленный
    Вижу въ Герѣ я твоей!

Та-жь игра въ ланитахъ смуглыхъ,
Та же линія округлыхъ,
    Чудно выточенныхъ ногъ,
То-жь изнѣженное тѣло
И спины волнистость бѣлой...
    Нѣтъ! ты видѣть ихъ не могъ!

Иль художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги
    И, читая мысль его,
Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
То, что смертнымъ, въ доляхъ малыхъ,
    Открываетъ божество?

Подъ дождемъ.

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома;
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ,
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку...
Помнишь, какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

Пѣсни.

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту же,
Пѣлъ о Страшномъ онъ судѣ,
Пѣлъ о зломъ и добромъ мужѣ.

Чуждъ живущему всему,
Только славя Судъ Господній,
Населилъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачъ, и скрежетъ зубный,

Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный.

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ, а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи:
Всѣхъ томитъ и всѣхъ гнететъ
Мысль о страшномъ покаяньи...

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбивая трепака
На гармоникѣ визгливой;

Словно ожилъ весь народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою...
Смѣхъ и пляски—въ полный ходъ!
И слѣпецъ забытъ толпою.

Возроптали старики:
„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ, дураки,
Змѣю огненному въ челюсть!"

Слышитъ ропотъ ихъ слѣпецъ:
—„Не судите, молвитъ, строго!
Благъ небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!

„Отъ Него—и скорбный стихъ,
Отъ Него—и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

„А кто любитъ ихъ, мягка
Въ томъ душа и незлобива
И къ добру она чутка
И раститъ его, какъ нива“.

Празднословъ.

Кумиры старые разбиты,
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣръ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьи бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.

И толкъ пошелъ—широко, пышно,
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И, наконецъ, уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей;

Другъ друга каждый лишь порочитъ,
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочитъ,
И счастья ждетъ лишь отъ него...

А міръ отъ гнета вѣковаго,
Межъ тѣмъ, свободный, засіялъ,
И прыснуть жизнь вездѣ готова,
И листъ ужь почку завязалъ...

И туча пыли, мглы и смрада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужь, полная чудесъ...

И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма—
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама...

Но хоть глаза у всѣхъ открыты,—
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты
И не узнаютъ мудрецы!

Вопросъ.

Мы всѣ, блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ; мы, соль земли, мы, свѣтъ,—
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,—
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать,—
Намъ есть ему что дать!

Но... еслибъ умеръ въ немъ живущій идеалъ
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ, хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ, и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что дали-бъ мы ему?

Пустынникъ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: „Иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ Истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь".

---

* * *

Мысль поэтическая,—нѣтъ!—
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣтъ
И, вспыхнувъ вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше, воскресаетъ...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть можетъ, въ сердцѣ рана—
И не одна, чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана...

---

* * *

Вчера—и въ самый мигъ разлуки—
Я вдругъ обмолвился стихомъ...
Исчезли слезы, стихли муки
И точно солнечнымъ лучомъ
И близь и даль озолотило...
О, не вини меня, мой другъ!
Вѣнецъ свой творческая сила
Куетъ лишь изъ душевныхъ мукъ!

Глубокимъ выхваченъ онъ горемъ
Изъ нѣдръ души заповѣдныхъ,
Какъ жемчугъ. выброшенный моремъ
Подъ грохотъ бури,—этотъ стихъ!

Отвѣтъ Л.

Нѣтъ, то не Муза, дщерь небесъ,
Что насъ дѣтьми ужь дразнитъ славой!
То злобный геній, мрачный бѣсъ,
То сынъ погибели лукавый
Къ намъ, улыбаясь, предстаетъ,
Плѣнитъ насъ лирою заемной,
И поведетъ, и понесетъ,
И предъ тобой ужь тартаръ темный,
Но ты летишь въ него стремглавъ,
Безъ разсужденья, безъ сознанья,
Въ душѣ, увы, давно поправъ
Любви и вѣры упованья,
Не признавая ничего
И, бѣсу въ радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и міръ, и божество!

Нѣтъ, Муза—строгая богиня!
Ей слава міра—тлѣнъ и прахъ!
Ей сердце чистое—святыня,
И умъ, окрѣпнувшій въ трудахъ!
Въ жизнь проникая постепенно,
И въ глубину, и въ высоту,
Она поетъ Отцу вселенной
Съ своею лирой умиленной
Его твореній красоту!

К. П. Медвѣдскій.

Осенью.

Бури осеннія, бури безплодныя,
Что вы въ лѣсу обнаженномъ рыдаете?
Что вы бушуете въ ночи холодныя,
Что вы усталую землю пугаете?
Воздухъ холодный весь сотканъ изъ сырости:
Грустное небо льетъ слезы горючія...
Новымъ цвѣтамъ подъ туманомъ не вырости:
Вѣтеръ снесетъ имъ головки пахучія.
Что же вы плачете, что вы рыдаете,
Что-жь вы бушуете въ ночи холодныя,
Что вы усталую землю пугаете,
Бури осеннія, бури безплодныя?

---

* * *

Вездѣ просторъ и счастье лѣтомъ:
Ликуютъ воды и поля,
И небо блещетъ яркимъ свѣтомъ,
И блескомъ за̀лита земля.
Средь нивъ, одѣтыхъ рожью скудной,
Среди пестрѣющихъ долинъ;
Въ саду, подъ сѣнью изумрудной

Березъ, сирени и рябинъ;
На берегу рѣки хрустальной,
Въ зеленой чащѣ тихихъ рощъ—
Нигдѣ и тѣни нѣтъ печальной,—
Вездѣ восторгъ, и жизнь, и мощь.
И грудь свободнѣе вздохнула,
Воскресли вновь мечты мои
И скорбь безслѣдно потонула
Въ весельи неба и земли.

Одуванчикъ.

Какъ былъ я радъ, когда весной
Онъ распустилъ свой вѣнчикъ скромный
И будто съ жалобою томной
Склонилъ головку надъ травой.
Еще подъ теплыми лучами,
И жизнь, и мощь свою тая,
Иными, пышными цвѣтами
Не наряжалася земля.
И онъ одинъ красою блѣдной
Будилъ въ душѣ живые сны—
Предвѣстникъ яркой, всепобѣдной,
Всеоживляющей весны.
Но какъ онъ сталъ унылъ и жалокъ,
Когда во всей красѣ своей
Рой бѣлыхъ ландышей, фіалокъ
Разцвѣлъ на утрѣ майскихъ дней;
Когда, какъ пламенныя грёзы
Подъ нѣжной ласкою любви,
Піоны, царственныя розы
И георгины разцвѣли!
Такъ радость прежнихъ увлеченій,
Сжигавшихъ грудь мою и кровь,

Иной отрадой наслажденій
Смѣнила новая любовь.
И передъ той любовью новой
Блѣднѣетъ пылъ любви былой,
Какъ одуванчикъ полевой—
Предъ пышной розою махровой.

Вырубленный лѣсъ.

И здѣсь барышника пила
По вѣковымъ дубамъ и кленамъ,
Какъ смерть, губительно прошла,
Не внемля жалобамъ и стонамъ.
Все тихо гибнетъ безъ борьбы:
Цвѣты какъ будто жить боятся
И только темные грибы
Между корней еще ютятся.
Изсякли звонкіе ключи,
Замолкнулъ рокотъ соловьиный
И солнце грустно льетъ лучи
Надъ умирающей равниной.

Р. А. Менделевичъ.

* * *

Исчезло все, какъ сонъ мятежный,
Ты вновь явилась предо мной,
Я слышу снова голосъ нѣжный,
Опять въ душѣ моей покой...
Ты вновь со мной... Не льются слезы,
Съ души недугъ тяжелый спалъ,
Воскресли радужныя грёзы
И позабытый идеалъ...
Ты вновь со мной... Съ надеждой новой
Я вѣрю счастью моему,
Вѣнецъ скорбей, вѣнецъ терновый
Я съ головы своей сниму...
Исчезло все, какъ сонъ мятежный,
Ты предо мной явилась вновь,
Опять я слышу голосъ нѣжный,
Опять въ груди моей любовь!...

---

* * *

Не грусти, что осенней порою
Вянутъ листья зеленаго бора,
Что туманы ползутъ надъ землею,

Что мертво все и пусто для взора,—
Милый другъ, не грусти,
Если можешь, съ отрадной мечтою,
Подъ осеннею мглою
Безъ боязни идти!...

Пусть осенняго вѣтра порывы
И полны безысходной печали,
Пусть качаются голыя ивы
И таятъ безпросвѣтныя дали
Смерти мрачный покой,—
Идеаломъ высокимъ согрѣтый,
Ты на небо не сѣтуй,
Не томися тоской...

Не жалѣй ты отцвѣтшей природы,
Коль въ душѣ распускаются розы,
Коль изъ сердца, какъ вешнія воды,
Къ жизни рвутся отрадныя грёзы...
Хмурой осени нѣтъ
Въ мірѣ добрыхъ и честныхъ стремленій:
Тамъ царитъ вѣчный геній
И любви братской свѣтъ!...

---

* * *

Чаровница-весна
Пробудила отъ сна
Задремавшія силы природы...
Божій міръ весь воскресъ,
Солнце свѣтитъ съ небесъ,
Съ горъ бѣгутъ торопливыя воды...
Ужь съ полей и луговъ
Бѣлоснѣжный покровъ
Снятъ весны-чаровницы рукою...

И въ зеленый уборъ
Одѣвается боръ,
Рѣчка плещетъ янтарной волною...
Тяжкій гнетъ съ сердца спалъ,
Звонко птичій хоралъ
Заливается въ синемъ просторѣ...
Подъ дыханьемъ весны
Снова свѣтлые сны
Замѣняютъ страданья и горе!...

Д. С. Мережковскій.

* * *

Въ борьбѣ на жизнь и смерть не сдамся я врагу!
Тебѣ, нашъ рокъ-палачъ, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мірозданія.

Нѣтъ! капля первая всей крови пролитой
На вѣкъ лицо земли позоромъ осквернила
И каждый василекъ на нивѣ золотой,
И въ небѣ каждый лучъ свѣтила!

Къ чему мнѣ пурпуръ розъ и трели соловья,
И тишина ночей съ ихъ дѣвственною лаской?...
Ужель ты прячешься, природа, отъ меня
Подъ обольстительною маской?

Ужель безчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты брилліантами созвѣздій убрана
И нарумянена зарею,

Чтобъ обмануть меня, нарядомъ ослѣпить
И скрыть чудовищность неправды вопіющей,
Чтобъ убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей,

Чтобъ сталъ я вновь рабомъ, смирясь и позабывъ
Всѣ язвы нищеты, всѣ ужасы разврата
И негодующій и мстительный порывъ
За брата, гибнущаго брата?...

---

* * *

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей—
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучитъ мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А, межь тѣмъ, не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ жить.
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели на вѣкъ мое сердце мертво?...
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

Поэту нашихъ дней.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя, —
Его намъ слушать надоѣло...

Не каждый ли твой стихъ сокровища души
За славу мнимую безумно расточаетъ,—
Такъ за глотокъ вина послѣдніе гроши
Порою пьяница бросаетъ.

Ты опоздалъ, поэтъ: нѣтъ въ мірѣ уголка,
Въ груди такого нѣтъ блаженства и печали,
Чтобъ тысячи пѣвцовъ объ нихъ во всѣ вѣка,
Во всѣхъ краяхъ не повторяли.

Ты опоздалъ, поэтъ: твой міръ опустошенъ,—
Ни колоса—въ поляхъ, на деревѣ—ни вѣтки;
Отъ сказочныхъ пировъ счастливѣйшихъ временъ
Тебѣ остались лишь объѣдки.

Попробуй слить всю мощь страданій и любви
Въ одинъ безумный вопль; въ негодованьи гордомъ
На лирѣ и въ душѣ всѣ струны оборви
Однимъ рыдающимъ аккордомъ,—

Ничто не шевельнетъ потухшія сердца,
Въ священномъ ужасѣ толпа не содрогнется,
И на послѣдній крикъ послѣдняго пѣвца
Никто, никто не отзовется!

Совѣсть.

Поэтъ, у ногъ твоихъ волнуется, какъ море,
Голодная толпа и ропщетъ и грозитъ;
Стучится робко въ дверь безпомощное горе,
И призракъ нищеты въ лицо тебѣ глядитъ,—
А ты... изнѣженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключъ отъ воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты, жизнью устрашенный,
Бѣжалъ, закрывъ глаза, отъ міра и людей.
Надъ книгой ты скорбѣлъ, ты плакалъ надъ собою
И, презирая трудъ, о подвигахъ мечталъ,
И, въ праздности гордясь печалью міровою,
Стенаньямъ гибнущихъ безчувственно внималъ.

Игралъ ты, какъ дитя, въ искусство и науки.
Въ уютной комнатѣ ты для голодныхъ пѣлъ
Свою развратную, безсмысленную скуку,
И хлѣбъ чужой, какъ воръ, всю жизнь безпечно ѣлъ.
Объ истинѣ кричалъ, но въ истину не вѣрилъ,
И чувства мнимаго любуясь красотой,
Какъ въ зеркалѣ актеръ любуется собой,
Въ слезахъ раскаянья ты лгалъ и лицемѣрилъ!

Что могъ бы ты сказать измученному міру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?...
Твой безполезный стихъ—кощунственная ложь;
Разбей ненужную, безсмысленную лиру!...
Съ людьми ты не хотѣлъ бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не далъ имъ отвѣта,
И смѣешь ты себя, безумецъ, называть
Священнымъ именемъ поэта!...

На высотѣ.

Какъ брилліантовыя скалы,
Возноситъ глетчеръ груды льдинъ—
Голубоватые кристалы
Какихъ-то царственныхъ руинъ.
И блещутъ—нестерпимо ярки—
Изъ цѣльной глыбы хрусталя
Зубцы, готическія арки
И безграничныя поля,
Гдѣ подъ іюльскими лучами
Изъ гротовъ тающаго льда
Грохочетъ мутными струями
Блѣдно-лазурная вода.
А тамъ, вдали, какъ великаны,

Утесы Шрекгорна встаютъ
И одѣваются въ туманы,
И небо приступомъ берутъ.
И съ чудной граціей повисли,
Янтарной дымкой обвиты,
Полувоздушные хребты,
Какъ недосказанныя мысли,
Какъ золотистые цвѣты.

Въ Альпахъ.

Я никогда предъ вѣчной красотою
Не жилъ, не чувствовалъ съ такою полнотою.
Но мнѣ все кажется, что я не на землѣ,
Что я перенесенъ на чуждую планету:
Я вѣрить не могу такой прозрачной мглѣ,
Такому розовому свѣту,
И вѣрить я боюсь, чтобъ снѣговой обвалъ
Такъ тяжело ревѣлъ и грохоталъ,
Что эти пропасти такъ темны,
Что эти груды дикихъ скалъ
Такъ подавляюще огромны;
Не вѣрю, чтобы могъ я видѣть предъ собой
Такой просторъ необозримый,
Чтобъ небо вспыхнуло за черною горой
Серебряной зарей, —
Зарей луны еще незримой,—
Что въ темно-синей вышинѣ—
Такая музыка безмолвія ночнаго,
И не доносится ко мнѣ
Въ глубокой тишинѣ
Ни шороха, ни голоса земнаго:
Какъ будто нѣтъ людей, и я совсѣмъ одинъ,—

Одинъ, лицомъ къ лицу съ безвѣстными мірами,
Въ кругу таинственно-мерцающихъ вершинъ,
Заброшенъ въ небеса среди пустыхъ равнинъ,
Покрытыхъ вѣчными снѣгами
И льдами дремлющихъ лавинъ...
О, пусть такой красѣ не вѣрю я, какъ чуду;
Но, что бы ни было со мной,
Нигдѣ и никогда, ни передъ чьей красой—
Я этой ночи не забуду.

Усни.

Уснуть бы мнѣ на вѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ они:
„Усни, усни!"

И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни.
И шумъ деревъ казался чудной сказкой;
Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
„Усни, усни!"

И, убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ пріютъ въ задумчивой тѣни
Подъ кущей вербъ поля мои родныя;
Склонивъ колосья наливные,
Шептали мнѣ они:
„Усни, усни!"

Аввакумъ.

(Отрывокъ).

Собрались мы плыть на лодкахъ: кормчій парусъ подымалъ;
Изъ тайги въ ту пору бѣглый къ намъ бродяга забѣжалъ.

Онъ, дрожа и задыхаясь, палъ на землю предо мной
И глядѣлъ мнѣ прямо въ очи съ боязливою мольбой:

„Я скитался дикимъ звѣремъ тридцать дней въ глуши лѣсовъ,
„Сжалься, батюшка, не выдай, скрой отъ лютыхъ козаковъ!...“

Вижу лобъ съ клеймомъ позорнымъ, обручъ сломанныхъ цѣпей,
Но прощенья страстно молитъ взоръ испуганныхъ очей.

Плачетъ, ноги мнѣ цѣлуетъ—окровавленный, въ пыли:
До чего созданье Божье—человѣка довели!...

Я забылъ, что онъ преступникъ, я хотѣлъ его поднять,
И какъ брату, кто-бъ онъ ни былъ, слово доброе сказать.

Но жена меня торопитъ: „Спрячемъ бѣднаго скорѣй!...“
И голубка отвернулась,—льются слезы изъ очей.

Скрылъ я миленькаго въ лодкѣ, да подушекъ навалилъ,
Протопопицу и дѣтокъ на постелю положилъ.

Козаки къ намъ скачутъ вихремъ и съ пищалями въ рукахъ,
Какъ затравленнаго звѣря, ищутъ бѣглаго въ кустахъ.

И кричатъ намъ: „Гдѣ бродяга? — ужь не спрятанъ ли у васъ?“
— „Никого мы не видали,—обыщите нашъ карбасъ!“

Ищутъ, роютъ, но съ постели бѣдной Марковны моей
Не согнали: „Спи, родная, не тревожься!—молвятъ ей,—

„Вдоволь мукъ ты натерпѣлась!"—Такъ его и не нашли.
Обманулъ я ихъ, сердечныхъ. Дѣлать нечего—ушли.

Пусть же Богъ меня накажетъ: какъ мнѣ было не солгать?
Согрѣшилъ я противъ воли: я не могъ его предать.

Этотъ грѣхъ мнѣ былъ такъ сладокъ, дорога мнѣ эта ложь:
Ты простишь мнѣ, Милосердый,—Ты, Христосъ, меня поймешь:

Не велѣлъ ли Ты за брата душу въ жертву принести?
Все смолкаетъ предъ любовью: чтобы гибнущихъ спасти,

Согрѣшилъ бы я, какъ прежде, безъ стыда солгалъ бы вновь,—
Лучше правда пусть исчезнетъ, но останется любовь!

---

* * *

Пойми же, наконецъ, пойми: я не хочу,
О, женщина, признать твоей жестокой власти.
Возненавидѣть гнетъ безумной, дикой страсти
И презирать тебя я сердце научу.
Нѣтъ, я не дамъ тебѣ смѣяться надо мною,
Какъ воду, пить струи моихъ горячихъ слезъ
И съ рѣзвымъ хохотомъ небрежною рукою
Ощипывать цвѣты моихъ завѣтныхъ грёзъ.
Ты слышишь ли? Топтать тебѣ я не позволю
Все, что есть лучшаго и честнаго во мнѣ:
Я сброшу цѣпь твою, и вырвусь я на волю,
И выкупаю грудь въ божественномъ огнѣ;

Туда, гдѣ больше нѣтъ твоей палящей бури,
Гдѣ правда и добро въ побѣдный гимнъ слились, —
Туда, по ступенямъ сіяющей лазури,
Я подымусь въ эфиръ на солнечную высь...
Чего, скажи, чего ты отъ меня хотѣла?...
Въ тебѣ мнѣ гадко все: улыбка, жемчугъ зубъ
И жгучій ароматъ изнѣженнаго тѣла,
И знойный мракъ волосъ, и пурпуръ влажныхъ губъ.
О, я сорву съ тебя презрѣнную личину!
За милліоны жертвъ, за муки, смерть и зло
Я въ это наглое, прекрасное чело
Проклятье бѣшеное кину!...

...Потухъ мой гнѣвъ, безумный, дѣтскій гнѣвъ:
Все время я себя обманывалъ напрасно...
Что-жь дѣлать мнѣ? Увы! восторженный напѣвъ
Изъ груди просится такъ пламенно и страстно.
На перекоръ всему, въ проклятіи моемъ
Тебѣ, о женщина, одна любовь звучала,
И даже въ злобный мигъ при имени твоемъ
Мятежная душа отъ счастья трепетала.
И вотъ—я снова твой... зачѣмъ таить любовь?
Какъ будто не о томъ я день и ночь мечтаю,
Когда и гдѣ, и какъ тебя я повстрѣчаю,
Какъ будто не тебѣ отдалъ я жизнь и кровь,
Какъ будто въ сѣрой мглѣ подъ бременемъ страданья,
Влачу я темный вѣкъ не для тебя одной;
Когда гляжу я въ даль съ улыбкой упованья
Какъ будто не тебя я вижу предъ собой...
Ты—вдохновеніе, ты—творческая сила,
Ты—все: полна тобой полуночная тишь,
Въ благоуханьи розъ со мной ты говоришь,
И сумракъ дней моихъ ты свѣтомъ напоила.
Позволь мнѣ только лечь у ногъ твоихъ, въ пыли,
Чтобъ гордый взглядъ ловить, надѣясь и ревнуя.

Въ тебя я вѣрую, тебя боготворю я,
Молюсь тебѣ одной, владычица земли.
Измучь меня тоской, обидой и позоромъ, —
Я не дерзну роптать, но лишь упиться дай
Твоимъ загадочнымъ, твоимъ глубокимъ взоромъ
И ядомъ ласкъ твоихъ, гдѣ—жизнь, и смерть, и рай.
Я слышать не хочу про всѣ твои пороки:
Ты сдѣлаешь мнѣ знакъ—и ницъ я упаду.
Кто-бъ ни былъ ты, о сфинксъ, холодный и жестокій,
Богиня-женщина, люблю тебя и жду!
Хвала тебѣ, хвала,—за сладкое мученье,
За радость и печаль, за подвиги и зло...
Неумолимое, прекрасное чело,
За все—прими благословенье!

Л. А. Мей.

Отойди отъ Меня, сатана.

На горѣ первозданной стояли Они
И надъ Ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А другой былъ мрачнѣе эреба:

Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни;
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана:
„Раввуни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...“

И десницу простёръ...
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ,

Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь... Палестина...
Вотъ сѣдой Араратъ; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая бить Іордана;
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на немъ праздный—Голгоѳа...

Къ югу—степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ намётовъ кочевья;
Смугло-дикихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ
Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Сѣрой, гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко,
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;

Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...
Мимо...

Индъ и Гангѐсъ, среброводной четой,
Катятъ волны въ далекое море;
Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
Мелкой сѣтью заткали ліаны
Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
Попугаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигренокъ сосетъ;
Птичекъ носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слонъ тяжелою поступью мѣрно бредетъ;
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ, блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучъ священной лампады слегка золотитъ;
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняясь во прахъ, благовонія жгутъ
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...

Сѣверъ... Теряясь въ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Смурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:

Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ, вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется во вѣкъ задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной!
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ!
Мимо...

Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды—
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ...
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпаго пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ;

Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...

Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ...
Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ—
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За когортой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса,
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
На зыбяхъ отдаленнаго порта.
Форумъ стелется пестрою массой головъ;
Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы,—
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ гражданъ,
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь

И въ куски изорветъ человѣка...
Мимо...

Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
На лазурныхъ волнахъ Тирринеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посрединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ,
Вознеслася надменно обитель—
Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
Въ благолѣпныя формы строитель.
Въ темныхъ нишахъ, подъ вязями лилій и розъ,
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
На-сторожѣ—хранители-боги
И трехглавый, изъ золота вылитый, песъ.
Купы миртъ и оливъ и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропятъ...
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
У фонтана гетэра-наяда,
И нагая плясунья-дріада
Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе Кесаря годы,
Прорицая безсмертье ему впереди.
И, подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на груди,
Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ,
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта—Тиверій.

—„Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я Тебѣ...“—говоритъ искуситель.
Отвѣчаетъ Небесный Учитель:
—„Отойди, отойди отъ Меня, сатана!“

Сумерки.

Оттепель... Поле чернѣетъ;
Кровля на церкви обмокла:
Такъ вотъ и вѣетъ, и вѣетъ—
Пахнетъ весною сквозь стекла.
Съ каждою новой ложбинкой
Водополь все прибываетъ
И ограненною льдинкой
Вешняя звѣздочка таетъ.
Тѣни въ углахъ шевельнулись,
Темныя, сонныя тѣни
Вдоль по стѣнамъ потянулись,
На полъ ложатся отъ лѣни...
Сонъ и меня такъ и клонитъ...
Тѣни за тѣнями—грёзы...
Дума въ невѣдомомъ тонетъ...
На сердцѣ—крупныя слезы...
Охъ, еслибъ крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было-бъ мысли: „*безсилья*“,
Не было-бъ слова—„*неволя*“!

Канарейка.

Говоритъ султанша канарейкѣ:
—„Птичка! лучше въ теремѣ высокомъ
Щебетать и пѣсни пѣть Зюлейкѣ,

Чѣмъ порхать на Западѣ далекомъ?
Спой же мнѣ про за̀-море, пѣвичка,
Спой же мнѣ про Западъ, непосѣдка!
Есть ли тамъ такое небо, птичка,
Есть ли тамъ такой гаремъ и клѣтка?
У кого тамъ столько розъ бывало?
У кого изъ шаховъ есть Зюлейка
И поднять ли такъ ей покрывало?"
Ей въ отвѣтъ щебечетъ канарейка:
—„Не проси съ меня заморскихъ пѣсенъ,
Не буди тоски моей безъ нужды:
Твой гаремъ по нашимъ пѣснямъ тѣсенъ
И слова ихъ одалискамъ чужды...
Ты въ лѣнивой дрёмѣ разцвѣтала,
Какъ и вся кругомъ тебя природа,
И не знаешь—даже не слыхала,
Что у пѣсни есть сестра—свобода".

Ты печальна.

Кому-то.

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты въ слезахъ, моя краса!
А слыхала-ль въ старой пѣснѣ:
„Слезы дѣвичьи—роса"?

Поутру на поле пала,
А къ полудню нѣтъ слѣда...
Такъ и слезы молодыя
Улетаютъ навсегда,
Словно рѐсы полевыя,—
Знаетъ Богъ одинъ—куда.

Развѣваетъ ихъ и сушитъ
Жаркимъ пламенемъ въ крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

Что такое время?

„Time was", he said, „but time is no more..."

У *живыхъ* спросилъ я, у любезныхъ братій;
Но сквозь плачъ и скрежетъ, но сквозь стонъ проклятій,
Но сквозь смѣхъ и пѣсни, но сквозь звонъ оковъ—
Разслыхалъ я мало мнѣ понятныхъ словъ:

— „Для меня—пеленки,—говоритъ ребенокъ:
Ничего нѣтъ въ мірѣ тяжелѣй пеленокъ..."
— „Для меня—игрушка",—отрокъ говоритъ.
— „Я его не вижу!"—юноша твердитъ.

— „Время,—отвѣчаетъ взрослый,—это—сила!"
— „Время,—шепчетъ старецъ,—темная могила".
— „Время,—отвѣчаютъ люди мнѣ толпой:—
Деньги!—Слава!—Мука!—Вѣчный упокой!"

Я спросилъ у *мертвыхъ*; но, подъ сѣнью мрака,
Не дали отвѣта саванъ, гробъ и рака,
И на всѣ вопросы погребальный склепъ
Былъ всегда упорно-нѣмъ, и глухъ, и слѣпъ.

Я спросилъ у сердца: что̀ такое время?
Сердце отвѣчало: „Лишній звукъ и бремя:
Маятникъ всей жизни только я, повѣрь!
И не имъ, а мною жизнь земную мѣрь..."

У земной природы я спросилъ... Сначала
На вопросъ природа мнѣ не отвѣчала,
А потомъ сказала: „Ты сошелъ съ ума!
Развѣ ты не видишь? Время—я сама!“

У свѣтилъ небесныхъ я спросилъ: сіяютъ
Кротко надо мною, кротко отвѣчаютъ
Ясными лучами въ синей вышинѣ;
Но отвѣтъ ихъ вѣщій непонятенъ мнѣ...

И *его* спросилъ я, самогò Сатурна;
Но пронесся мимо онъ, какъ вихорь, бурно
И ужь былъ далеко—дальше всѣхъ планетъ,
И за нимъ дымился недогонный слѣдъ.

Ангела спросилъ я: мощною стопою
Грозно сталъ надъ моремъ онъ и надъ землею,
И трубою судной мнѣ гремитъ въ отвѣтъ:
— „Время?... Время было; но его ужь нѣтъ!“

Муза.

Видѣлъ однажды я музу: она, надъ художникомъ юнымъ
Нѣжно склонившись, вѣнчала счастливца и миртомъ, и лавромъ,
Въ жаркомъ лобзаньѣ устами къ устамъ молодымъ припадала.
Перси лилейныя крѣпко къ высокой груди прижимала...
Видѣлъ я ласки пермесской богини другому —
Видѣлъ и прочь отъ счастливой четы отошелъ я ревниво.

Видѣлъ въ другой разъ я музу: въ объятья маститаго старца
Пала она въ цѣломудренно-страстномъ порывѣ,
Въ вѣщія очи любимца смотрѣлась она ненаглядно.
Кудри сѣдыя безмолвно кропила слезами,
Руки, изъ праха создавшія дива искусства, лобзала...
Видѣлъ я ласки пермесской богини другому —
Видѣлъ—и палъ передъ ней на колѣна въ восторгѣ...

Галатэя.

I.

Бѣлою глыбою мрамора, высей прибрежныхъ отброскомъ,
Страстно плѣнился ваятель на рынкѣ паросскомъ;
Сталъ передъ ней—вдохновенный, дрожа и горя...
Фебъ утомленный закинулъ свой щитъ златокованный за̀-море,
И разливалась на мраморѣ
Вешнимъ румянцемъ заря....

Видѣлъ ваятель, какъ чистыя крупинки камня смягчались,
Въ нѣжное тѣло и въ алую кровь превращались,
Какъ округлялися формы—волна за волной,
Какъ, словно воскъ, растопилася мрамора масса послушная,
И облеклася, бездушная,
Въ образъ жены молодой.

— „Душу ей, душу живую! — воскликнулъ ваятель въ восторгѣ,—
Душу вложи ей, Зевесъ!“
Изумились на торгѣ
Граждане—старцы, и мужи, и жены, и всѣ,
Кто только былъ на агорѣ... Но, полонъ святымъ вдохновеніемъ,
Онъ обращался съ моленіемъ
Къ чудной, незримой красѣ:

— „Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душою—
Жизнь и природа красны мнѣ одною тобою...
Обликъ безсмертья провижу я въ смертныхъ чертахъ...“
И передъ нею, своей вдохновенною свыше идеею,—
Передъ своей Галатэею, —
Пигмаліонъ палъ во прахъ....

II.

Двѣсти дней славили въ храмахъ Кивеллу, небесную жницу;
Двѣсти дней Геліосъ съ неба спускалъ колесницу;
Много свершилось въ Элладѣ событій и дѣлъ;
Много красавицъ въ Аѳинахъ мелькало и гасло зарницею,—
Но передъ ней, чаровницею,
Даже лучъ солнца блѣднѣлъ...

Бѣлая, яркая, свѣтъ и сіянье кругомъ разливая,
Стала въ ваяльнѣ художника дѣва нагая,
Мраморный, дѣвственный образъ чистѣйшей красы...
Пѣнились юныя перси волною упругой и зыбкою;
Губы смыкались улыбкою,
Кудрились пряди косы.

—„Боги!—молилъ въ изступленіи страстномъ ваятель.—Ужели
Жизнь не проснется въ такомъ обаятельномъ тѣлѣ?
Боги! пошлите неслыханной страсти конецъ...
Нѣтъ!... Ты падешь, Галатэя, съ подножія въ эти объятія,
Или творенью проклятія
Грянетъ безумный творецъ!“

Взялъ ее за руку онъ... И чудесное что-то свершилось...
Сердце подъ мраморной грудью тревожно забилось;
Хлынула кровь по очерченнымъ жиламъ ключомъ;
Дрогнули гибкіе члены, недавно еще каменѣлые;
Очи, безжизненно-бѣлыя,
Вспыхнули синимъ огнемъ.

Вся обливаяся розовымъ блескомъ весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густыя рѣсницы,
Дѣва съ подножія легкою грёзой сошла;
Алыя губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая,
И, что струя серебристая,
Тихая рѣчь потекла:

—„Вѣстницей воли боговъ предстою я теперь предъ тобою.
Жизнь на землѣ—сотворенному смертной рукою;
Творческой силѣ—безсмертье у насъ въ небесахъ!"
...И передъ нею, своей воплощенною свыше идеею,—
Передъ своей Галатэею,—
Пигмаліонъ палъ во прахъ.

Запѣвка.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

Пѣсня.

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великой—поминъ по родителямъ,
Только я, сиротинка безродная,

На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечѐръ отпросилася:
—„Отпусти, осударь, похристосуюсь
На могилѣ со свекоромъ батюшкой“.
Идучи, я съ дороженьки сбилася,
Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналася.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная:
Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я къ могилѣ—шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
—„Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
Таково ли легко было мѐлодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Каково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?“

Д. Д. Минаевъ.

Родина.

Какъ мать свою, которая меня
Родила въ свѣтъ, вспоила и вскормила,
Но послѣ не дала такого дня,
Чтобъ этотъ день она не отравила—
То жалобой, за каждый шагъ виня,
За каждое движенье негодуя,
То холодомъ мнѣ душу ледяня, —
Такъ и тебя, о, родина, люблю я!
Люблю тебя я, какъ постылый сынъ:
Ты мнѣ чужда, ты мачихой мнѣ стала,
Но въ сердцѣ у меня есть уголокъ одинъ,
Гдѣ та любовь еще не умирала.

* * *

Заочный другъ! чтобъ счастье было прочно,
Прошу тебя, со мной ты встрѣчи не ищи,
Ты лучше продолжай любить меня заочно
И о желаніи увидѣться—молчи.
За встрѣчею придутъ, быть можетъ, къ намъ печали,
Раскаянье иль ненависть враговъ...
Довольны мы, пока другъ друга не встрѣчали,

Вѣдь, люди и боговъ за то лишь почитали,
Что никогда не видѣли боговъ.

Лунная ночь.

I.

Полночный мракъ!... Лишь луннымъ свѣтомъ
Въ моей тюрьмѣ озарена
Съ ночнаго неба, теплымъ лѣтомъ,
Рѣшетка узкаго окна.
О, сколько разъ, съ ночнаго крова,
Въ иные дни, съ закатомъ дня,
Вотъ такъ же съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

II.

Я былъ дитя. Вскочивъ съ кроватки,
Прижавшись къ нянѣ въ поздній часъ,
Я слушалъ, словно въ лихорадкѣ,
О змѣй-горынычѣ разсказъ.
Все въ страшной сказкѣ было ново,
А въ дѣтской темно, нѣтъ огня...
И такъ же съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

III.

Я помню ночь. Всѣ въ домѣ спали,
Лишь мы въ аллеѣ, милый другъ,
Какъ дѣти, въ трепетѣ дрожали
За каждый шелестъ, каждый звукъ...
Руки пожатье... полуслово...
И, мягкимъ свѣтомъ осѣня,
Вотъ такъ же съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

IV.

Осенній вечеръ. Тускло зала
Освѣщена, а впереди,
Въ гробу, въ цвѣтахъ она лежала,
Сложивши руки на груди.
Въ углу, отъ горя роковаго,
Рыдалъ я, жизнь свою кляня,
И такъ же съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

V.

Метель, сугробы... Съ дикимъ воемъ
Кругомъ меня стонала степь.
Я шелъ закованный, съ конвоемъ,
Въ ногахъ звучала мѣрно цѣпь.
Повсюду снѣгъ блестѣлъ и снова,
Какъ будто путника виня,
Сквозь иней, съ неба голубаго
Луна смотрѣла на меня.

VI.

Свидѣтель жизни неудачной,
Мнѣ ненавистна ты, луна!...
Такъ не смотри въ мой уголъ мрачный
Сквозь раму тусклаго окна
И не буди того нескромно,
Что улеглось во мнѣ давно...
Пусть лучше въ небѣ будетъ темно,
Какъ на душѣ моей темно.

Свой своему вовсе не братъ.

(Современная пословица).

Стремясь къ сближенію съ народомъ,
Сошелся баринъ съ мужикомъ
И разговоръ съ нимъ мимоходомъ
Подобнымъ началъ языкомъ:

Баринъ.

Дай руку, пахарь! По принципамъ
Я демократъ и радикалъ...
Но какъ же звать тебя?

Мужикъ.

Антипомъ.

Баринъ.

Я твой гражданскій идеалъ
Желалъ бы знать хотя отчасти.
Защитникъ ты какой же власти:
Консервативной, или нѣтъ?
Въ свои „дорожные наброски"
Вписать хочу я твой отвѣтъ.

Мужикъ.

Ты это баишь по-каковски?

Баринъ.

Чего-жь боишься ты, хитрецъ,
Мнѣ отвѣчать категорично?
Сообрази же, наконецъ:
Другъ друга мы поймемъ отлично
При полномъ тождествѣ идей.
„Свободу совѣсти" людей
Ты признаешь и понимаешь?

Мужикъ.

Чаво?

Баринъ.

Ну, то-есть... отрицаешь
Ты право каждаго имѣть
Свою религію, любезный?
Вопросъ весьма не безполезный,
Чтобъ намъ съобща его рѣшить...
Міръ старины приходитъ въ гнилость...

Мужикъ.

Да что вамъ нужно, ваша милость?
Вы темно говорите такъ,
Что васъ понять мнѣ трудновато...

Баринъ.

Да ты не бойся же, чудакъ!
На томъ стоимъ мы, чтобъ, какъ брата,
Теперь встрѣчали мужика;
Мы всѣ на томъ стоимъ пока,
Чтобъ реставрировать картину
Всей нашей жизни бытовой
И вѣковѣчную кручину
Смѣнить на праздникъ вѣковой...
А ты на чемъ стоишь, другъ мой?

Мужикъ.

На чемъ? Да на землѣ, извѣстно!...

Баринъ.

Ахъ, все не то! Ну, какъ тутъ честно
Къ нимъ относиться! Насъ поймутъ
Скорѣй колбасники изъ Риги...

Мужикъ.

Что хлѣба мало въ нашей ригѣ—
Могу сказать...

Баринъ *(наставительно)*.

Хлѣбъ тамъ, гдѣ трудъ,
И васъ, повѣрь, mon cher, спасутъ
Отъ вашей бѣдности и спячки
Ассоціаціи и стачки.
Я безъ ума отъ нихъ!...

Мужикъ.

Эхъ-ма!
Признался самъ, что безъ ума!

Баринъ.

Читалъ ли ты хотя Жоржъ-Занда?

Мужикъ.

Да я, кормилецъ, не ученъ.

Баринъ.

Возможна-ль съ ними пропаганда!
Намъ нужно лѣнь забыть и сонъ,
Вступить въ борьбу открыто, смѣло,
Намъ нужно всѣмъ, карая зло,
Чтобы въ рукахъ горѣло дѣло...

Мужикъ.

У насъ сгорѣло все село,
Такъ не поможешь ли мнѣ, баринъ?

Баринъ.

Ну, какъ тутъ будешь солидаренъ
Съ подобнымъ скиѳомъ? Какъ его
Встряхнуть, чтобъ онъ отъ сна проснулся?

Мужикъ *(тихо)*.

Мой баринъ, кажется... того....
Немножко головой рехнулся.

Смущенный страннымъ языкомъ,
Мужикъ пришелъ въ недоумѣнье,
И прогрессиста съ мужикомъ
На этомъ кончилось сближенье.
Одинъ изъ нихъ пошелъ домой,
Себя бесѣдой растревожа,
Другой домой побрелъ бы тоже,
Да домъ его сгорѣлъ зимой.

Послѣдняя оргія.

(Поэма).

I.

На Олимпѣ былъ пиръ у боговъ,
За трапезой торжественной
Боги пили свой нектаръ божественный
И съ цвѣтущихъ земныхъ береговъ
Виноградниковъ соки душистые.
Фиміамы курились волнистые,
Раздавался звонъ чашъ и цѣвницъ
И незримыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ
Сладкозвучное слышалось пѣніе;
Очи ярко пылающихъ лицъ
Разгорались огнемъ опьяненія.

Искрометныя Вакха струи
Лили въ ёмкіе кубки свои
Небожители всѣ безъ различія
И, забывъ олимпійцевъ величіе,
Точно смертные, чужды тревогъ,
Вѣчно юные, вѣчно влюбленные,
Возлежали у ногъ
Распростертыхъ богинь, упоенные

Ихъ любовью и ласками ихъ,
И янтарно-прозрачными винами.
Самъ Зевесъ сладострастно притихъ
И чело подъ густыми сѣдинами
На колѣна Киприды склонилъ,
Но сквозь сонъ чуткимъ слухомъ ловилъ
Пѣсни музъ, умиленный ихъ дивными,
Раболѣпными льстивыми гимнами.
Весь Олимпъ стихъ, какъ онъ,
Посреди вакханаліи шумной,
Лишь красавецъ одинъ Аполлонъ
Въ сонмѣ музъ хохоталъ, какъ безумный,
Не страшась громовержца небесъ...
Весь Олимпъ призамолкъ, но Зевесъ
Поднялъ вѣжды свои утомленныя,
Повелительно дрогнула бровь,
Въ тотъ же мигъ началась изступленная
Олимпійская оргія вновь.

Ожилъ пиръ. Въ общемъ говорѣ, смѣшаннымъ
Съ трепетаньемъ серебряныхъ струнъ,
Съ звонкимъ смѣхомъ и хохотомъ бѣшенымъ,
Даже мрачный Плутонъ и Нептунъ
Необузданно и до излишества
Предались возліяніямъ пиршества.
Гулъ его уходилъ за предѣлъ облаковъ,
На Олимпъ, словно горы, надвинутыхъ,
А внизу посреди опрокинутыхъ
Чашъ, разбросанныхъ, смятыхъ вѣнковъ,
Лиръ изломанныхъ, грацій танцующихъ,
Звуковъ трубныхъ, тимпановъ, роговъ,
Пѣсенъ, шутокъ, проклятій ликующихъ,
До безумья дошедшихъ боговъ,—
Невозможно идти было далѣе,—
Безконечная шла сатурналія.

II.

Вдругъ,—откуда? никто не видалъ, —
Предъ лицо бѣсноватаго сборища,
Какъ безмолвный свидѣтель позорища,
Мужъ, богамъ незнакомый, предсталъ,
Неожиданный ими, нечаянный:
Ликъ изъ мрамора точно изваянный,
Голубиная кротость въ очахъ
И чело неземное въ лучахъ,
Подъ терновымъ вѣнцомъ изъязвленное.
Бѣлоснѣжной туникой былъ скрытъ его станъ
И носили слѣды незакрывшихся ранъ
Его руки и ноги пронзенныя.

На плечѣ съ колоссальнымъ крестомъ
Онъ вошелъ и молчанье могильное
Воцарилось мгновенно кругомъ:
Въ тишинѣ только слышалось сильное
Трепетанье безсмертныхъ сердецъ:
При явленіи гостя чудеснаго—
Чувство страха, богамъ неизвѣстнаго,
Охватило ихъ...
Дивный пришлецъ,
Вскинувъ очи свои, негодующимъ,
Гнѣвнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ окрестъ,
Словно вызовъ кидая пирующимъ,
И тяжелый свой крестъ
Бросилъ молча среди возмутительной
Стихшей оргіи. Громъ оглушительный
Застонавшую землю потрясъ,
Брызнулъ молній потокъ ослѣпительный,
Ливнемъ ярко-багровымъ струясь
И сражая бичами небесными
Олимпійцевъ, поверженныхъ въ прахъ.

Повторяемъ горами окрестными,
Откликаясь въ степяхъ и лѣсахъ,
Тотъ громовый ударъ потрясающій
Всколыхнулъ весь языческій міръ
И исчезъ въ мракѣ бездны зіяющей
Оглушенный, раздавленный пиръ.

Шутки и эпиграммы.

Предъ зданіемъ биржи.

На думы темныя она порой наводитъ:
Отсюда многіе, при счастіи большомъ,
Выходятъ въ люди съ чистымъ барышомъ,
Но съ чистой совѣстью не многіе выходятъ.

Общественные хапуны.

Напрасно гласность жгучими хлыстами
Бичуетъ ихъ въ столбцахъ газетнаго листа,
Они и предъ судомъ, вертя хвостами,
Твердятъ, что совѣсть ихъ чиста,
И называютъ „общими мѣстами“
Нападки на „доходныя мѣста“.

По принципу.

(Изъ міра интендантскихъ хапуновъ).

Станомъ строенъ и высокъ,
Въ годы молодости бравой
Онъ вытягивалъ носокъ
И шагать отлично могъ:
„Лѣвой, правой, лѣвой, правой!“

А подъ старость, отъ заботъ
Потерявъ разсудокъ здравый,
Онъ пустилъ и руки въ ходъ
И при случаѣ беретъ —
Лѣвой, правой, лѣвой, правой.

Мѣдному всаднику.

Когда-бъ отъ сна очнулся ты,
То, сотворивъ по насъ поминки,
Сказалъ съ гранитной высоты:
„Кругомъ все прежніе скоты
И только нѣтъ моей дубинки".

Человѣческое братство.

Всѣ люди—братья!—въ назиданье
Кричимъ мы другу и врагу,
И отрицать, при всемъ желаньи,
Я этой правды не могу.

Я сталъ ей вѣрить неизмѣнно.
Гдѣ двухъ людей я находилъ,—
Одинъ навѣрно Авель былъ,
Другой же Каинъ непремѣнно.

Къ передовымъ статьямъ одной газеты.

Подъ ними подпись быть должна,
Но это, впрочемъ, все равно:
Не *онъ* ихъ пишетъ, не *она*,
Но, безъ сомнѣнія, *оно*.

Два ворона.

(Романсъ).

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону поетъ:
—„Говорятъ, что закипитъ
Бой кровавый въ этотъ годъ".
—„Кто же это говоритъ?"
—„Старшій братъ нашъ интендантъ,
Поставщикъ нашъ средній братъ,
Младшій братъ нашъ маркитантъ
Вслухъ объ этомъ говорятъ".

Н. М. Минскій.

* * *

I.

Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла,
Въ одной рукѣ поднявъ бокалъ съ кипящей влагой,
Въ другой—вѣнокъ изъ розъ,—и вся она цвѣла
Грѣхомъ и красотой, весельемъ и отвагой.
Кудрями свѣтлыми былъ низкій лобъ вѣнчанъ,
Изъ длинныхъ глазъ сверкалъ горячій взоръ и томный,
Въ послушныхъ складкахъ шелкъ, какъ тайну другъ не-
скромный,
Скрывалъ и выдавалъ богини грудь и станъ.

—За мной!—звала она.—За мной, мечтатель юный!—
И голосъ у нея пѣвучъ былъ и глубокъ. —
Испей мой сладкій ядъ, надѣнь живой вѣнокъ,
Блаженству посвяти мечты свои и струны.
Опутанный судьбой, забвенья жаждетъ міръ
И всѣхъ превыше благъ онъ цѣнитъ, благодарный,
Объятья грѣшныя и виноградъ янтарный,
И вдохновенное безумье громкихъ лиръ.

Пой счастье и любовь счастливымъ и влюбленнымъ.
Изъ всѣхъ даровъ земныхъ лишь лучшіе бери:
У суетнаго дня—безпечный лучъ зари,
У мрачной ночи—блескъ луны надъ міромъ соннымъ,

У сердца—жаръ страстей, у времени—весну,
У матери земли—цвѣтущія дубравы,
И вмѣстѣ все сплоти въ гармонію одну,
И будутъ дни твои—дни радости и славы!

II.

Такъ рѣчь ея текла—и вѣялъ страсти зной
Отъ словъ и устъ ея, мнѣ душу зажигая.
Я руки къ ней простеръ; но въ этотъ мигъ другая,
Богиня строгая явилась предо мной
Со взоромъ, мечущимъ вражды и гнѣва пламя,
Въ доспѣхахъ воина, сильна и молода,
Съ руками грубыми отъ тяжкаго труда,
И мечъ свѣтился въ нихъ, и развѣвалось знамя.

—За мной!—звала она, и какъ призывъ трубы,
Былъ голосъ у нея,—властительный и зычный,—
Туда, на тѣсный путь лишеній и борьбы,
Гдѣ счастье—рѣдкій гость, гдѣ горе—гость привычный.
Буди огонь въ сердцахъ, усталыхъ ободряй!
Какъ музыкантъ въ бою предъ строемъ утомленнымъ,
Ступай передъ толпой со словомъ окрыленнымъ,
Съ ней вмѣстѣ и живи и вмѣстѣ умирай!

И радость высшую тебѣ я дамъ въ награду,—
Что̀ передъ ней миражъ веселья и утѣхъ!
Твой стихъ, какъ божій духъ, прольетъ въ сердца отраду
И братьевъ и друзей создастъ тебѣ во всѣхъ.
Въ минуты счастія и въ бѣдствіи тяжеломъ,—
Надъ гробомъ друга другъ, надъ колыбелью мать,—
Твоими пѣснями, какъ лучшихъ чувствъ символомъ,
Всѣ будутъ скорбь свою и радость выражать!...

III.

Такъ рѣчь ея лилась—и страстное волненье
Мнѣ сердце потрясло. Я руки къ ней простеръ,

Хотѣлъ сказать: я твой!—И вдругъ упалъ мой взоръ
На Музу новую. Блѣдна, какъ привидѣнье,
Недвижная она стояла и съ тоской
Глядѣла въ очи мнѣ безумными очами.
У ней въ одной рукѣ тлѣлъ факелъ, а въ другой
Мерцало зеркало холодными лучами.

—Я не зову тебя,—она шепнула мнѣ,
И этотъ шепотъ былъ такъ слабъ необычайно,
Что я не зналъ сперва, звучитъ ли онъ извнѣ,
Иль собственной души внимаю голосъ тайный.—
Я не зову тебя,—меня призвалъ ты самъ.
Я—жажда истины, я—совѣсть мірозданья,
За мною вьются вслѣдъ сомнѣнья и страданья,
Какъ желтые пески за вихремъ по слѣдамъ.

И знай: когда во мнѣ ты обрѣтешь богиню,
Я благами земли тебя не награжу,
Но въ душу скорбную свой факелъ водружу
И озарю всѣхъ чувствъ, всѣхъ думъ твоихъ пустыню.
И ощутишь въ душѣ отчаянія дрожь,
И въ зеркалѣ моемъ, какъ вѣчность, неподкупномъ,
Во всемъ, что ты считалъ добромъ, увидишь ложь
И неизбѣжное—въ порочномъ и преступномъ.

Я поведу тебя въ пучину дѣлъ мірскихъ
И сокровенное въ сердцахъ людей открою,
И ложь своей души увидишь ты и въ нихъ,
И не повѣришь ты пророку и герою.
Не опьянятъ тебя символы и слова,—
Ни битвы грозный шумъ, ни нѣжный плачъ свирѣли.
Въ безцѣльной суетѣ искать ты будешь цѣли,
И рваться къ небесамъ, и жаждать божества.

Промчатся дни твои въ томленьи одинокомъ,
И будетъ пѣснь твоя досугъ твой отравлять.

Но я ей силу дамъ печалью уязвлять
Сердца, застывшія въ безвѣріи глубокомъ,
И шепотъ истины, какъ бы онъ ни былъ слабъ,
Въ ней будетъ слышаться сквозь крики отрицанья.—
Такъ молвила она. И, удержавъ рыданья,
Молчалъ я, какъ молчитъ передъ царицей рабъ.

Наше горе.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шепотъ ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

Въ деревнѣ.

Я вижу вновь тебя, таинственный народъ,
О комъ такъ горячо въ столицѣ мы шумѣли.
Какъ прежде, жизнь твоя—увы!—полна невзгодъ,
И нищеты ярмо безъ ропота и цѣли
Ты все еще влачишь, насмѣшливъ и угрюмъ.
Та-жь вѣра дѣтская и тотъ же древній умъ;
Жизнь не страшитъ тебя и гробъ тебѣ не страшенъ
Подъ сѣнію креста, вблизи родимыхъ пашенъ.

Загадкой страшною встаешь ты предо мной,
Зловѣщей, какъ миражъ среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Подъ внѣшней тишиной
Теченья тайныя и дно души народной
Кто можетъ разглядѣть? О, какъ постигнуть мнѣ,
Чтó скрыто у тебя въ душевной глубинѣ?
Какъ мысль твою прочесть въ твоемъ покорномъ взорѣ?
Какъ море, теменъ ты,—могучъ ли ты, какъ море?...
Тебя порой отъ сна будили, въ руки мечъ
Влагали и вели,—куда?—ты самъ не вѣдалъ.
Покорно ты вставалъ... Не разъ средь грозныхъ сѣчъ,
Дрожа, сраженный врагъ всю мощь твою извѣдалъ.
Какъ левъ безстрашный, ты добычу добывалъ,
Какъ заяцъ робкій, ты при дѣлежѣ молчалъ...
О, кто-жь ты, наконецъ: герой великодушный,
Иль годный къ битвѣ конь, арапнику послушный?

Засуха.

Я помню: лѣтнею порою
Грозилъ намъ голодъ разъ. Поля
Всѣ были выжжены жарою.

Желтѣя, трескалась земля.
Грозы молили всѣ у неба;
Толпился въ церкви весь народъ.
Кричали дѣти у воротъ:
„Дай, Боже, дождичка, дай хлѣба
Для дѣтокъ маленькихъ Твоихъ!“
И Богъ мольбу услышалъ ихъ.
Не даромъ въ скорби непритвбрной
Упала пахаря слеза:
Примчались тучи стаей черной
И разразилася гроза.

Когда же стихнулъ дождь желанный,
Я вышелъ въ садъ благоуханный
И тамъ нашелъ среди кустовъ
Гнѣздо, размытое грозою.
Надъ нимъ съ безпомощной тоскою
Кружилась мать. Своихъ птенцовъ
Она звала и щебетала,
Ихъ грѣла трепетнымъ крыломъ,
Металась, билась надъ гнѣздомъ
И подлѣ мертвая упала.

И думалъ я: что̀, еслибъ мать
Могла въ тоскѣ своей понять,
Что той грозой неумолимой
Спасенъ весь край?
— Что̀ край родимый,
Когда не стало навсегда
Гнѣзда, родимаго гнѣзда!

Предъ зарею.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,

Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

Серенада.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ:
Плача, деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.

Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

Пѣсня.

Черезъ пучину житейской невзгоды
Въ гавань, гдѣ плещутся тихія воды,
Съ пѣсней плыву я сквозь бурю и мракъ.
Не устрашаютъ меня испытанья.
Вѣтромъ попутнымъ мнѣ служатъ страданья,
Совѣсть—мой кормчій и правда—маякъ.

Въ гавани дальней есть храмъ сокровенный.
Слышу изъ храма я голосъ священный,—
Не заглушитъ его ропотъ валовъ.
Знаю: съ тѣхъ поръ, какъ хаосъ миновался,
Онъ надъ землею всегда раздавался.
Голосъ священный! я слышу твой зовъ!

Люди на встрѣчу во мракѣ мелькаютъ,
Стонутъ и тонутъ, кричатъ и смолкаютъ...
Нѣтъ, не случайно мы въ свѣтъ родились!
Гдѣ-то земные, нестройные крики
Въ гимнъ ликованья сольются великій,—
Здѣсь, въ моемъ сердцѣ, они ужь слились!

Изъ поэмы „пѣсни о родинѣ“.

Напрасно надъ тобой, родимая страна,
Промчался правды свѣтлый геній.
Напрасно сѣялъ онъ живыя сѣмена
Высокихъ думъ, святыхъ стремленій.
Напрасно онъ сердца дремавшія будилъ,
Росой надежды окропляя.
Напрасно молодость на зло онъ ополчилъ
И въ битву велъ, благословляя.
Во слѣдъ за геніемъ желаннымъ надъ тобой
Другой промчался мрачный геній.
Какъ вихорь, посланный завистливой судьбой,
Онъ все губилъ въ своемъ стремленьи;
И тамъ, гдѣ падали живыя сѣмена,
Кропилъ онъ мертвою водою;
И тамъ, гдѣ молодость цвѣла, надеждъ полна,
Чертилъ онъ гробъ своей клюкою;
И тамъ, гдѣ слышалась благословенья рѣчь,
Шепталъ проклятья онъ сурово,
Чтобъ кровь безцѣльная багрила братскій мечъ,
Чтобы безплодно было слово...
Сбылись проклятія!... Порывы и мечты
Изъѣла ржавчина безсилья;
Тоскливо жаждетъ грудь добра и красоты;
Не поднимая, бьются крылья...

Надъ моремъ голубымъ прекрасная весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печалью взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:

„Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все разцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:

Вотъ кипарисъ застылъ въ величіи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;

Вотъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вонъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой,

Съ моими чарами безплотными, какъ сонъ,
Съ моими грёзами воздушными, какъ тѣни?
Что̀ въ тайнахъ призрачныхъ тому, кто опьяненъ
Восторгомъ знойныхъ наслажденій?

Пора! Манитъ меня иная сторона,
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоской нетерпѣливой...

Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну на голый лѣсъ,—лѣсъ зашумитъ привѣтно,
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ ласкою отвѣтной.

Пора! Тамъ ждутъ меня... Повсюду притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы...“
Сказала и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

---

* * *

О, еслибъ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ вамъ шелъ:
Молился я, чтобъ васъ такою же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашелъ,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи;

Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучалъ,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщалъ;

Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастливой,
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужь слышенъ отдаленный...

И объ одномъ еще молился я, смущенный:
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!...

Искусство.

Въ глухой, полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни.
Не тѣ же-ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи,
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя-бъ одной струей, одною вѣткой лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило!
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ!
И все, что въ нѣдрахъ тьмы дремало сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной.

Д. Л. Михаловскій.

Память.

Память, чудное кладбище,
Гдѣ не гаснетъ жизни свѣтъ,
Память, странное жилище
Тѣхъ, кого ужь больше нѣтъ,
Нашей думы окрыленной
Къ невозвратному полетъ,
Міръ, тѣнями населенный,
Гдѣ минувшее живетъ;
Міръ былыхъ картинъ и звуковъ,
Голосовъ умолкшій хоръ,
Сходки прадѣдовъ и внуковъ
На безмолвный разговоръ;
Прежней жизни въ настоящей
Дальній отблескъ, пестрый слѣдъ,
Въ прошломъ—колоколъ звенящій,
Пламя въ пеплѣ давнихъ лѣтъ!
День за днемъ проходятъ годы
И смѣняетъ съ каждымъ днемъ,
Безъ конца, законъ природы
Бытіе небытіемъ.
Наши радости и горе
Въ даль минувшаго уйдутъ

И потонутъ въ мертвомъ морѣ...
Но въ тебѣ они живутъ.
Ихъ, бездонною могилой,
Охватила глубина,
Но твоей волшебной силой
Вновь выноситъ ихъ волна.
Въ часъ безмолвнаго досуга,
Окруженный тишиной,
Вспомнилъ я отца, иль друга, —
Онъ явился предо мной!
Гдѣ же этотъ призракъ бродитъ
Близкій сердцу моему?
Кто изъ двухъ къ кому приходитъ,
Онъ ко мнѣ, иль я къ нему?
Память, онъ—твое созданье!
Изъ чего-жь ты создаешь?
Что за родъ существованья
Ты умершему даешь?
Отчего насъ такъ тревожитъ
Или льетъ намъ въ душу свѣтъ
То, что жить уже не можетъ,
То, чего давно ужь нѣтъ?
Почему, какимъ влеченьемъ
Насъ тотъ странный міръ манитъ,
Гдѣ надъ урнами и тлѣньемъ
Чудный факелъ твой горитъ?
Не даешь ты мнѣ отвѣта,
Но, волнуя странно грудь,
Лучъ мерцающаго свѣта
Льешь на пройденный мной путь...
Жизнь кипитъ, иду я съ нею,
Но, невольно, грустный взглядъ
Властной силою твоею
Обращается назадъ...
И уносится отъ шума

И отъ будничныхъ тревогъ
Очарованная дума
Въ твой таинственный чертогъ...

Въ горахъ.

Мрачны горы, покрытыя тучами,
Всѣ ущелья наполнила мгла,
Завладѣла провалами, кручами
И на днѣ пропастей залегла.
Неба нѣтъ; съ его мантіей звѣздною
Оно скрылось и свѣта не льетъ;
Я стою надъ какою-то бездною,
Тьма ночная ростетъ и ростетъ...
Глубже, глубже во мракъ укрываются
Ребра скалъ и обрывы стремнинъ,
Тамъ и сямъ изъ него выдвигаются
Шапки бѣлыя снѣжныхъ вершинъ.
Все недвижно, туманъ лишь колышется,
Все безмолвно, лишь гдѣ-то вдали
Грохотанье какое-то слышится,
Шумъ глухой, точно въ нѣдрахъ земли.
То потоки гремятъ, водопадами
Низвергаясь съ отвѣсныхъ стремнинъ;
То ручей, окруженный громадами
Голыхъ скалъ, рвется въ лоно долинъ.
Ты угрюма, пустыня дремучая,
Но, я вижу, есть жизнь и въ тебѣ:
То ручьевъ твоихъ влага кипучая,
Неустанная въ вѣчной борьбѣ.
Ты ужасна, пустыня безлюдная,
Смертью вѣютъ твои ледники,
Но питаетъ ихъ масса холодная

Твои рѣчки, твои родники.
Они въ нѣдрахъ твоихъ зарождаются
И на вольный, широкій просторъ
Съ бурнымъ плескомъ затѣмъ вырываются
Изъ твоихъ непривѣтливыхъ горъ.
Ты—ихъ мать, но струей своей чистою
Они сердце твое разорвутъ,
Взроютъ почву твою каменистую,
Но не ей плодородье дадутъ.
Потекутъ они къ морю долинами,
Будутъ ихъ своей влагой питать,
Далеко за твоими тѣснинами
Разливая свою благодать.

Ты, измученный гордымъ страданіемъ,
Мысли, правды, добра исполинъ,
Ты, въ вѣкахъ озаренный сіяніемъ,
Какъ снѣга этихъ горныхъ вершинъ!
Окруженъ ты густыми туманами
Неразумья и всякаго зла;
Въ твое сердце, покрытое ранами,
Грусть, какъ черная тѣнь, залегла...
Я сравню тебя съ этой пустынею:
Какъ она, ты печаленъ, угрюмъ;
Но великъ ты, съ великой святынею
Твоихъ творческихъ, пламенныхъ думъ.
Въ ореолѣ могучаго генія
Ты стоишь, величавъ, одинокъ;
Твои мысли, желанья, стремленія —
Это горный кипучій потокъ.
Твое сердце терзаетъ онъ муками,
Веселитъ въ одинокой тиши,
Наполняя тревожными звуками
Глубину твоей мощной души.
Больше, больше потокъ разростается,

Крѣпнетъ онъ въ непрерывной борьбѣ,
Но затѣмъ на просторъ вырывается,
Онъ остаться не могъ при тебѣ...
Ты взлелѣялъ волну эту сильною,
Какъ любимое чадо свое,
И со всей ея влагой обильною
Человѣчеству отдалъ ее.

На закатѣ.

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою,—
Она для насъ прошла,—но, на закатѣ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу и зажгла надежды пламя въ ней, —

Надежды не на то, что быстро возродимся
Мы къ труднымъ подвигамъ и сердцемъ, и умомъ...
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужь не годимся,—
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.

О, пусть придутъ они... не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою, съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ тьмы и зла ихъ воли не сломилъ.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ хоть мигъ единый
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ;
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: „оно идетъ!“ и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!...

М. Л. Михайловъ.

Хидгеръ.

Неумирающій и вѣчно юный
Хидгеръ разсказывалъ:—Я проѣзжалъ
Однажды шумнымъ городомъ. Въ саду
Я увидалъ тамъ человѣка
Съ корзиною,—и у него спросилъ,
Давно-ль стоитъ тутъ городъ? Продолжая
Сбирать плоды, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Вѣчно
Стоялъ онъ тутъ и вѣчно простоитъ".

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я проѣзжалъ. Отъ города того
Ни одного слѣда не оставалось;
Гдѣ онъ стоялъ, была пустыня. Тутъ
Сидѣлъ пастухъ и одиноко пѣсню
Наигрывалъ на дудкѣ; вкругъ него
Паслося стадо на зеленомъ лугѣ.
И я его спросилъ: давно-ль не стало
Тутъ города? Онъ продолжалъ играть
Въ свою свирѣль и мнѣ одно промолвилъ:
„Одно ростетъ, другое увядаетъ.
Я вѣчно здѣсь пасу свои стада".

Опять чрезъ пять столѣтій той же самой
Дорогой проѣзжалъ я. Предъ собою

Я увидалъ тутъ море; волны
Катились и шумѣли. Въ челнокѣ,
У берега привязанномъ, рыбакъ
Сидѣлъ, свои закидывая сѣти.
Я у него спросилъ: давно-ль тутъ море?
И, моему вопросу засмѣявшись,
Онъ мнѣ сказалъ: „Какъ эти волны вѣчно
Гуляютъ и клубятся на просторѣ,
Такъ вѣчно здѣсь закидываютъ сѣти".

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я снова ѣхалъ и нашелъ тутъ лѣсъ,
И въ чащѣ лѣса встрѣтилъ дровосѣка.
Подъ корень онъ рубилъ могучій дубъ,
И я спросилъ его: давно-ль явился
Тутъ лѣсъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Лѣсъ
Стоитъ здѣсь вѣчно, вѣчно въ немъ ростутъ
Деревья и дрова мы вѣчно рубимъ".

Еще чрезъ пять столѣтій той дорогой
Поѣхалъ я, и вновь передо мною
Тамъ очутился городъ. Громкій гулъ,
Народный говоръ, стукъ колесъ повсюду
На улицахъ и площадяхъ. У встрѣчныхъ
Я спрашивалъ: давно-ль построенъ городъ?
Куда дѣвались темный лѣсъ и море,
И пастбище? Но словъ моихъ никто
И слушать не хотѣлъ, и всѣ кричали:
Такъ вѣчно шло на этомъ мѣстѣ, вѣчно, —
И вѣчно такъ пойдетъ.
Чрезъ пять столѣтій
Поѣду снова этою дорогой.

Къ моей таинственной незнакомкѣ.

Еще въ тѣ дни, когда на жизненный порогъ
  Ступилъ впервые я нетвердою стопою —
Въ дни юношескихъ сновъ, порывовъ и тревогъ,
  Туманный образъ твой носился предо мною,
И грезилась ли мнѣ ты жертвою нѣмой,
  Иль грознымъ мстителемъ своихъ нѣмыхъ страданій—
Казалось, я знакомъ былъ разъ уже съ тобой,
  Полузабытою въ ряду воспоминаній.
Увы! съ тѣхъ поръ ушло не мало грустныхъ дней
  И скрылось многое передъ померкшимъ взоромъ,
Но образъ твой все живъ еще въ душѣ моей
  И все таинственнымъ еще подернутъ флеромъ...
Ахъ, сколько-сколько разъ, терзаемый тоской,
  Я звалъ на свѣтъ его изъ сумеречной дали,
И сколько разъ потомъ, поникнувъ головой,
  Склонялся на землю, въ безмолвіи печали!
Порой казалось мнѣ, что, внявъ моей мольбѣ,
  Ты приближаешься... съ ликующей душою,
Объятья простиралъ и рвался я къ тебѣ,
  Но то лишь тѣнь твоя мелькала предо мною!...
О, призракъ мой таинственный! когда-жь,
  Откинувъ свой покровъ волшебно-идеальный,
Ты подойдешь ко мнѣ, и руку мнѣ подашь,
  И къ груди трепетной прижмешь твой ликъ печальный?
Иль сила тайная невидимо легла
  Бездонной пропастью на вѣки между нами,
И никогда, увы, до твоего чела
  Не прикоснуться мнѣ горячими устами?
Иль будетъ вѣчно ждать душа моя тебя
  И, въ образѣ твоихъ неясныхъ очертаній,
Вотще преслѣдовать лишь тѣнь самой себя,
  Лишь отблескъ собственныхъ страданій?

* * *

Дай руку мнѣ, любовь моя,
Дай руку мнѣ смѣлѣй!
Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
И блескъ твоихъ очей.

Не слабъ мой духъ, и твердъ мой шагъ,
И вѣрь, ребенокъ мой,—
Ни грозный рокъ, ни сильный врагъ
Не сломятъ насъ съ тобой.

Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
Мы весело вдвоемъ,
Рука съ рукой, поднявъ чело,
Въ широкій свѣтъ пойдемъ;

Въ широкій свѣтъ, громадный свѣтъ,
Въ міръ вѣчной суеты,
И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
И лжи, и красоты!

Не страшенъ мнѣ безвѣстный путь,
Не вѣрю я въ злой часъ,
Сильна рука моя, и грудь
Крѣпка, и зорокъ глазъ.

Что намъ - что свѣтъ и золъ, и грубъ?
Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
За око—око, зубъ за зубъ
И кровь воздать за кровь!

Смѣлѣй же въ даль, и въ шумъ, и въ гамъ,
На встрѣчу суетѣ,
На встрѣчу счастью и бѣдамъ,
И лжи, и красотѣ!

Къ родинѣ.

Хоть и не сладокъ мнѣ, о родина, твой дымъ
  И болѣе упрековъ, чѣмъ благословеній
Я посылалъ тебѣ; хоть предъ лицомъ твоимъ
  Я никогда не гнулъ и не согну колѣней;
Но если бы мнѣ стать на судъ пришлося твой,
  За то, что отнестись къ тебѣ я смѣлъ съ укоромъ,—
Предсталъ бы я на судъ съ спокойною душой,
  А не съ потупленнымъ по фарисейски взоромъ.
Да, чистъ я предъ тобой и я люблю тебя,—
  Не той сценически-красивою любовью,
Что смотритъ въ зеркало сторонкой на себя
  Въ тотъ самый мигъ, какъ истекаетъ кровью...
Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста,
  Хоть одинаково твоя безповоротно,
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста
  И въ изліянія вступаютъ неохотно,
Но если жизнь моя нужна—она твоя;
  Мой трудъ—и онъ тебѣ принадлежитъ всецѣло.
И только мысль моя одна вполнѣ моя,
  Одна дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло!...

---

* * *

Какъ долгой ночью ждетъ утра
  Больной, томясь въ бреду,
Такъ въ этой безразсвѣтной тьмѣ
  Я милой вѣсти жду...

День безконеченъ... грудь полна
  Невыплаканныхъ слезъ.
Наступитъ ночь,—ко мнѣ бѣгутъ
  Рои зловѣщихъ грёзъ.

О, только-бъ знать, что надъ тобой
Безъ тучъ восходитъ день,
Что, ясная, встрѣчаешь ты
Безъ слезъ ночную тѣнь!

Какъ стало бы свѣтло, тепло
Въ холодной этой тьмѣ!
Пусть воли нѣтъ... пока придетъ,
Есть счастье и въ тюрьмѣ!

Но дни и мѣсяцы идутъ...
Я жду,—напрасно жду...
Такъ въ ночь безсонную утра
Не ждетъ больной въ бреду.

С. Я. Надсонъ.

Поэтъ.

Пусть пѣснь твоя кипитъ огнемъ негодованья
И душу жжетъ своей правдивою слезой,
Пусть отзывъ въ ней найдутъ и честныя желанья,
И честная любовь къ отчизнѣ дорогой;
Пусть каждый звукъ ея впередъ насъ призываетъ,
Подавленнымъ борьбой надеждою звучитъ,
Упавшихъ на пути безсмертіемъ вѣнчаетъ
И робкихъ бѣглецовъ насмѣшкою клеймитъ;
Пусть онъ ведетъ насъ въ бой съ неправдою и тьмою,
Въ суровый, грозный бой за истину и свѣтъ,—
И упадемъ тогда мы ницъ передъ тобою,
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: „ты—поэтъ!...“
Пусть пѣснь твоя звучитъ, какъ тихое журчанье
Ручья, звенящаго серебряной струей;
Пусть въ ней ключемъ кипятъ надежды и желанья,
И сила слышится, и смѣхъ звучитъ живой;
Пусть мы забудемся подъ молодые звуки
И въ міръ фантазіи умчимся за тобой,—
Въ тотъ чудный міръ, гдѣ нѣтъ ни жгучихъ слезъ, ни муки
Гдѣ красота, любовь, забвенье и покой;
Пусть насладимся мы безъ думъ и размышленья,
И снова проживемъ мечтами юныхъ лѣтъ,—
И мы благословимъ тогда твои творенья,
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: „ты—поэтъ!...“

Поэзія.

За много лѣтъ назадъ, изъ тихой сѣни рая,
Въ вѣнкѣ душистыхъ розъ, съ улыбкой молодой,
Она сошла въ нашъ міръ, прелестная, нагая
И гордая своей невинной красотой.
Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
Гармонію небесъ и преданность мечтѣ,—
И былъ законъ ея—искусство для искусства,
И былъ завѣтъ ея—служенье красотѣ.

Но съ первыхъ же шаговъ съ чела ея сорвали
И растоптали въ прахъ роскошные цвѣты,—
И темнымъ облакомъ сомнѣній и печали
Покрылись дѣвственно-прекрасныя черты.
И прежнихъ гимновъ нѣтъ!... Ликующіе звуки
Дыханіемъ грозы безслѣдно унесло,—
И дышетъ пѣснь ея огнемъ душевной муки,
И терніи язвятъ небесное чело!

---

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:
Вѣрь,—настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,

Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезъ-чуръ ужь гнететъ,
Ночь вокругъ черезъ-чуръ ужь темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой!...

---

* * *

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья...
Я презрѣньемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
На отраду и ласку весеннихъ лучей...
Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царитъ непроглядная мгла,
Безконечно-постыдны заботы и грёзы
О теплѣ и довольствѣ роднаго угла...
А сегодня... сегодня весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно,
И забилось усталое сердце, страдая,
Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодаго лица...
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца...

Грёзы.

I.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грёзахъ видѣлся, пестрѣющій толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ...
Былъ пиръ—веселый пиръ, въ честь юной королевы,
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...

День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ сернъ и царственныхъ оленей
Упали жертвами разгоряченнымъ псамъ.
А ночью данъ былъ балъ... Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой... межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплеталися въ узоры,
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ...
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза до полу сплошныя зеркала...
Но близокъ ужь разсвѣтъ, и гости утомились:
—„Пѣвца!—зовутъ они,—пусть выйдетъ онъ впередъ!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы насладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!“
И, робкій пажъ, впередъ я выступилъ... Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ...
Въ началѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужь слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,

Ужь осѣнилъ меня крылами вдохновенья,
И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ,
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!...
Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимаютъ мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста,
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка—кристальна и чиста.

И льется пѣснь моя, и мощною грозою
Гремитъ, разсыпавшись, на стонущихъ струнахъ...
Не громъ ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы-ль молніи сверкнули въ небесахъ?...
Какъ грозенъ былъ ударъ!.. Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули, и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрусталя
На серебрѣ цѣпей, померкнувъ, задрожала...
Но буря пронеслась, и струны недвижимы...
И вновь звучатъ онѣ подъ бѣлою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы,
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой...
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ,
И вотъ послѣдній звукъ, какъ легкій ѳиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздами бездоннымъ небесамъ!

Я кончилъ...

Всѣ уста окованы молчаньемъ,
Всѣ груди поднялъ вздохъ... Но вотъ къ моимъ ногамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ,
И нѣтъ числа меня осыпавшимъ цвѣтамъ!...
Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;

Ростетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ:
Такъ хмурый лѣсъ шумитъ, взволнованный грозою,
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.

Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу, какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ, завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній,
Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный,
О, неужели ты меня не поняла?...
Безумецъ! отгони напрасныя мечтанья!
Священенъ тронъ ея!.. Молись... благоговѣй!
Не дерзностной любви тревоги и желанья,
А раболѣпный страхъ повергни передъ ней!
Но вѣрить ли очамъ: *она встаетъ*!... Мгновенно
Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
Глаза ея горятъ свѣтло и вдохновенно,
Подъ золотомъ парчи высоко дышетъ грудь...
Она идетъ ко мнѣ—идетъ легка, какъ грёза,
Чаруя прелестью улыбки и лица,
И вотъ съ ея груди отколотая роза —
Трепещетъ ужъ въ рукѣ счастливаго пѣвца!...

Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...

II.

Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:
. . . . . .
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою,
К плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю,

И утомленному я руку подаю!
И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой!

Я помню ночь: блѣдна, какъ тяжело больная,
Она слетала къ намъ съ лазурной вышины,
Съ несмѣлой ласкою серебрянаго мая,
Съ привѣтомъ сѣверной, задумчивой весны.
Всѣ окна въ комнатѣ мы настежъ отворили,
И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ уголъ трудовой...
А чуть вошла она—чуть ароматъ сирени
Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней
Вошли какія-то оплаканныя тѣни,
Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ дней...
Тѣмъ, кто закинутъ былъ въ столицу издалека,
Невольно вспомнились родимые края,
Убогое село, и церковь, и поля,
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока;
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбели,
Гдѣ въ невозвратные, младенческіе дни
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрывомъ,
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолкъ!...

Суровыя лишенья,
Нужда, тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ... мы жаждали забвенья—

И съ тихой пѣснею любви и примиренья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ, я выступилъ впередъ.
Не пышный залъ горѣлъ огнями предо мною:
Здѣсь, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полумглѣ,
Сіяла только мысль нетлѣнной красотою
Въ вѣнцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
И голосъ мой звучалъ не для пустой забавы
Пресыщенной толпы земныхъ полубоговъ:
Не требуя похвалъ, не ожидая славы,
Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ трудовъ.
Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,
Чтобъ не упали ихъ натруженныя руки,
Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
Что только истинѣ побѣда суждена,
Что ночь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;
И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохранилъ —
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—
Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!...

Я смолкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
Не падаютъ къ ногамъ душистые вѣнки:
Наградою пѣвцу—минутное молчанье,
Да чье-то теплое пожатіе руки...
Но что со мной?... О чемъ, откуда эти слёзы?...
Какъ гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожилъ я душой!...
О, родина моя, прими меня—я твой!...
И блекнутъ яркія младенческія грёзы,
И осыпаются ихъ призрачныя розы
Предъ счастьемъ, на яву блеснувшимъ предо мной!...

* * *

Окрыленнымъ мечтой, сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки.
Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки.

Какъ недугомъ, я жаждою пѣсни болѣлъ,
Каждой творческой думой терзался;
И нерѣдко пѣвца благодатный удѣлъ
Непосильнымъ крестомъ мнѣ казался.

И нерѣдко клялся я на вѣкъ замолчать,
Чтобъ съ толпою въ забвеніи слиться,—
Но Эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнамъ ея мчится.

И невластенъ весною гремучій ручей
Со скалы не свергаться къ долинѣ,
Если солнце потоками жгучихъ лучей
Растопило снѣга на вершинѣ!...

---

* * *

Неужели сейчасъ только бархатный лугъ
Трепеталъ позолотой полдневныхъ лучей?
Неуклюжая туча ползетъ, какъ паукъ,
И ползетъ, и плететъ паутину тѣней!...
Ахъ, напрасно повѣрилъ я въ день золотой,
Ты лгала мнѣ, прозрачныхъ небесъ бирюза,
Неподвижнѣе воздухъ, томительнѣй зной,
И все ближе гремитъ, надвигаясь, гроза!...

Встанутъ сѣрые вихри въ дорожной пыли,
Заволнуется зыбкое море хлѣбовъ;
Дрогнетъ садъ, наклоняясь челомъ до земли,
Отлетятъ лепестки недоцвѣтшихъ цвѣтовъ...
Сколько всходовъ помятыхъ и сломанныхъ розъ!...
Сколько будетъ незримыхъ, неслышныхъ смертей,
Долго солнце огнемъ благодатныхъ лучей
Не осушитъ пролитыхъ природою слезъ!...
А не будь миновавшіе знойные дни
Такъ безоблачно-тихи, свѣтлы и ясны,
Не родили-бъ и черную тучу они—
Эту черную думу на ликѣ весны!...

---

* * *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ разсвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ:
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы изподтишка!...
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!.
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!

Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
„Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!...“

---

* * *

Умерла моя муза!... Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна!...
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!...
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И поднимутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!...
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ,—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!...

Умерла моя муза!... Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни:
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна!...

---

* * *

Не принесетъ, дитя, покоя и забвенья
Моя любовь душѣ проснувшейся твоей;
Тяжелый трудъ, нужда и горькія лишенья,—
Вотъ что насъ ждетъ въ дали грядущихъ нашихъ дней!
Какъ сладкій чадъ, какъ сонъ обманчиво-прекрасный,
Развѣю я твой міръ невѣдѣнья и грёзъ,
И мысль твою зажгу моей печалью страстной,
И жизнь твою умчу на встрѣчу бурь и грозъ!
Изъ сада, гдѣ вчера подъ липою душистой
Нашъ первый поцѣлуй раздался въ тишинѣ,
Когда румяный день, и кроткій, и лучистый,
Гасъ на обрывкахъ тучъ въ небесной вышинѣ,
Изъ теплаго гнѣзда, отъ близкихъ и любимыхъ,
Отъ мирной праздности, отъ солнца и цвѣтовъ
Зову тебя для жертвъ и мукъ невыносимыхъ
Въ ряды истерзанныхъ, озлобленныхъ борцовъ,
Зову тебя на путь тревоги и ненастья,
Гдѣ мѣры нѣтъ труду и счета нѣтъ врагамъ!...
Тупаго, сытаго, безсмысленнаго счастья
Не принесу я въ даръ сложить къ твоимъ ногамъ.
Но если счастье—знать, что другъ твой не измѣнитъ
Завѣтамъ совѣсти и родинѣ своей,
Что выше красоты въ тебѣ онъ душу цѣнитъ,
Ея отзывчивость къ страданіямъ людей,—
Тогда въ моей груди нѣтъ за тебя тревоги,
Дай руку мнѣ, дитя, и прочь минутный страхъ;

Мы будемъ счастливы,—такъ счастливы, какъ боги
На недоступныхъ небесахъ!...

Случайныя пѣсни.

I.

Въ отвѣтъ.

Намъ часто говорятъ, родная сторона,
Что въ наши дни, когда отъ края и до края
Тобой владѣетъ гнетъ безсилія и сна,
Подъ тяжкое ярмо чело твое склоняя,—
Когда повсюду рознь, все глохнетъ и молчитъ,
Унынье, какъ недугъ, сердцами овладѣло
И холодъ мрачныхъ думъ сомнѣніемъ мертвитъ
И пламенный порывъ, и начатое дѣло,—
Что въ эти дни рыдать постыдно и грѣшно;
Что наша пѣснь должна звучать тебѣ призывомъ,
Должна святыхъ надеждъ бросать въ тебя зерно,
Быть яркимъ маякомъ во мракѣ молчаливомъ!...

Слова, слова, слова!... Не требуй отъ пѣвцовъ
Величія души героевъ и пророковъ!
Въ узорахъ вымысла, въ созвучьяхъ звонкихъ строфъ
Разгадокъ не ищи и не ищи уроковъ!...
Мы только голосъ твой,—и если ты больна,—
И наша пѣснь больна!... Въ ней вопль твоихъ страданій,
Видѣнья твоего болѣзненнаго сна,
Кровь тяжкихъ ранъ твоихъ, тоска твоихъ желаній...
Учить не властны мы!... Учись у мудрецовъ;
На жадный твой запросъ у нихъ ищи отвѣта,
Имъ повторяй свой крикъ голодныхъ и рабовъ—
„Свободы, воздуха и свѣта!... Больше свѣта!“
Мы наши голоса съ твоимъ тогда сольемъ;

Какъ мѣдный благовѣстъ, какъ мощный Божій громъ,
Широко пронесемъ тотъ крикъ мы надъ тобою!
Мы каждую твою побѣду воспоемъ,
На каждую слезу откликнемся слезою,—
Но указать тебѣ спасительный исходъ
Не намъ, о родина!... Исхода мы не знаемъ:
Ночь жизни, какъ тебя, и насъ собой гнететъ,
Недугомъ роковымъ, какъ ты, и мы страдаемъ!...

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня;

И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Вѣрь: я внималъ не безъ участья,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и—все забылъ

Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?

Не вѣрь толпѣ пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди,
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

---

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я унылъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,
То, понуривъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь;

Такъ добра ты, скупая на ласки,
Поцѣлуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядные глазки
Такъ голубятъ и гладятъ меня,—

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И впередъ—въ это темное море —
Безъ обычнаго страха гляжу...

---

* * *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу—день за днемъ безполезно губя;

Что я—силы своей не пытавъ ни на чемъ—
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ,

И, лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался какъ рабъ;

Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подчасъ позавидовать могъ.

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь міръ,
А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сиръ,

И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука!

---

* * *

Я не люблю ироніи твоей,
Оставь ее отжившимъ и нежившимъ,
А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
Еще остатокъ чувства сохранившимъ—
Намъ рано предаваться ей!

Пока еще застѣнчиво и нѣжно
Свиданіе продлить желаешь ты,
Пока еще кипятъ во мнѣ мятежно
Ревнивыя тревоги и мечты—
Не торопи развязки неизбѣжной!

И безъ того она не далека;
Кипимъ сильнѣй, послѣдней жаждой полны,
Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны...

Муза.

Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и муза, и любовь...

Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ, —
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею... Но тотъ же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ;
Все слышалося въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,

Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: „мщеніе!"—и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ!

Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной,
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной.
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,
„Прощай врагамъ своимъ!" шептала надо мной...

Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда, наконецъ, обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась муза:
Чрезъ бездны темныя насилія и зла,
Труда и голода она меня вела—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила...

---

* * *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы, утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;

Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости, и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Тишина.

(Отрывокъ).

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни зàмковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула—и съумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю

Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...

Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,

Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

* * *

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Рыцарь на часъ.

(Отрывокъ).

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.

Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что̀ въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—

Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что̀ враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу,
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя,
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что̀ обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила про̀йдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!...
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ;
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...
. . . . . .

Коробейники.

(Отрывокъ).

„Кумачу я не хочу,
Китайки не надо“,
Пѣсня.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выди, выди въ рожь высокую!
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокую—
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алыя,
Ближе къ милому садись!“
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ.
Чу, идетъ!—пришла желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

„Ой! легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ,
Далъ ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,
Поясокъ—рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокосъ—
Все поклала ненаглядная
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофикъ сладкой водочки?
А подарокъ не взяла!
Такъ постой же! Нерушимое
Обѣщаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни рѣчь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покровъ домой приду
И тебя, душа зазнобушка,
Въ Божью церковь поведу!“

Вплоть до вечера дождливаго
Молодецъ бѣжитъ бѣгомъ
И товарища ворчливаго
Нагоняетъ подъ селомъ.
Старый Тихонычъ ругается:
„Я ужь думалъ, ты пропалъ!“
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавалъ!

---

* * *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый; равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается.
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую.
Некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки,—
Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,—
Пой, терпѣливая мать!...
Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?

Медвѣжья охота.

(Отрывокъ).

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣлоручка!"—
Говаривалъ ты намъ—и на-проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ,
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя,—

То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: „пора въ могилы!“

Баюшки-баю.

Непобѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Гдѣ ты, о муза? Пой, какъ прежде!
„Нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ:
Сказать: умремъ! конецъ надеждѣ!
Я прибрела на костыляхъ!“

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучитъ... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всесильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.
Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!
То голосъ матери родной:
„Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Прими трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужь ты не рабъ—ты царь вѣнчанный;
Ничто не властно надъ тобой!

„Не страшенъ гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся цѣпи и бича,

Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

„Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!
Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатилъ ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

„Не бойся горькаго забвенья:
Ужь я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю-баю-баю!“

В. И. Немировичъ-Данченко.

Буря.

Небо окутали тучи...
Чу!... заскрипѣло въ снастяхъ...
Качка сильнѣе и круче;
Въ бѣлыхъ, косматыхъ гребняхъ
Волны за волнами море
Гонитъ на темномъ просторѣ...
Судно стрѣлою несется,—
Парусъ вотъ-вотъ оборвется...
Что мнѣ за дѣло—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется,
Я не боюсь непогодъ!...

Что тамъ чернѣетъ грядою
Въ хаосѣ бури и тьмы?...
Скалы!... хлеснуло волною,
Смыло матроса съ кормы.
Вѣтеръ реветъ надо мною...
Громче! я справлюсь съ тобою!
Сердце пока еще бьется,
Пѣсня орлицею вьется...
Пусть и погибну—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется,
Я не боюсь непогодъ!...

Родной край.

Засыпанный глубокими снѣгами,
Какъ трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
Стоитъ рѣка, окованная льдами,
И дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.
Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча ходитъ сонъ,
Безсиленъ умъ. Совсѣмъ увяла грёза.
Запѣть—кому?... Тутъ пѣсня—тотъ же стонъ!

Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины
И пѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...

Но тамъ меня отчаянье томило:
Мнѣ чудился далекій и глухой
Холодный край, раскинутый уныло
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга
Мнѣ видѣлись: голодная страна,
Забытыхъ селъ—убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ—угрюмая сосна.

Какъ великанъ, забытый небесами,
Какъ богатырь, волшебницей зимой
Къ полярнымъ льдамъ прикованный цѣпями,
Давнымъ-давно ты дремлешь, край родной,
И я все жду—съ живительной весною
Проснешьсяты, колодникъ-великанъ,

Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ.

Изъ-подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой
И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча;
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей;
Въ родномъ краю, не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ.

Пускай кругомъ царитъ еще могучій
Тяжелый мракъ, грядущее тая;
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней...
Откроются забытыя могилы,
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...

Проснется жизнь съ весенними громами
И царство тьмы разсѣетъ навсегда.
Чу!... слышите, подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...
Морозъ куетъ въ послѣдній разъ природу,
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ, тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!...

Воспоминаніе.

Зачѣмъ далекая, съ вечернею зарею,
Въ туманныхъ отблескахъ скользя передо мною,

Ты снова призракомъ явилась неземнымъ?
Съ мучительной тоской и думою мятежной
Слѣжу я за тобой и вижу взглядъ твой нѣжный,
Какъ прежде, кроткимъ и святымъ.

Любимая моя! ты видишь эти слезы;
Я схоронилъ тебя въ трескучіе морозы,
Одинъ, среди чужихъ, безжизненныхъ степей—
Могилу милую я цѣловалъ, рыдая,
И вьюга надо мной кружилась, завывая,
И тучи хмурились все ниже и темнѣй.

Твой крестъ завѣялъ снѣгъ. Но раннею весною
Щебечутъ ласточки, слетаясь надъ тобою,
Какъ на веселый пиръ, со всѣхъ концовъ земли.
Щегленокъ тѣшится сіяньемъ и лучами,
А въ синихъ небесахъ, повиснувъ надъ степями,
Недвижные орлы чернѣются вдали.

И хороша тогда могила дорогая,
Когда, зеленою волной перебѣгая,
Кругомъ колышется и шелеститъ ковыль.
Не возмутятъ ее житейскія тревоги
И на плиту ея съ оставленной дороги
Одинъ лишь вѣтерокъ лѣниво гонитъ пыль...

О, какъ бы я хотѣлъ придти къ тебѣ, рыдая;
Затерянный въ степяхъ, ихъ ароматъ вдыхая,
Хотя на мигъ одинъ былое воскресить!...
Оставленный тобой среди житейской битвы,
Я алтари разбилъ, я позабылъ молитвы
И лишь тебя одну не могъ я разлюбить.

Пѣсня родины.

Не поминай мой край родной;
Дитя, забудь родные звуки...
Въ странѣ холодной и чужой
Къ чему тревожить сердца муки?...
Засни, дитя мое, засни!...
Гони мечты о счастьѣ дальномъ,—
Какъ ядъ мучительны они
Въ краю изгнанія печальномъ...
Дитя, тутъ все убьетъ морозъ,
Тутъ жизнь тебѣ луча не броситъ,
И грёзы, какъ листы съ березъ,
Дыханье осени уноситъ...
Завѣетъ снѣгъ твои цвѣты,
Зима убьетъ живыя силы,
И только горе встрѣтишь ты
Отъ колыбели до могилы!...

— О, нѣтъ, отецъ! Мой край родной
И пѣсенъ радостные звуки
Мнѣ не забыть въ странѣ чужой,
Для мысли нѣтъ нигдѣ разлуки...
Когда кругомъ метель реветъ,
Когда избушку снѣгъ заноситъ,
Передо мной мой край встаетъ,
Родимыхъ пѣсенъ сердце проситъ...
Въ нихъ ароматъ весеннихъ розъ,
Въ нихъ шелестъ нивы золотистой,
И пусть кругомъ трещитъ морозъ,
Пусть вьюга злится ночью мглистой,—
Снѣгъ не убьетъ цвѣтовъ родныхъ:
Они въ груди благоухаютъ,
Въ степяхъ изгнанія чужихъ
Зимою пышно разцвѣтаютъ...

Пусть горе только встрѣчу я,—
Когда-жь не станетъ силъ,—родная
Вспорхнетъ, какъ птичка, пѣснь моя
И улыбнусь я, умирая!

Дворецъ Тиверія и Сантъ-Эльмо.

Какъ тихо спятъ въ полдневномъ зноѣ купы
Весеннихъ розъ, и лавровъ, и чинаръ!
Въ лазурь небесъ поднялися уступы
Гранитныхъ скалъ... Томитъ недвижный жаръ...
Вдали, на той вершинѣ одинокой,
Остатки стѣнъ и мраморныхъ колоннъ;
Ничто ихъ сонъ не возмутитъ глубокій...
Доносится, какъ будто дальній стонъ,
Прибой волны... Внизу равнина моря,
Едва колышутся могучіе валы.
Сюда ушелъ, съ добромъ и правдой споря,
Какъ звѣрь въ нору, на сѣрыя скалы
Тиверій—царь измученнаго міра,
Нѣмыхъ рабовъ разнузданный тиранъ.
Здѣсь былъ дворецъ развратнаго кумира
И палачей остервенѣлыхъ станъ...
Отсюда внизъ, съ гранитнаго уступа,
Кидали тѣхъ, въ комъ совѣсть не спала;
Морская глубь истерзаннаго трупа
Бездонною могилою была...
Ихъ тысячи... Но жертвы позабыты.
Зеленый миртъ—развалинъ властелинъ—
Шумитъ въ стѣнахъ. На каменныя плиты
Ползетъ змѣя. И солнца лучъ одинъ
Скользитъ въ окно сквозь чащу старыхъ пиній,
А вотъ еще—рабовъ недавнихъ страхъ,
Черезъ заливъ, какъ это небо синій,

Опять скалы и башни на скалахъ,
Сантъ-Эльмо тамъ, на высотѣ воздушной...
Съ Тиверіемъ сравнявшійся позднѣй,
Какъ римскій царь, мучитель равнодушный,
Лишь утонченный болѣе злодѣй,—
Въ сырую тьму, подъ каменные своды,
Презрѣнный трусъ, купавшійся въ крови,
Бросалъ туда защитниковъ свободы,
Апостоловъ науки и любви...
Исторія замкнулася темницей!
Мученія семнадцати вѣковъ
Безплодною промчались вереницей,
Не научивъ безсмысленныхъ рабовъ...
Злодѣямъ—лавръ... страдальцы позабыты,
Свобода—миѳъ, а произволъ—законъ,
Возвышены Іуды и Терситы,
Вѣнчаются Тиверій и Неронъ...
Гдѣ жизни смыслъ? Все тою же дорогой
Идутъ впередъ народы и вѣка
И льется кровь за каждый шагъ убогій,
И такъ же цѣль, какъ прежде, далека...
Нашъ бѣдный міръ въ событіяхъ прошедшихъ
Является трагедіею мнѣ,—
Трагедіей, но въ домѣ сумасшедшихъ,
Безумцами разыгранной вполнѣ!

И. С. Никитинъ.

* * *

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Быть можетъ, силой чувствъ и мыслію глубокой
Я струнъ одушевить не могъ и не успѣлъ:
Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ одинокій,
Какъ птица вольная, я безъ искусства пѣлъ.

И пѣснь слагалася легко и беззаботно,
Какъ ни былъ тѣсенъ міръ, гдѣ возмужалъ мой умъ,
Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,
Я понималъ лѣсовъ, и волнъ, и вьюги шумъ.

И все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной,—
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды оборванной и блѣдной,—
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ.
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ мой темный уголокъ,
Тогда какъ за стѣной и пьяная тревога
Была подлѣ меня, и шелъ о рынкѣ толкъ...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,
И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной!

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслью благородной,
Перетолкованный, звучитъ въ устахъ чужихъ,
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный...

И странны мнѣ—языкъ двусмысленныхъ похвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молчаливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ!

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца.
Я женился—и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла—
Дай Богъ царство небесное бѣдной!—
Ужь такая-то, братецъ, хозяйка была—

Дорожила полушкою мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ,
Пѣтухи пропоютъ,—ну, тогда отдохнетъ,
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ—
Ужь она на ногахъ: поглядишь,—побѣжитъ
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать иль снопы подавать
Съ земли на возъ—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „не пора-ль отдыхать?"
—„Ничего, говоритъ, не устала".—
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „Напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить;
Что ты тратишься, соколъ мой ясный?"
Какъ въ раю съ нею жилъ!... Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю на-вѣки спать...
Вспомнишь—жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надёжа была,—словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ, сынишка.
По складамъ ужь псалтирь было началъ читать...
Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!"
Да не то ему Богъ на роду написалъ!
Заболѣлъ отъ чего-то весною,—
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!

Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ вотъ, молъ, рожь,
Справлю сани, извозничать буду,—
Вдругъ—бѣда за бѣдой—на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу—честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
„Дескать, всякая вотъ что-ни-есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!“
То бранятъ за глаза: „не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ,—видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по-нашему такъ: коли быть мололцомъ,—
Не тужи, хоть и горе случится!“
Образумилъ меня людской смѣхъ-разговоръ;
Видно, Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ...
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!...
Коли отдыхъ придетъ—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ, и въ мигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь,—и самъ тутъ зальешься!
Непогода-ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе,—
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется—и вспыхнетъ огнемъ!
Осень, холодъ—не надобна шуба!
Сядешь въ лодку—гуляй! размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!

И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: „ну, теперь Божія воля!
Коли жить — будемъ жить, умереть — такъ умремъ!“ —
И въ душѣ словно не было горя!

---

* * *

Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ...
За пашнями диво творится:
На воздухѣ синія горы висятъ,
И въ полыми людъ шевелится.

Подвинулось небо назадъ отъ земли—
Водѣ золотой уступило;
Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
Бока ихъ огнемъ охватило...

А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползетъ,
Ползетъ и листа не зацѣпитъ;
Насупила брови, глазами сверкнетъ—
Широкое поле освѣтитъ.

Опять я съ тоскою домой ворочусь,
Молчалъ бы, да нѣтъ моей мочи...
Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь,
Чернѣе и пашенъ, и ночи.

Гляжу и любуюсь: просторъ и краса...
Въ себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
Звѣзды ни единой не видно.

Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце, да утро веселое!

---

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится:
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!

Вотъ она слышится пѣснь беззаботная,
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается...
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! покончен о жизни вопросъ,—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

---

* * *

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Розведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Вотъ ужь пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

Удаль и забота.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе—не горе,
Въ цѣпи закуй—распѣваетъ.

Ляжетъ забота—не спится,
Спитъ ли, пройди—встрепенется;

Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь—не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ;
Встрѣтится удаль съ грозою—
На ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнутъ ногой—поблѣднѣетъ;
Топнутъ ногою на удаль—
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

Пò-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ—хохочетъ.

Пѣсня заботы—не пѣсня:
Слушать—тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ—
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота—
Въ домѣ и скука, и холодъ;
Удаль влетитъ да обниметъ—
Станешь и веселъ, и молодъ.

---

* * *

Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.

Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,—
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Горькія слезы.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh.
Das will die Brust zersprengen.
Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь—
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ, и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками—
И плакалъ, плакалъ и—молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ:
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты-ль это жизнь, къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!

Омулевскій (И. В. Федоровъ).

Море.

Коварно море... Въ тихій часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ,
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
Въ слѣпой довѣрчивости къ ней,
Забывъ былые ураганы,
Ея властители—тираны—
Фаланги грозныхъ кораблей—
Ввѣряютъ все ему въ ту пору
И давятъ зыбкую опору
Громадной тяжестью своей...
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой
Внезапно налетѣвшій шквалъ
Гиганта спящаго разбудитъ,
И посѣдѣвшій въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

Земля и небо.

Я видѣлъ дивныя картины:
Всходилъ на горныя вершины,
Гдѣ почиваютъ облака;
Оттуда тонкими струями
Бѣжитъ, бурля между камнями,
Еще въ зародышѣ рѣка.

Я наблюдалъ, какъ на просторѣ
Катило бѣшеное море
Волну сѣдую за волной,
Какъ въ это море уходило
Земли роскошное свѣтило,
Окончивъ мирно путь дневной.

Я видѣлъ райскій блескъ лазури,
И адъ во тьмѣ ревущей бури
Не разъ слѣпилъ мои глаза,
Когда межъ тучами блестѣла
Въ зигзагахъ молній и гудѣла
Не умолкавшая гроза.

Я зналъ просторъ безбрежной степи
И горъ синѣющія цѣпи
Видалъ въ обманчивой дали.
Я видѣлъ рѣки-исполины
И тѣ цвѣтущія долины,
Гдѣ воды тихо ихъ текли.

Картины дивныя природы!
Но не онѣ, какъ зрѣли годы,
На міръ глаза открыли мнѣ:
Лишь тамъ, откуда свѣтятъ въ очи

Спокойнымъ блескомъ звѣзды ночи,
Прозрѣла мысль моя вполнѣ.

Тамъ нѣтъ для этой вольной птицы
Ни горизонта, ни границы;
Ничто не сдержитъ тамъ мечту,—
И небо темное съ звѣздами
Не промѣняю я, ночами,
На всю земную красоту!

Разладъ.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
И тамъ во тьмѣ, какъ за волной волна,
Безъ устали идетъ за горемъ горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.

Вокругъ меня сіяющія лица,
Я слышу смѣхъ ликующихъ людей,
А издали проходитъ вереница
Угрюмыхъ лицъ, страдальческихъ тѣней...

Давно мой умъ опутать, какъ сѣтями,
Стремился тотъ чудовищный разладъ,
Но онъ могучъ надъ слабыми умами,—
Я знать хочу: кто правъ, кто виноватъ!

Мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ ликованій,
Пока они доходятъ до меня
Въ сопутствіи подавленныхъ рыданій:
Я свѣта жду,—не призрачнаго дня!

Вѣдь, слабый свѣтъ мерцающей зарницы
Не озаритъ широкаго пути;

А солнца лучъ и въ глубину темницы
Способенъ узнику отраду занести.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
Находитъ скорбь волною за волной...
Но, можетъ быть, ты смоешь это горе,
Девятый валъ, когда-нибудь собой!

Н. П. Огаревъ.

Друзьямъ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ.
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся безъ желчи, если можемъ.

Вечеръ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда

Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо—
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ,—
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка,—и все, что̀ было,
Что̀ сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

Къ Д***.

Какъ все чудесно, стройно въ васъ:
Вашъ русый локонъ, ликъ вашъ нѣжный,
Покой и томность сѣрыхъ глазъ,
И роскошь поступи небрежной!
Увидя васъ, конечно-бъ могъ
Любить васъ тотъ, чья мысль далеко
Отъ страсти знойной и тревогъ,
Кто любитъ тихо и глубоко.
Онъ, въ созерцанье погрузясь,
Отъ васъ отвесть не могъ бы взора...
Но страшно мнѣ глядѣть на васъ!
Завесть не смѣю разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,

Что вы ничтожной суетою
Въ холодномъ сердцѣ заняты;
Боюсь я въ памяти съ собою
Унесть прекрасныя черты
Съ сухой и мелкою душою.

---

* * *

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова:
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церкви съ другимъ она обвѣнчалась;
Попрежнему, вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

Къ ***.

Вы были дѣвочкой, а я
Ужь юношей. Такъ мы разстались;
Съ тѣхъ поръ и молодость моя,
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ...
Ну, что-жь вы дѣлали? какъ жили?
Не скроете—изъ вашихъ глазъ

Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья...
Не правда-ль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что̀ мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно...
Но вы, признайтесь,—вамъ, вѣдь, жаль
Души прошедшую печаль?

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
  Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
  Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
  Вдоль пути рядами
Тянутся березы
  Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
  Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
  Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
  Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
  Сторону родную.

---

* * *

На сѣверѣ туманномъ и печальномъ
Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
Иной страны—она на югѣ дальнемъ.
Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ;
Я далѣ къ югу—наконецъ, я тамъ,
И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
И Средиземное шумитъ и плещетъ море.

Италія! опять твой полдень жаркій,
Опять твой темно-синій небосклонъ,
И ропотъ волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
При лунной ночи пахнущій лимонъ,
Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой
И черный локонъ смуглолицыхъ женъ.
И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
Да Рима стараго роскошныя руины.

Въ Италіи брожу и вновь тоскую:
Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,
Послушать пѣсню грустную, родную,
Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
Съ друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
Увидѣть взоръ спокойный, русый локонъ,
Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ.

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,

Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Воспоминаніе дѣтства.

Мнѣ дѣтство предстаетъ, какъ въ утреннемъ туманѣ
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ,
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.

Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримый,
Студеный ключъ ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ—
Отвсюду свѣжесть ей благоуханно вѣетъ.

Монологи.

(Отрывокъ).

Чего хочу?... чего? О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что̀ выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжеле устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость,
Но биться пульсъ не можетъ перестать;
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

---

* * *

Проклясть бы могъ свою судьбу,
Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,

Велъ безконечную борьбу
Изъ-за куска вседневной пищи!
Кто въ ветхомъ рубищѣ встрѣчалъ
Зимы суровые морозы;
Кто въ отупѣньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Не слушалъ томно при лунѣ
Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
А ждалъ въ печальной тишинѣ
Пустаго дня подъ свистъ метели;
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе.
Но много сноситъ человѣкъ
Средь жажды жить неутолимой,
И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ —
Страшитъ конецъ неотразимый.

Прометей.

Прочь, коршунъ! больно, подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда-бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ

И прочь рванулся, что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ
И море дальнее о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну, что же, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А все-жь людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану—
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ

Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ—
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

---

* * *

Когда тревогою безплодной
Моя душа утомлена
И я дрожу въ тоскѣ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,
И мнѣ случится ненарочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ снѣ
Лежитъ младенецъ непорочный,
Какъ ангелъ Божій,—легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка:
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ ножки и ручонки!
Какой онъ грезитъ свѣтлый сонъ!
Легко улыбка сохранилась
На чуть-растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою нѣжностью въ очахъ...
Мнѣ легче, да! и въ умиленьѣ
Я такъ глубоко вѣрю вновь,
Что на землѣ есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

Не многимъ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ—
Лѣта навѣяли мнѣ стужу,
И тайный взрывъ сердечныхъ грозъ
Уже не просится наружу.
А сердце ныло въ тишинѣ
Въ часъ разставанья, часъ печали,
И въ сокровенной глубинѣ
Нѣмыя скорби осѣдали.
Такъ подъ корою ледяной
Зимою скрытый—осторожно,
Ни кѣмъ неслышимъ—ключъ живой
Трепещетъ сжато и тревожно.

К. К. Павлова.

Ночлегъ Витикинда.

Ихъ двое шло, ночной порою,
Въ глухомъ, дремучемъ соснякѣ,
Какъ будто съ бою или къ бою,
Въ нагрудникахъ, съ мечомъ въ рукѣ,

Смотря сердито изъ-подъ шлема,
Могучіе богатыри;
И было дико все и нѣмо:
Кругомъ—лѣса да пустыри.

Шли оба въ помыслѣ суровомъ
О темномъ дѣлѣ иль бѣдѣ,
Лишь изрѣдка мѣняясь словомъ:
—Ты Альфа видѣлъ?—Видѣлъ.—Гдѣ?

—У рва, гдѣ выдержалъ онъ снова,
Стоя съ своими впереди,
Напоръ противниковъ.—Живаго?
—Убитаго, съ копьемъ въ груди.

—Гдѣ Убальдъ?— Палъ съ своимъ отрядомъ.—
И смолкла вновь межь ними рѣчь.
Спросившій, со свирѣпымъ взглядомъ,
Рукою стиснулъ тяжкій мечъ.

Вылъ злѣе вѣтеръ, бурнымъ взрывомъ;
Темнѣе мракъ на землю легъ.
Сквозь сосны, подъ крутымъ обрывомъ,
Мелькнулъ вдругъ дальній огонекъ.

— Ого! намъ отдыхъ будетъ скоро;
Тамъ есть ночлегъ какой-нибудь.—
Пошли они туда, средь бора
Мечемъ прорубливая путь.

Вернулся угольщикъ. Въ тревогѣ
Его давно жена ждала,
Стоя съ ребенкомъ на порогѣ:
—„Какія вѣсти изъ села?“

Придвинулись къ огню; мальчишка
Сидитъ, смотря отцу въ глаза.
—Вѣстей хорошихъ нѣтъ излишка,
Подходитъ снова къ намъ гроза.

Ущелья наши какъ ни глухи,
Намъ безъ бѣды остаться врядъ;
Плохіе нынче ходятъ слухи,
Повсюду люди говорятъ,

Что былъ за лѣсомъ бой жестокой,
Что герцогъ Витикиндъ опять,
Въ одной равнинѣ недалекой,
На франковъ сильно двинулъ рать;

Что саксы грудами тамъ пали,
Что и народа твердый щитъ—
Графъ Альфъ погибъ, и что едва ли
Самъ грозный герцогъ не убитъ.

Въ селеньяхъ горе и забота;
Къ намъ время лютое пришло!...

Чу! что за шелестъ? словно кто-то
Идетъ, ступая тяжело.

Вотъ, слышишь: подошли къ забору;
Пойду взгляну я.—„Что смотрѣть?
Кому бродить объ эту пору
Въ пустынѣ? Лѣшій иль медвѣдь“.

Зовутъ. Жена глядитъ въ испугѣ,
Мужъ съ двери крѣпкій снялъ замокъ,
Ступили, въ шлемѣ и кольчугѣ,
Два грозныхъ гостя чрезъ порогъ.

—„Хозяинъ, дай ночлегъ.—И сѣли,
Угрюмые, передъ огнемъ.—
Какія-бъ ни были постели,
Нѣтъ нужды, мы на нихъ заснемъ“.

И шлемъ, надвинутый надъ бровью,
Снялъ старшій; вкругъ главы вилась
Повязка, смоченная кровью.
Повелъ онъ взоромъ дикихъ глазъ,

На тяжкій мечъ склонясь устало,
Вокругъ убогаго жилья,
Гдѣ молча ужинъ припасала
Пришельцамъ бѣдная семья.

И на челѣ его суровомъ
Сгущался гнѣвной тучи мракъ,
И вспыхнуло въ огнѣ багровомъ
Его лицо:—„Скажи, землякъ,

Къ чему тамъ на стѣнѣ, надъ входомъ,
Тѣ двѣ проведены черты,
Которымъ снова мимоходомъ
Какъ будто поклонился ты?“

Смутился угольщикъ, отвѣта
Онъ дать не знаетъ злымъ гостямъ:
—„Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя тамъ“.—

И, скрыть стараясь думъ волненье,
Онъ взоръ потупилъ.—„Если такъ,
Исполни же мое велѣнье:
Пойди и плюнь на этотъ знакъ“.

Хозяинъ дрогнулъ, какъ стрѣлою
Пронзенный; бросилъ на своихъ
Онъ взглядъ, исполненный тоскою,
Съ устъ вздохъ сорвался—и утихъ.

И гостю житель хаты бѣдный,
Какъ безпощадному врагу,
Взглянулъ въ лицо и молвилъ, блѣдный:
„Хоть убивайте, не могу!“

Всталъ богатырь съ улыбкой ярой
Съ скамейки.—„Видитъ же Воданъ!
Пройду я здѣсь тяжелой карой;
Не пощажу я христіанъ!

Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу.
Бери топоръ, тебя безъ стычки,
Какъ тварь, зарѣзать не хочу“.

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула.—„Становись къ борьбѣ,
И помолись своей молитвой,
Чтобъ посчастливилось тебѣ.

Нѣтъ лучшаго тебѣ совѣта;
Надежда насъ смягчить пуста;

Я герцогъ Витикиндъ, а это
Графъ Гуннаръ, злѣйшій врагъ Христа".

Стоялъ хозяинъ безъ движенья,
Смерть ожидая, пала въ прахъ
Жена предъ знакомъ искупленья
Съ мольбой, замершей на устахъ.

Схватилъ ребенокъ ножъ и рядомъ
Съ отцомъ, къ сраженію готовъ,
Онъ сталъ и молвилъ, мѣря взглядомъ
Обоихъ яростныхъ бойцовъ:

—„Отецъ! храбрися; станемъ смѣло!
Что намъ бояться этихъ злыхъ?
Еще не кончено, вѣдь, дѣло,
Насъ также двое противъ нихъ".

Остановился вождь сердитый,
Притихъ, на мальчика смотря;
Ложился отблескъ думы скрытой
На грозный ликъ богатыря.

—„Нѣтъ!—выговорилъ онъ, и звонко
Мечъ зазвенѣлъ, въ ножны скользя,—
Нѣтъ, Гуннаръ! Этого ребенка
Губить не слѣдуетъ,—нельзя".

И оба укрѣпили снова
Свои доспѣхи и пошли;
И стихъ средь пустыря ночнаго
Звукъ шага тяжкаго вдали.

---

* * *

Трудъ ежедневный, трудъ упорный!
Ты духъ смиряешь непокорный,
Ты гонишь нѣжныя мечты;
Неумолимо и сурово
По сердца области все снова,
Какъ тяжкій плугъ, проходишь ты,
Ее отъ края и до края
Въ просторъ невзрачный превращая,
Гдѣ пестрый блескъ цвѣтовъ исчезъ...
Но на нее, въ ночное время,
Въ бразды—святое сѣять сѣмя
Нисходятъ ангелы съ небесъ.

---

* * *

Люблю я васъ, младыя дѣвы;
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясныя напѣвы,
Еще невѣдающей Евы
Люблю таинственные сны.

Я помню ихъ. Въ душѣ лѣнивой
Всѣ помнимъ мы завѣтный бредъ;
Всѣ помнимъ мы восторгъ свой лживый
И сердца помыслъ горделивый,
И горе внутреннихъ побѣдъ.

У всѣхъ, средь жизненной неволи,
Была мечта одна и та-жь,—
Но мы, познавъ земныя доли,—

Мы, въ коихъ смолкла жажда боли
И присмирѣла сердца блажь,—

Мы, въ коихъ нынѣ силы мало,
Чтобъ настоящее нести,
Мы опускаемъ покрывало
На все, что̀ душу волновало,
И шепчемъ тихое прости!

Л. И. Пальминъ.

Пѣсня.

Счастье мое! ты на мигъ лишь одинъ разцвѣло!
Было такъ близко ты, въ очи глядѣлось свѣтло,
Но безвозвратно въ безвѣстную даль улетѣло,
Съ радостнымъ блескомъ вокругъ прозвенѣло,
Душу горячимъ лобзаньемъ своимъ обожгло
И, какъ весенняя зорька, вдали догорѣло...
Тщетно я звалъ тебя, тщетно ловилъ тебя я...
Пѣснь одинокая!... Лейся же, пѣсня моя,
Съ стонами вѣтра осенняго, съ ропотомъ бурнаго моря,
Плачущимъ волнамъ рыданьями вторя,—
Съ шумомъ угрюмымъ лѣснымъ,
Что раздается осеннею ночью унылой
Надъ одинокой, травою заросшей, могилой!

Морозъ и весна.

Ночь весенняя тихо легла надъ землей,
Ярко тысячи звѣздъ въ высотѣ голубой
Въ серебристыхъ лучахъ засверкали,
Но холодною свѣжестью дуетъ съ рѣки
И послѣдній морозъ оковалъ ручейки,
Что при солнышкѣ рѣзво журчали.

Жалко старому дѣду поля покидать
И свободу въ лугахъ воскресающихъ дать
Для весны и для жизни кипучей...
Жаль, что скоро цвѣтами и юной травой
Запестрѣетъ обширный просторъ луговой,
Гдѣ онъ царствовалъ дикій, могучій...

Ходитъ старый по селамъ при яркихъ звѣздахъ,
Чтобъ весенній разливъ на лугахъ и поляхъ
Оковать дуновеньемъ могилы,
И съ досадой онъ слышитъ, какъ, встрѣчу веснѣ,
Подъ землею въ корняхъ и въ малюткѣ-зернѣ
Просыпаются новыя силы.

Бородою косматой онъ гнѣвно трясетъ,
Ледяныя сосульки на крышахъ куетъ,
И ворчитъ, безпощадный и грозный:
„Неподвижность—вотъ принципъ великій, святой!
Все скую, все покрою корой ледяной,
Все сдавлю я десницей морозной!...

„Что весна? Это нравовъ растлѣнье одно...
Своеволье таитъ молодое зерно...
Не спѣшите же рваться на волю,
Вы, мятежныя силы и травъ, и цвѣтовъ!
Все скую и, попрежнему, снѣжный покровъ
Раскидаю по чистому полю!...

Заморожу весеннія почки вѣтвей,
Заморожу я чувство въ сердцахъ у людей,
У поэта скую вдохновенье...
Слово каждое глыбой падетъ ледяной,
Мыслямъ крылья скую и въ недвижный покой
Обращу міровое движенье!...

Все, что рвется впередъ, ищетъ вешнихъ лучей,
Все застынетъ: и колосъ въ раздольи полей,

И побѣги на нивѣ науки...
Хоры пташекъ въ лѣсу замолчатъ навсегда
И падутъ, замирая, осколками льда
Звонкой лиры аккорды и звуки!...“

Такъ старикъ провѣщалъ и поникнулъ главой.
Чу! волковъ раздался одобрительный вой;
„Браво!“—каркнула гдѣ-то ворона...
Ледъ сочувственно съ лужи одной затрещалъ,
Да въ хлѣву домовой длинный спичъ прорычалъ
Совершенно подобнаго тона...

Стихло все... Но весенняя ночь коротка,
И за дальней горою слова старика
Услыхала весна-чаровница.
Вотъ востокъ заалѣлъ надъ прибрежнымъ холмомъ,
И разсыпалась съ утреннимъ первымъ лучомъ
Золотыхъ облаковъ вереница.

Улыбнулась весна на слова старика,
А за нею и лѣсъ, и поля, и рѣка
Засмѣялись сочувственнымъ эхомъ,
Ручейки побѣжали со смѣхомъ журча,
И малютка-подснѣжникъ надъ бредомъ хрыча
Разразился младенческимъ смѣхомъ...

Ледяныя сосульки, блестя хрусталемъ,
Стали таять со смѣхомъ подъ яркимъ лучомъ,
Смѣхъ по чащѣ лѣсной раскатился,
И предвѣстникъ безоблачныхъ радостныхъ дней,
Первый жаворонокъ съ лона воскресшихъ полей
Съ звонкой пѣснею къ солнышку взвился...

Пѣсня.

Будто крыло херувима свѣтла,
Пѣсня надъ міромъ страданій и зла
Въ тихомъ сіяньи проносится,
Съ радостной чудной улыбкой своей
Въ сумракъ печали, тоски и скорбей
Гостьей небесною просится.

Празднично-свѣтлый таинственный звонъ
Вѣетъ изъ пѣсни, и радостно онъ
Въ душу людскую вливается...
Смѣхъ со слезами волной серебра,
Словно божественной арфы игра,
Въ пѣснѣ волшебно мѣшается.

Трубы побѣды и громъ боевой,—
Все замолкаетъ своей чередой,
Въ вѣчность идутъ поколѣнія,
Рушатся троны и падаютъ въ прахъ,
Но неумолчно несется въ вѣкахъ
Пѣсня—дитя вдохновенія.

Гдѣ же ты пѣсня и кѣмъ рождена?
Не изъ лучей ли святыхъ соткана
Въ горней небесной обители?
Или изъ звуковъ божественныхъ лиръ
Свивши тебя, ниспослали къ намъ въ міръ
Съ дальнихъ свѣтилъ небожители?

Вѣтеръ ли вешній изъ чашечекъ розъ
Къ намъ изъ Эдема тебя перенесъ
Вмѣстѣ съ волшебными звуками?
Нѣтъ! ты печали и скорби полна,
Ты на холодной землѣ рождена
И убаюкана муками...

И не чертоги могучихъ царей
Дали пріютъ колыбели твоей
    Въ гордомъ гнѣздѣ самовластія,
Но какъ Мессія среди нищеты,—
Также на свѣтъ родилася и ты
    Въ лонѣ борьбы и несчастія!...

Воскресная пѣсня.

Вездѣ гудятъ колокола,
Ликуютъ люди и свѣтла,
    Чиста лазурь небесъ.
Съ весной воскресли лѣсъ и долъ
И громко праздничный глаголъ
    Звучитъ: „Христосъ воскресъ!“
Но грустно мнѣ въ толпѣ людской...
Я знаю,—только звукъ пустой,
    Лишь слово на устахъ...
Хоть и лобзаетъ брата братъ,
Христосъ, попрежнему, распятъ,
    Распятъ въ людскихъ сердцахъ...
Свобода, братство и любовь!
Гдѣ вы? какъ прежде, льются кровь
    И слезы на землѣ.
„Христосъ воскресъ!“—лепечемъ мы,
Но тонемъ въ безднѣ лжи и тьмы
    Съ проклятьемъ на челѣ.
И съ грустной думою моей
Къ могиламъ милыхъ и друзей
    Иду я въ тишину.
Какъ сладко въ небѣ голубомъ!
Тамъ лѣсъ, играя съ вѣтеркомъ,
    Привѣтствуетъ весну;
Тамъ вешней мирною красой

Блеститъ подснѣжникъ голубой,
И жаворонокъ, звеня,
Съ мольбою праздничной своей
Летитъ съ воскреснувшихъ полей
Въ златомъ сіяньи дня.
Предвѣстьемъ радостнымъ кругомъ
Все дышетъ въ небѣ золотомъ;
И мнится, въ тишинѣ,
Изъ зеленѣющихъ листовъ,
Знакомыхъ, милыхъ голосовъ
Звучитъ привѣтъ ко мнѣ:
„Давно изъ міра мы ушли
И въ лонѣ матери земли
Давно нашъ прахъ истлѣлъ.
Мы не дождались, чтобы свѣтъ
Постигъ Христа святой завѣтъ,—
Таковъ и твой удѣлъ.
И ты сойдешь, и за тобой
Друзья сойдутъ своей чредой,
Но вѣрь, придетъ пора,
Всѣ возродимся снова мы
Изъ нѣдръ и тлѣнія, и тьмы
Для правды и добра.
Такъ сѣй святыя сѣмена!
Придетъ желанная весна:
И братство, и любовь
Весь міръ сплотятъ въ семью одну,
И мы, встрѣчая ту весну,
Соединимся вновь...
И вѣрь,—во дни эпохи той
Раздастся громкій и святой
Глаголъ самихъ небесъ,—
Не только словомъ на устахъ,
Но глубоко въ людскихъ сердцахъ,—
„Воскресъ Христосъ, воскресъ!“

Голосъ изъ вьюги.

Въ стонахъ вѣтра и бури, во мракѣ ночномъ,
Въ тьмѣ, рокочущей вьюгою снѣжною,
Чей-то голосъ мнѣ слышится все за окномъ,
Полный мощи, но съ ласкою нѣжною.
Слышу вѣщій глаголъ я какъ будто въ бреду
Сквозь порывы метели рыдающей.
Я иду! Я иду! Я иду!
Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду,—
Жди и вѣрь: Я иду! Я иду!
Ты, затерянный въ мракѣ забвенія,
Ты, задавленный игомъ мученія!
Черезъ бури, туманы и тьму
Я къ порогу иду твоему!
Ты, утратившій всѣ упованія,
Ты, съ невольной печатью молчанія
На запекшихся блѣдныхъ устахъ!
Все я вижу и слышу впотьмахъ:
Твой недугъ, и печаль, и рыданія!
Жди, иду я на помощь, мой братъ,
Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ,
Мимо храмовъ, блистающихъ славою,
Гдѣ главу лицемѣрно клоня,
Распиная Меня,
Лѣвой душатъ, но крестятся правою!
Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли
Кровь и слезы для міра незримыя,
Что струилися въ лоно земли!
Охъ, несчастные! Охъ, вы, гонимые!
Васъ укрыть отъ Меня не могли!
Слышу, вижу тебя Я, страдающій,
И къ порогу иду твоему,
Въ полночь, въ стонахъ метели рыдающей,
Я иду черезъ бурю и тьму!..

Поэту.

Бой за идею кипитъ во вселенной,
Кроетъ арену туманъ.
Ты барабанщикъ, поэтъ вдохновенный,
Бей въ барабанъ, въ барабанъ.
Пусть барабаны во вражіемъ станѣ
Громче, сильнѣй и грубѣй,
Знамя идеи трепещетъ въ туманѣ,—
Ближе туда, не робѣй!
Лагерь бойцовъ съ каждымъ мигомъ рѣдѣетъ,
Но не ослабли душой:
Горсточка если одна уцѣлѣетъ,
Бей въ барабанъ и для той...
Если-жь падетъ остальная вся братья—
Даже и трупы зови
Рокотомъ громкимъ вражды и проклятья,
Звуками теплой любви.
Пусть мы падемъ подо мглою туманной,
Но, не дождавшись зари,
Самъ ты подъ собственный бой барабанный
Съ звукомъ послѣднимъ умри!

Спиридоній-Солнцеворотъ.

(Празднуется 12 декабря).

Время наше темное... время наше странное.
Сумерки ли это,—
Часъ, когда становится гуще мгла туманная.
Или часъ разсвѣта?
Какъ живые образы, пни, въ бреду фантазіи,
Намъ грозятъ тѣнями,
Люди же намъ кажутся, въ дикомъ безобразіи,
Мертвенными пнями.

Низко ходитъ солнышко, будто несвободное,
Мракъ его туманитъ...
Время наше темное, время переходное...
Что-то дальше станетъ?
Или въ ночь глубокую цѣлая вселенная
До конца потонетъ,
Или правда свѣтлая, какъ заря священная,
Тьму ночную сгонитъ?
Спиридоній Благостный! чту тебя сторицею!
Вопреки кумирамъ,
Выше Божье солнышко мощною десницею
Вознеси надъ міромъ!
Пусть и пень, подернутый плѣсенью корявою,
Пнемъ намъ въ очи глянетъ,
Въ тьмѣ же погибающій съ честію и славою
Озаренный встанетъ!
Старой тьмы хранители, рыцари коснѣнія,
Съ игомъ ихъ суровымъ,
Съ побѣжденнымъ сумракомъ, сгинутъ, какъ видѣнія,
Предъ сіяньемъ новымъ...

Весенній ледъ.

Вѣетъ вешнимъ тепломъ,
Ледъ, поверженный въ ломъ,
Серебрится хрустальною гранью,
И, звеня въ тишинѣ,
Ручейки о веснѣ
Благовѣстье несутъ мірозданью.
Ледъ—сподвижникъ зимы—
Самъ отрекся отъ тьмы,
Онъ теперь ужь не служитъ коснѣнью,—
Все, что̀ прежде мертвилъ,

Самъ теперь оживилъ,
Звонко пѣсню запѣвъ обновленью...
Такъ и въ сферѣ людской:
Все, что̀ мертвый покой
Охраняло отъ жизни и свѣта,
Вѣрь, настанетъ чередъ,
Словно тающій ледъ,
Встрѣтитъ жизни грядущее лѣто...

А. Н. Плещеевъ.

Звуки.

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки,
Хоть на единый мигъ пускай
Въ груди больной задремлютъ муки.

Волненья прошлыхъ давнихъ дней
Мнѣ пѣснь твоя напоминаетъ;
И льются слезы изъ очей,
И сладко сердце замираетъ...

И мнится мнѣ, что слышу я
Знакомый голосъ, сердцу милый;
Бывало, онъ влечетъ меня
Къ себѣ какой-то чудной силой;

И будто снова предо мной
Спокойный, тихій взоръ сіяетъ,
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняетъ...

Такъ пой же; легче дышетъ грудь
И стихли въ ней сомнѣнья муки...
О, еслибъ могъ когда-нибудь
Я умереть подъ эти звуки!

* * *

О, нѣтъ, не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И безполезно, и смѣшно
На міръ его ожесточенье.

Но если праведная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разитъ какъ Божій мечъ;
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи, щедръ на дѣло,
Что, заглушивъ страстей языкъ,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока!
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

Послѣ чтенія газетъ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь;
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь;

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорныя Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

---

* * *

Не говорите, что напрасно,
Что для безплодной лишь борьбы
Стремленій чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы;

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ,
Подавитъ жизни тяжкій гнетъ;
Что все растратится въ пустынѣ,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасныя сомнѣнья!
Идите смѣлою стопой;
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ;

И изъ горнила испытанья
И чистъ, и крѣпокъ выйдетъ онъ.

Храните-жь чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

---

* * *

„Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни...“
Пушкинъ.

Была пора: своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ,
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ;
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы... какъ встарину—
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ...
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной
Она зоветъ теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшенъ намъ и новый врагъ,
И съ нимъ отчизна совладаетъ...

Смотрите! ужь рѣдѣетъ мракъ,
Ужь свѣтъ повсюду проникаетъ,
И, содрогаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Призраки.

Старинные, знакомые мотивы,
Порой вечернею, откуда-то звучатъ.
Въ нихъ юности могучіе призывы,
Въ нихъ съ пошлостью людской надеждъ ея разладъ.

И призраки знакомые толпою
На звуки тѣ встаютъ... Съ насмѣшкой на устахъ,
Идутъ они медлительной стопою
И будто говорятъ: „Ужь мы давно въ гробахъ

Лежимъ, забывъ стремленія земныя,
Признавъ, что жизнь—безплодная борьба,
Что на землѣ блаженны только злые,
А праведныхъ разитъ безсмысленно судьба.

Спокойно мы въ могилахъ нашихъ тлѣемъ,
Намъ не возстать изъ нихъ на голосъ суеты,
И о тебѣ мы, бѣдный, сожалѣемъ:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты все еще отъ жизни ждешь чего-то...
Все грёзы юности живутъ въ душѣ твоей.
Ты думаешь, упорная работа
Вѣковъ готовитъ рай въ грядущемъ для людей.

Послѣдуй въ край ничтожества за нами;
Стряхни съ себя скорѣй оковы бытія;

Пока еще съ младенческими снами
Не на всегда душа разсталася твоя!

Въ гробъ низойти съ надеждами отрадно!
Намъ не было дано узнать отрады той:
Сомнѣнья духъ разбилъ ихъ безпощадно
Задолго до поры прощанья роковой!"

Исчезните, зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля значу,
Но каждый честный бой оставить долженъ слѣдъ.

Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую въ мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь однѣ сулила муки,
Я бодро встрѣчу ихъ, благословивъ свой путь!

---

* * *

Что ты поникла, зеленая ивушка?
Что такъ уныло шумишь?
Или о горѣ моемъ ты провѣдала,
Вмѣстѣ со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые,
Шепчутся съ чистой волной...
Не обо мнѣ ли тотъ шепотъ таинственный
Вы завели межь собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
Черная дума отъ васъ!

Вы разгадали, о чемъ эти жгучія
Слезы лилися изъ глазъ.

Въ шепотѣ вашемъ я слышу участіе;
Мнѣ вамъ отрадно внимать...
Только природѣ страданья незримыя
Духа дано врачевать!

---

* * *

Всю то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло.
Было время—и блистало
Солнце въ яркой синевѣ,
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ.
Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса,
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса.
И рѣка спокойно въ море
Волны чистыя несла;
И дрожащимъ въ этихъ волнахъ,
Звѣздамъ не было числа!

Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы;
И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...
Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,

Птички вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!
И въ волнахъ рѣки шумящихъ
Не лазурный, чистый сводъ,
Не безчисленныя звѣзды—
Тучи смотрятся съ высотъ...

Было время—молодое
Сердце билося въ груди;
Жизнь и счастье, и свободу
Обѣщала впереди!
Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльность духъ парилъ!
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ—кипучихъ думъ!
Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ,
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?
Сгибло все: надежды, силы...
Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Подъ дыханьемъ бури злой!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

Apostaten Marsch.

(Мотивъ одного нѣмецкаго поэта).

Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье —
Вотъ оно призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!
Горе пылкимъ сердцамъ, что мечты юныхъ дней,
Словно кладъ берегутъ, и, по старой привычкѣ,
Все о правдѣ кричатъ, да о благѣ людей;
Мы дадимъ имъ опасныя клички.
Горе тѣмъ, кто въ лицо намъ бросаетъ укоръ,
Кто позоромъ клеймитъ наше дѣло и слово;
Мы толпѣ закричимъ: онъ разбойникъ и воръ,
Подавайте скорѣе оковы!
Было время, когда мы, подъявши чело,
Тоже рвались къ борьбѣ и не мало шумѣли;
Слава Богу, теперь опьяненье прошло,
Мы другія преслѣдуемъ цѣли.
Мы сознали, что всѣ эти слезы смѣшны,
Что къ почету ведетъ насъ дорога иная,
И что старый свой грѣхъ искупить мы должны,
Честь и совѣсть въ грязи попирая!
Пресмыкаться въ грязи, ноги сильнымъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье—
Вотъ теперь призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!

---

* * *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны;
Казалось, жизни мутными волнами
Уже на вѣкъ они унесены.

Казалось мнѣ, что нѣтъ ужь къ нимъ возврата,
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то—
Все я призналъ несбыточной мечтой.

Казалось, въ прокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что, мнѣ бѣдой грозя,
Твердили: „Брось безумныя стремленья!
Порочный міръ пересоздать нельзя.

Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью,—
Не твой картонный мечъ ее прорветъ,
Перешибить нельзя обуха плетью:
Живи же такъ, какъ большинство живетъ!“

И годы шли: и въ жилахъ кровь все стыла,
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ...
И афоризмъ: „солому ломитъ сила“
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...

Но отчего-жь, когда, порою, снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грёзъ... о! отчего тогда
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?

И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Что въ глубинѣ его погребено?

Или когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя?

И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грёзы юности моей.

Я. Л. Полонскій.

* * *

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ моей небрежной
Рукой измятое кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ;
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О, солнце, солнце! Погоди!

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я,
Что я боюсь—она не отзовется
Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
Опять въ душѣ моей проснется!
Другъ! разрушать мечты ужь я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
Не въ первый разъ мнѣ суждено
Быть самому себѣ тираномъ.
Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
Она сама мнѣ бросится на шею!...
Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?
Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто пріученъ людьми не вѣрить ихъ участью,
Кто къ лицемѣрію привыкъ—
Тому нужна привычка къ счастью.
Такъ, если-бъ грѣшнику нежданно отворенъ
Былъ рай небесный—долго-бъ онъ
Не могъ войти въ него, растерянъ и смущенъ,
Измученной душой какъ бы не довѣряя
Гостепріимной сѣни рая.

У Аспазіи.

Гость.

Чтобъ это значило? Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты;
Благоухаетъ смола;

Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны:
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна,—словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей:
Шумъ ея замеръ, и—это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это—Периклъ говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ—весь городъ молчитъ!...
Чу! шумъ на площади...: рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ!...
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ къ этой двери придетъ...

И. С. Аксакову.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шепоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ—
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я—любилъ.

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ,—
Я выжалъ сокъ его, пилъ, душу отравляя,
И заглушая сердца плачъ.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой?

Быть можетъ, знать добро—не значитъ зла не видѣть,
Любить—не значитъ тосковать...
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.

Вотъ почему, когда звенитъ, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

* * *

— Подойди ко мнѣ, старушка,
Я давно тебя ждала.—

И косматая въ лохмотьяхъ
Къ ней цыганка подошла.
— Я скажу тебѣ всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляетъ обмануть...

И она въ открытомъ полѣ
Сорвала себѣ цвѣтокъ,
И лепечетъ, обрывая
Каждый бѣлый лепестокъ:
— Любитъ—нѣтъ—не любитъ—любитъ,
И, оборванный кругомъ,
Да,—сказалъ цвѣтокъ ей томнымъ,
Сердцу внятнымъ языкомъ.

На устахъ ея—улыбка,
Въ сердцѣ—слезы и гроза;
Съ упоеніемъ и грустью
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она:—Обманъ твой
Я предвижу,—и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все также грустно;
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
— Берегись меня!—я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!...

Ночь въ Крыму.

Помнишь—лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье
И цикады стрекотанье
За оградой садовой?...

Въ полумглѣ, нагорнымъ садомъ,
Шли мы... Лавръ благоухалъ;
Гротъ чернѣлъ за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучалъ...

Помнишь—свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй—
Всей природы обаянье,
И невольное сліянье
Устъ въ нежданный поцѣлуй?

Эта музыка природы—
Эта музыка души
Мнѣ въ иные, злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышалась въ тиши.

Я внималъ—и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ...
Легче вѣрилось и пѣлось...
Я внималъ—и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всемъ...

* * *

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много ли-жь дѣлъ мы запишемъ—
Много ли словъ,

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье
Въ чемъ наша сила и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой?

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Фрина.

Свободная Фрина судей пристыдила,
Когда, обвиненная, до наготы
Роскошное тѣло свое обнажила,—
Явилась имъ вся въ божествѣ красоты.
Смутился доносчикъ и ахнулъ судья.

— Я знаю, кто вы, и вы знайте, кто я,—
Сказала гетера:—и вотъ какова я!
Стою на судѣ передъ вами нагая!
Дрожите?... За что-жь вы меня такъ безславили?—
И все зашумѣло; восторженный крикъ:
„Богиня, богиня!"—на площадь проникъ.
И судьи трибуну, какъ дѣти, оставили
И въ храмъ потекли и—алтарь ей поставили.

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полна̀ красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина, нагая,
Во всемъ обаяньѣ своей наготы.
И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!
Смутится доносчикъ и ахнетъ судья.
И полны восторгомъ, и полны смятеніемъ,
Толпы за тобой потекутъ съ увлеченіемъ.

Литературный врагъ.

Господа! я нынче все бранить готовъ,—
Я не въ духѣ, и не въ духѣ потому,
Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой
Чуть не плачу я, а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.

Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ.—
Нѣтъ, мы были безкорыстные враги!

Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я—пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы?

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера?

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Еслибъ узника да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной,
И я долженъ поневолѣ замолчать.

Онъ страдаетъ, оттого что есть семья,—
Я страдаю, оттого что слышу смѣхъ;
Но что̀ значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ?!

Нѣтъ борьбы, и—ничего не разберешь,—
Мысли спутаны случайностью слѣпой,—
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра—

Не за счастье буду пить я—буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера.

---

* * *

Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ,
Ты напомнила мнѣ полудѣтскимъ лицомъ
Все то счастье, которымъ мы грезимъ во снѣ,—
Грёзы дѣтской любви ты напомнила мнѣ.

Ты напомнила мнѣ зноемъ темныхъ очей
Лучезарныя тѣни восточныхъ ночей,
Мракъ цвѣтущихъ садовъ, блѣдный ликъ при лунѣ,—
Бури первыхъ страстей ты напомнила мнѣ.

Ты напомнила мнѣ много милыхъ тѣней
Простотой,—темнымъ цвѣтомъ одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бредъ въ тишинѣ
Одинокихъ ночей ты напомнила мнѣ.

Все, что въ жизни съ улыбкой на встрѣчу мнѣ шло,
Все, что время на-вѣкъ отъ меня унесло,
Все, что гибло, и все, что стремилось любить—
Ты напомнила мнѣ... Помоги позабыть!

Въ альбомъ.

Писатель, если только онъ—
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ

Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

Орелъ и змѣя.

На горахъ, подъ метелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ: изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.

У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное.
—„Высоко ты, змѣя, забираешься!—
Молвилъ онъ:—будешь плакать, раскаешься",

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
„Изъ-подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...

Не пугай меня злыми угрозами,—
Нѣтъ, бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами,
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя".

Засвѣтилися глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ, по-змѣиному,—
Распахнулися крылья орлиныя,—
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному,

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное;
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася:
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя:
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя —
Вдругъ змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилося,
Онъ упалъ съ высоты, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

К. Р.

* * *

Я баловень судьбы... Ужь съ колыбели
Богатство, почести, высокій санъ
Къ возвышенной меня манили цѣли,—
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
Но что мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же-ль безпристрастная могила
Поглотитъ весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что здѣсь лишь внѣшностью намъ льстило,
Исчезнетъ, какъ волны мгновенный всплескъ?
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя! Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Пусть скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой!
Когда же звуки пѣсни вдохновенной
Достигнутъ человѣческихъ сердецъ,
Тогда я смѣло славы заслуженной
Приму неувядаемый вѣнецъ.
Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,

Роднаго православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,—
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

---

* * *

Оцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ,
Осыпаются кисти пушистыя...
Ужь пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ;
Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
Золотитъ ихъ стволы серебристые.

Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ
И опять незабудками сплошь заростетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.

Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ...
Какъ бы досыта, всласть, грудью жадною
Надышаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
Пока міръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
Усыпленный зимой безотрадною!

Баркаролла.

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся, баркаролла,
Надъ сонною волной.

Настроена гитара!
О, другъ, я въ честь твою
Всего земнаго шара
Всѣ пѣсни пропою!
Смотри, ужь на Пьяцеттѣ
Потушены огни,
При яркомъ лунномъ свѣтѣ
Съ тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты,
Среди ночной прохлады
Не спимъ лишь я, да ты.
До Лидо не далеко,
Мы быстро доплывемъ;
Тамъ море такъ широко
Раскинулось кругомъ,
Тамъ мѣсяцъ волны любитъ:
Смотри, какъ съ вышины
Лучами онъ голубитъ
Морскія глубины.
Тамъ, въ голубомъ просторѣ,
Въ лазоревой дали
Забудемъ мы и горе,
И бѣдствія земли,—
Пусть звуки поцѣлуя
Подслушаетъ волна,
И, какъ тебя люблю я,
Пусть подглядитъ луна!

---

* * *

Помнишь ли ты, какъ бродили мы по полю
Въ жаркій, безоблачный день,—

Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю,
Рядомъ, въ душистую тѣнь?

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
На утомленье и зной,
Ты говорила, что вѣкъ отдыхала бы
Здѣсь, въ этой травкѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
По полю праздно бродить
Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
Жизнь трудовую прожить.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею,
Намъ ихъ вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горячее,
Ты не устанешь въ пути:
Ты терпѣливо глубокое, жгучее
Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Передъ которымъ давно задрожало бы
Слабое сердце мое.

О, подѣлись этой волею гордою,
Мужествомъ этимъ со мной,
Чтобы пройти я могъ поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если-жь смутятъ меня міра бездушнаго
Горе, бѣда и напасть,
То пристыди ты меня, малодушнаго,
Духомъ готоваго пасть.

Въ дождь.

Дождь по листамъ шелеститъ,—
Зноемъ томящійся садъ
Жажду теперь утолитъ.

Другъ! не страшись. Погляди:
Грозъ не боятся цвѣты,
Чуя, какъ эти дожди
Нужны для ихъ красоты.

Съ ними и я не боюсь:
Радость мы встрѣтимъ опять...
Можно-ль нашъ тѣсный союзъ
Жизненнымъ грозамъ порвать?

Счастье не полно безъ слезъ;
Небо синѣй изъ-за тучъ,
Лишь бы блисталъ среди грозъ
Солнышка радостный лучъ.

На совершеннолѣтіе ***.

Что корабль подъ всѣми парусами,
Гавань тихую забывъ,
Уносимый буйными вѣтрами,
Мчится, смѣлъ и горделивъ,
Въ голубомъ потѣшиться просторѣ
Съ прихотливою волной,—
Ты стремишься въ жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
Въ добрый часъ! Не бойся урагана,
Передъ бурей не робѣй,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивыхъ зыбей.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ: полонъ силы,
Полнъ отваги юной будь,
Не бросай надежнаго кормила
И держи прямѣе путь.
Чистъ душой, стремись неустрашимо,
Полонъ вѣры въ подвигъ свой,
И борись, борись неутомимо
Съ бурной жизненной волной.

И. А. Гончарову.

Вѣнчанный славою нетлѣнной,
Безсмертныхъ образовъ творецъ!
Къ тебѣ приблизиться смиренно
Дерзалъ неопытный пѣвецъ.

Ты на него взглянулъ безъ гнѣва,
Своимъ величьемъ не гордясь,
И звукамъ робкаго напѣва
Внималъ задумчиво не разъ.

Когда-жь бывали пѣсни спѣты,—
Его ты кротко поучалъ,
Ему художества завѣты
И тайны вѣчныя вѣщалъ.

И объ одномъ лишь въ умиленьѣ
Онъ нынѣ проситъ у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя.

Гр. Е. Л. Растопчина.

Три поры жизни.

„Il ne s'agit pas d'occuper son coeur,
mais de parvenir à le distraire...“
Obermann, par de Sénancourt.

Была пора: во мнѣ тревожное волненье,
Какъ передъ пламенемъ въ волканѣ гулъ глухой,
Кипѣло день и ночь, я вся была стремленье...
Я вторила судьбѣ улыбкой и слезой.
Удѣлъ таинственный мнѣ что-то предвѣщало:
Какъ жрица Бога ждетъ, я будущность ждала,—
Я волю замысламъ, просторъ мечтамъ звала...
Я все высокое душою понимала,
Всему прекрасному платила дань любви,—
Жила я сердцемъ въ дны дни!...

Потомъ была пора,—и свѣта блескъ лукавый
Своею мишурой мой взоръ околдовалъ:
Балъ,—искуситель нашъ,—чарующей отравой
Прельстилъ меня... завлекъ... весь умъ мой обаялъ...
Пиры и праздники, алмазы и наряды,
Головокружный вальсъ вполнѣ владѣли мной;
Я упивалася роскошной суетой;
Я вдохновенья лучъ тушила безъ пощады
Для свѣта бальныхъ свѣчъ... я женщиной была,—
Тщеславьемъ женскимъ я жила!..

Но третія пора теперь мнѣ наступила,—
Но демонъ суеты изъ сердца изженёнъ,
Но свѣтлая мечта Поэзіи смѣнила
Тщеславья гордаго опасно-сладкій сонъ...
Воскресло, ожило святое вдохновенье!...
Дышу свободнѣе; думъ царственный полетъ
Витаетъ въ небесахъ,—и Божій міръ беретъ
Себѣ въ минутное, но полное владѣнье;
Не сердцемъ,—головой, не въ грёзахъ,—на яву,
Я мыслію теперь живу!...

И онъ поэтъ!

И онъ поэтъ,—о, да!—и онъ поэтъ,
Мой чудный соловей, мой пѣсенникъ унылый!...
Онъ любитъ тишину, и ночь, и лунный свѣтъ;
Ему зеленый лѣсъ и струй журчанье милы;
Онъ въ полдень, средь толпы, робѣетъ и молчитъ,
Онъ съ хоромъ птицъ другихъ свой голосъ не сливаетъ
Съ шумящимъ роемъ ихъ не рѣетъ, не паритъ,
Въ уединеніи онъ самъ собой бываетъ,
И безъ свидѣтелей, для самого себя,
Волшебной пѣснію привѣтствуетъ природу.
Не терпитъ клѣтки онъ: въ ней райскаго житья
Онъ, гордый, не возьметъ за дикую свободу;
И только разъ въ году, когда его
Любовь одушевитъ, поетъ онъ, сладкогласный;
И только чтобъ развлечь грусть сердца своего
Въ тоскѣ восторженной, онъ гимнъ слагаетъ страстный;
Жизнь сердца для него единственный предметъ
Всѣхъ пѣсней пламенныхъ, всѣхъ томныхъ вдохновеній,
Жизнь сердца кончится,—въ молчаньи и смиреньи
Онъ укрывается... о, да!—и онъ поэтъ!...

Во имя правды.

Тому, кто упрекалъ меня, что я защищаю обвиняемыхъ и смѣюсь надъ тѣми, кого свѣтъ хвалитъ.

Нѣтъ, никогда не преклоню колѣна
Предъ торжествомъ кумировъ суеты!...
Правдивый мой языкъ, заклятый врагъ измѣны,
Равно чуждъ лести, лжи и низкой клеветы.

Нѣтъ, никогда руки не протяну я
Надменной гордости глупцовъ!...
Пренебреженіемъ своимъ не премину я
Умѣрить чванство мнимыхъ мудрецовъ!

Я баловней судьбы самодовольныхъ
Люблю задѣть безвредной остротой;
Чтобъ сбавить спѣси съ нихъ, токъ колкостей невольныхъ
Кипитъ во мнѣ на счетъ ничтожности пустой.

Когда толпа хвалой незаслуженной
Кадитъ у ногъ бездушной красоты,—
Я въ этой куклѣ наряженной
Найду изъянъ сердечной нищеты.

Когда желанное притворство въ добродѣтель
Смиренницъ въ образцы намъ глупо возведутъ,—
Я вопію,—неподкупной свидѣтель,—
Личину съ нихъ слова мои сорвутъ!...

За то, когда нашъ свѣтъ несправедливый
На безоружныхъ жертвъ встаетъ грозой
И судитъ ихъ, какъ фарисей строптивый,
И ихъ клеймитъ позоромъ и хулой;

За то, когда ареопагъ гостинныхъ
Чужую честь насмѣшками язвитъ,

Когда въ полусловахъ, въ полунамекахъ чинныхъ
Одну изъ насъ вражда другихъ казнитъ;

За женщину, за слабыхъ, беззащитныхъ
Безумно въ бой тогда бросаюсь я!...
Чтобъ вырвать ихъ изъ пастей ненасытныхъ,
Забыта робость женская моя!

Я вызову, презрѣвъ самохраненьемъ,
Свѣтъ, общество, толпу, враговъ моихъ...
Хулителей дразню опроверженьемъ,
Клеветниковъ въ лицо бью ложью ихъ!...

Мой голосъ слабъ, заступникъ я ничтожный;
Но мой упрекъ, какъ мѣткая стрѣла,
Пронзитъ броню злословящихъ безбожно,—
И, поблѣднѣвъ, притихнетъ вдругъ хула!...

И, можетъ быть, запуганныя свѣтомъ,
Мнѣ добрыя откликнутся сердца,—
И поздній гнѣвъ въ нихъ закипитъ отвѣтомъ
На шутки злыхъ, на смѣхъ глупца...

Пойдетъ рости безстрашной правды слово,—
И голоса по свѣту вербовать...
Толпа сейчасъ того обнять готова,
Кого за мигъ хотѣла растерзать!

А мнѣ легко въ тотъ день стократъ блаженный,
Что помянуть могу добромъ,
Легко служить и сердцемъ и умомъ
Успѣху истины священной!...

Насильный бракъ.

Старый баронъ.

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ!
Судите, не боясь опалы:
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый:
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,—
Не властенъ у себя я дома:
Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена.

Ее я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ ее парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ
И, врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ;
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю—жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовитъ казни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена.

И торжествуя, и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный;
Судите, кто межь нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена.

Раба ли я, или подруга—
То знаетъ Богъ! Я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый.
Не предана, а продана—
Я узница, а не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить;
Напрасно мщенье, мнѣ святое,
Въ любовь онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу:
Сама строптивыхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета.
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,

Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ;
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться:
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ-лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ—
И мнѣ ли ропотъ запрещенъ?
Еще-ль, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?

М. Л. Розенгеймъ.

Пророкъ.

Когда Господь открылъ мнѣ вѣжды
И скверну міра показалъ,
Когда—испуганный—одежды
Я, полный скорби, разорвалъ;

Когда, въ порывѣ сокрушенья,
Бѣжать въ пустыню я хотѣлъ,
Чтобы не видѣть униженья
И черноты и грязи дѣлъ;

Тогда, сверкая мнѣ изъ тучи
И гласомъ гнѣва и суда,
Онъ—малодушному Могучій—
Изрекъ мнѣ грозное: „Куда?

Куда?—воззвалъ онъ громогласно.—
Куда, лукавый человѣкъ?
Бѣжишь въ пустыню безопасно
Влачить безплодно-жалкій вѣкъ!

Не сокрушенья, не молитвы—
Мнѣ нуженъ истины пророкъ,
Мнѣ нуженъ мужъ для смѣлой битвы,
Мнѣ нуженъ молотъ на порокъ!“

Не это рабское безсилье
Потребно смѣлому бойцу.
Иди предъ злобу и насилье
И съ ними стань лицомъ къ лицу!"

И я пошелъ. Вражду, гоненье
Я видѣлъ, зналъ и перенесъ;
Я слышалъ пошлое глумленье
И вопли гнѣва и угрозъ,

И фарисея шепотъ желчный,
И вой безсмысленный глупца;
Но я иду—набатъ немолчный
Глаголовъ правды—до конца.

Не кроюсь: пусть въ меня каменья
Бросаютъ ближніе мои—
Иду безъ злобы и смущенья
Во имя правды и любви.

Дума.

Вы, столько лѣтъ пустыню проходившіе,
Не повстрѣчавъ спасительный Синай,
Права сыновъ страданьемъ искупившіе
Вступить безъ васъ въ обѣтованный край!
Въ томительной борьбѣ, подвижники спасенья,
Могучее бойцовъ безвѣстныхъ поколѣнье,

Увы, въ пути, средь зноя полуденнаго—
А путь вашъ былъ и труденъ, и далекъ—
Никто для васъ ключа воды студенаго
Въ пустынѣ той изъ камня не извлекъ,
И жажда дѣлъ въ бездѣйствіи невольномъ
Томила васъ мучительно и больно.

Какъ острый ядъ, какъ жало змѣй, сомнѣніе
Терзало, жгло страдальцевъ бѣдныхъ васъ;
Но змія мѣднаго, символа избавленія,
Вотще кругомъ отыскивалъ вашъ глазъ.
Въ дни голода души васъ манна не питала,
Вамъ свѣтъ не предходилъ, тьма путь вамъ покрывала.

Левиты истины, молчанью осужденные,
Вы зрѣли, какъ, объятый этой тьмой,
Народъ вашъ обожалъ кумиры позлащенные,—
Вы это видѣли и, въ гордости нѣмой,
Теряли вѣру вы, бросались въ отрицанье
Иль, пепломъ голову посыпавъ, шли въ изгнанье.

И жили вы, сознанья безпощаднаго
Томимые безвыходной тоской,
Неся ярмо разлада невозвратнаго
Съ удушливой, окрестною средой.
И многіе изъ васъ, сгубивъ напрасно силы,
Усталые, сошли безвременно въ могилы.

А остальнымъ... Исполнятся-ль желанія,
Удастся-ль имъ въ дали хоть усмотрѣть
Его, рубежъ страны обѣтованія,
Сказать: „дошли...“ и съ миромъ умереть,
Какъ древле Моисей, народу завѣщая,
Смирить или изгнать язычниковъ изъ края?

---

19 февраля 1861 г.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Во-истину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплемте дорогу!

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣковаго,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому, забвеніе былаго!

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ:
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ въ помощь, братья, вамъ, Богъ въ помощь въ новомъ бытѣ!

Не стойте,—прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ: живымъ работы много.
Впередъ, насъ братья ждутъ, впередъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одно,—всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь, наконецъ, другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано: давайте-жь руки намъ,
Давайте и пойдемъ, пойдемъ: насъ ждетъ работа!
И радость и печаль,—все вмѣстѣ, пополамъ,—
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
„Христосъ, Христосъ воскресъ!“ Во-истину воскресъ!
И стала наша Русь землей людей свободныхъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

Д. Н. Садовниковъ.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде *).

Умеръ славный Фогельвейде...
Жизнь на небо отлетѣла,
Въ старомъ Вюрцбургскомъ аббатствѣ
Онъ оставилъ только тѣло.
  Завѣщалъ онъ все монахамъ,
  Съ уговоромъ, чтобъ кормили
  Каждый полдень птицъ окрестныхъ
  На его они могилѣ.
„У крылатыхъ менестрелей
Самъ учился я когда-то;
Пусть кормленье пташекъ будетъ
Фогельвейдова уплата".
  Такъ пѣвецъ любви скончался.
  Завѣщанье соблюдая,
  На могилу ежедневно
  Вольныхъ птицъ скликалась стая.
Каждый день на кровли, стѣны
И на башенные шпицы
Окрыленныхъ менестрелей
Собирались вереницы.
  На вѣтвистой старой липѣ
  Засѣдало ихъ собранье,

*) Нѣмецкій народный пѣвецъ среднихъ вѣковъ.

На дворѣ, могильномъ камнѣ
И могильномъ изваяньи.
На оконныхъ переплетахъ,
На дверяхъ, зимой и лѣтомъ,
Птицы хоромъ распѣвали
Пѣсни, пѣтыя поэтомъ.
Это было нѣчто вродѣ
Поэтическаго спора
Молодой пѣвучей братьи
Возлѣ стараго собора.
Всюду имя Фогельвейде
Птицы въ пѣсняхъ повторяли,
Всюду имя Фогельвейде,
Распѣвая, прославляли.
Но аббатъ сказалъ однажды:
„Чѣмъ бросать какимъ-то птахамъ,
Лучше хлѣба больше выдать
Голодающимъ монахамъ...“
Съ той поры на шумный завтракъ
Не спускалась птичья стая,
Надъ могилой Фогельвейде
Въ ясный полдень пролетая.
Съ той поры, крича нестройно,
Тщетно птицы тучей вились
Надъ оградой монастырской,—
Угощенья не добились.
Время сгладило на камнѣ
Монастырскомъ начертанье,
Гдѣ схороненъ Фогельвейде,
Говоритъ одно преданье.
Но до сей поры всѣ птицы,
Пролетая надъ соборомъ,
Эту старую легенду
Повторяютъ дружнымъ хоромъ.

На открытіе памятника Пушкину.

Въ отрадный часъ желаннаго рожденья,
Все, что въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Послѣдній даръ весенняго цвѣтенья
Весна тебѣ кидала въ колыбель.

Май отцвѣталъ, идя на встрѣчу лѣта,
И думалъ онъ, переходя ко сну:
„Я встрѣтилъ день рожденія поэта,—
Онъ воскреситъ увядшую весну".

Ты оправдалъ святыя ожиданья:
Заслышавъ пѣсни первыя твои,
Въ отжившемъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу запѣли соловьи.

Но мы любили спорною любовью,—
Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?...
Но ты простишь минутному злословью,
Сознаніемъ прекраснаго высокъ,—

Простишь ты намъ, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ лавровый твой вѣнецъ,
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ Мая—
Твой первый день привѣтствовать, пѣвецъ,

И въ честь тебя, поэта чародѣя,
Пѣвца святой любви и красоты,
Весна, какъ встарь, кидаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ душистые цвѣты!

Н. Сатинъ.

De profundis.

Что день, то въ жизни похороны;
Надъ нами смерть, какъ Божій гнѣвъ,
И вѣрьте, намъ приличнѣй стоны,
Чѣмъ пѣсенъ радостныхъ напѣвъ.
Не разъ подъ звукъ веселыхъ пѣсенъ
Я плакалъ скорбною душой!...
Нѣтъ, здѣшній міръ веселью тѣсенъ,—
Здѣсь лучше пѣть *за упокой!*

Бываютъ чудныя мгновенья:
Мысль рвется къ небу, кровь кипитъ—
То свѣтлый геній откровенья
Съ душой поэта говоритъ!...
Но жизнь своимъ прикосновеньемъ
Сроднитъ поэта вновь съ землей,—
И онъ, разставшись съ вдохновеньемъ,
Ему поетъ *за упокой!*

Когда мы юны, въ насъ свободно
Роятся свѣтлыя мечты,
Но скоро всѣ поочередно
Онѣ, какъ осенью листы,
Падутъ, умчатся вихремъ жизни,
И мы, печальные, порой
Съ улыбкой горькой укоризны
Мечтамъ поемъ *за упокой!*

Когда мы любимъ, въ насъ блаженство,
Мы создаемъ волшебный міръ,
И съ чистой вѣрой въ совершенство
Въ него вселяемъ нашъ кумиръ;
Но жизнь на чудное видѣнье
Наброситъ занавѣсъ густой,
И мы въ тоскѣ разувѣренья
Любви поемъ *за упокой!*

Такъ гибнетъ все, такъ все стремится
Исчезнуть въ жизни, какъ въ гробу;
Чему же здѣсь намъ веселиться,
Кто измѣнитъ свою судьбу?...
Мы всѣ рабы единой воли,
Къ могилѣ мы одной стезей
Пройдемъ по жизненной юдоли,
И намъ споютъ *за упокой!*

Поэту-судіи.

Когда поэтъ, сознавъ свое призванье,
Свой приговоръ народу возвѣститъ,—
Какъ мощно онъ стихомъ негодованья
Народъ бичуетъ и клеймитъ!
Кто-бъ ни былъ тотъ народъ, что нужды для поэта!
. . . . . .
Одною истиной душа его согрѣта:
Онъ человѣкъ, онъ міра гражданинъ.
Но горе, если онъ въ сужденьи увлечется
Народною иль личною враждой,—
На грозный судъ его народъ лишь улыбнется,
И грозный стихъ надъ цѣлью пронесется
Хоть звучною, но слабою стрѣлой.

Два чувства.

Есть у меня два чувства дорогія,
Съ моей душой слились они давно;
Есть у меня два спутника святые,
Два ангела, мнѣ милые равно.
У одного всегда взоръ чудно-свѣтелъ,
Другой всегда съ поникшей головой;
Одинъ меня у колыбели встрѣтилъ,
Въ дни юности сошелъ ко мнѣ другой.
И съ той поры я съ ними неразлученъ,
Всю жизнь мою я отдалъ имъ въ удѣлъ;
Безъ нихъ бы міръ мнѣ былъ несносно-скученъ,
Безъ нихъ бы жить я въ мірѣ не хотѣлъ!
Есть у меня два чувства дорогія,
Съ моей душой они слились давно:
Любовь и грусть, два спутника святые,
Два ангела, мнѣ милые равно!

В. Н. Симборскій.

Сонъ.

Мнѣ снится, съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ недвижимъ;
Событія міра, картиной живой,
Мѣняясь, идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ...
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной, могучей рукой,
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой...

Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь зажигаетъ костеръ...
Средь стоновъ, проклятій, Te Deum гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннензингера кротко звучитъ,

Полна беззавѣтной любви...
Онъ слышитъ вилана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой,—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.

Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ ѳиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ, идетъ по волнамъ:
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

Говорятъ.

Говорятъ, говорятъ, говорятъ...
Говорятъ, будто мы ужь совсѣмъ развились,
Интеллектомъ и чувствомъ созрѣли,
Будто „новые люди“ вездѣ развелись,
Какъ клопы въ деревянной постели;
Говорятъ, будто скоро начнутъ дорожить
Человѣческой жизнью и кровью;
Говорятъ, что судьба хочетъ міръ озарить
Съ неба посланной, чистой любовью...
Говорятъ, что земля будетъ рай, а не адъ...
Говорятъ, говорятъ, говорятъ...

Говорятъ, Божій людъ перестанетъ стонать,
Добиваясь насущнаго хлѣба,

Что въ притоны нужды низлетитъ благодать,
Въ видѣ манны съ холоднаго неба.
Говорятъ, что за свѣтлую правду бойцы
Безъ упрека и страха воспрянутъ...
Говорятъ, подадутъ руку дѣтямъ отцы,
Подъ знамена е́диныя встанутъ,
И покой низлетитъ въ нѣдра хижинъ, палатъ...
Говорятъ, говорятъ, говорятъ...

Говорятъ, предъ зарей наступающихъ дней
Рухнетъ старое зло безъ возврата,
Что исторгнетъ судьба милліоны людей
Изъ когтей всегубящихъ разврата.
Говорятъ, человѣкъ свою совѣсть сочтетъ
Несломимою, вѣской святыней,
И что женщина рядомъ съ мужчиной пойдетъ,
Называясь сестрой—не рабыней
. . . . . .
Да и мало-ль о чемъ, господа, говорятъ,
Говорятъ, говорятъ, говорятъ!...

К. К. Случевскій.

Часы съ курантами.

Старинные часы прабабушки забытой,
Съ гудящимъ столбикомъ тройныхъ колоколовъ,—
Какъ проченъ и хорошъ вашъ механизмъ открытый
И стукъ размѣренный, и тихій ходъ валовъ!

Какъ истый домосѣдъ, лѣтъ сто не измѣняли
Вы мѣсту вашему, занявъ свой уголокъ,
И васъ до сей поры, кочуя, не таскали
Изъ дома въ домъ, въ тотъ или этотъ срокъ.

Звонили вы въ тѣ дни, когда Екатерина
Великою душой отъ міра отошла;
Съигравъ для матери, съиґрали и для сына
Все ту же пѣсенку, дрожа, колокола!

Звонили вы зимой двѣнадцатаго года,
Въ года холерные и всѣхъ другихъ смертей,
Въ годъ Севастополя, и въ добрый для народа
День девятнадцатый въ одномъ изъ февралей.

Звонили вы въ часы утратъ и золъ семейныхъ,
Семейныхъ радостей... и въ долгій рядъ годовъ,
Въ завѣтный срокъ молитвъ благоговѣйныхъ
Умѣвшихъ лучше насъ молиться стариковъ.

И будете звонить, какъ прежде, въ годъ изъ года
Все тѣ же пѣсенки недлинныя свои...
О, еслибъ только знать: въ какихъ судьбахъ народа,
Въ какихъ судьбахъ моей взростающей семьи?!

---

* * *

Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ,
Какъ съ веселой пѣсней быть?
Грусти дѣдовъ съ грустью внуковъ
Намъ, пока, не разобщить...

Не буди-жь въ груди желанья
И о счастьи не мечтай,
Къ вѣчной повѣсти страданья
Новой пѣсни не рождай.

Тѣхъ спроси, а ихъ не мало,
Кто покончилъ самъ съ собой,—
Въ жизни мѣста недостало,—
Поискали подъ землей...

Будемъ вѣрить: день тотъ глянетъ,
Ложь великая пройдетъ,
Горю въ мірѣ тѣсно станетъ,
И оно себя убьетъ!...

Въ этнографическомъ отдѣлѣ.

За стеклами пестрѣйшіе костюмы;
Пращи и палицы и стрѣлы дикарей,
Рядъ масокъ съ перьями, съ хвостами льва и пумы,
Съ клыками, съ камнями въ отверстіяхъ очей!

Большія чучела въ большихъ вооруженьяхъ,
Ежи какіе-то отъ головы до пятъ,
Разсчитаны на то, чтобы пугать въ сраженьяхъ,—
Совсѣмъ стѣсняющій и пресмѣшной нарядъ.

Что-жь? разница не то чтобы совсѣмъ большая:
Такое пугало въ колючкахъ и ножахъ,—
И страны цѣлыя, отъ края и до края
Одѣтыя въ металлъ, всѣ въ пушкахъ и штыкахъ?

Тамъ—человѣкъ одинъ; здѣсь—цѣлые народы,
Одни другимъ мѣшающіе жить...
Но что же за шкапы имъ нужны, что за своды,
Чтобы современемъ въ музеѣ помѣстить?

Въ тяжелый часъ.

Нѣтъ въ отчизнѣ моей красоты,
Все намеки одни, да черты,
Все неясно, некончено въ ней,
Начиная отъ самыхъ людей;
Если плачутъ,—печаль ихъ мелка,
Если любятъ,—такъ любятъ слегка;
Вялъ и медленъ неискренній трудъ,
Складъ всей жизни изношенъ и худъ;
Вѣчно нервенъ, тревоженъ ихъ взглядъ,
Всѣ какъ будто о чемъ-то молчатъ...
Откровенной улыбки въ нихъ нѣтъ,
Ласки странны, двусмысленъ отвѣтъ...

Эта блѣдность породы людской
Родилась изъ природы самой:
Цѣпи мелкихъ, пологихъ холмовъ,
Непривѣтныя дебри лѣсовъ,

Рѣки, льющія волны сквозь сонъ,
Вѣчно сѣрый, сырой небосклонъ...
Этотъ холодъ суровой зимы,
Дни, безсильные выйти изъ тьмы,
Эта гладь безконечныхъ равнинъ—
Рядъ неконченныхъ кѣмъ-то картинъ...
. . . . . .

Мемфисскій жрецъ.

Когда я былъ жрецомъ Мемфиса
Тридцатый годъ,
Меня пророкомъ Озириса
Призналъ народъ.

Мнѣ дали жезлъ и колесницу,
Воздвигли храмъ;
Мнѣ дали стражу, дали жрицу,
Причли къ богамъ.

Во. мнѣ народъ искалъ защиты
Отъ золъ и бѣдъ;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лѣтъ.

Клянусь, клянусь безсмертнымъ Фтою,
Широкій Нилъ,
Такой красавицы волною
Ты не поилъ.

Когда, молясь, она стояла
У алтаря,
И краснымъ свѣтомъ обливала
Ее заря;

Когда, склонивъ свои рѣсницы,
И вся въ огнѣ,
Она, по долгу первой жрицы,
Кадила мнѣ...

Я долго думалъ: царь по власти,
Я господинъ
Своей тоски и гордой страсти,
Своихъ сѣдинъ;

Но я прочелъ, сидя на тронѣ,
Съ жезломъ въ рукѣ,
Свой приговоръ въ ея поклонѣ,
Въ моей тоскѣ.

Разъ какъ-то я, тотъ взглядъ встрѣчая,
Не усидѣлъ,
И перстень свой сронивъ, вставая,
Поднять велѣлъ.

Я ей сказалъ: „Къ началу ночи
Взойдетъ звѣзда,
Всѣ лягутъ спать; завѣсивъ очи,
Придешь сюда".

Заря, кончаясь, трепетала,
И умерла.
А ночь съ востока набѣгала
Пышна, темна;

И, купы звѣздъ въ себѣ качая,
Зажегся Нилъ;
Въ своихъ садахъ благоухая,
Мемфисъ почилъ.

Я въ храмъ пришелъ, я ждалъ свиданья,
И долго ждалъ:

Горѣла кровь огнемъ желанья,
Я изнывалъ.

Зажглась румяная денница,
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица,
Ты не была...

Тогда, на завтра, въ жертву мщенью,
Я, какъ пророкъ,
Тяжелой пыткѣ и сожженью
Ее обрекъ.

И я смотрѣлъ, какъ исполнялся
Мой приговоръ,
И какъ, обуглясь, разсыпался
Ея костеръ.

Н. М. Соколовъ.

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?

Въ добро я вѣровать отвыкъ
Подъ гнетомъ горя и лишеній;
Сковалъ я смѣлый свой языкъ,
Глашатай свѣтлыхъ вдохновеній.

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ своими чудными рѣчами?

Огонь божественныхъ очей
Блеснулъ въ стѣнахъ моей темницы
И вспыхнулъ заревомъ денницы,
Ударясь въ сталь моихъ цѣпей.

И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я, и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы.

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился...

О, какъ въ тотъ мигъ я устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей!...

Но мнѣ оковъ не разрубить,
Не разломать тюрьмы до вѣка...
О, какъ жестоко разбудить
Въ рабѣ безсильномъ человѣка!...

---

* * *

Царица-мысль! Вѣнокъ душистыхъ розъ,
Стыдливо на челѣ зардѣвшись бѣлоснѣжномъ,
Чуть оттѣнилъ твой взоръ, безсмертныхъ полный грёзъ,
Глубокій, ласковый и нѣжный...
Посланница небесъ, ты шла въ толпѣ людской,
Вся вдохновенная, чарующе-простая,
И всѣхъ тоскующихъ звала ты за собой
На пиръ, царица молодая!
И подневольный рабъ, измученный борьбой,
Шелъ за тобой, какъ гордый царь вселенной,
Слагая гимнъ невѣстѣ молодой,
Взволнованъ страстью вдохновенной.
Ты въ міръ несла надзвѣздной жизни сны,
Въ яремъ земли цвѣты небесъ вплетая...
И тѣни блѣдныя забытой старины,
Свои могилы оставляя,
Живымъ шептали вновь мечты погибшихъ дней...
Въ прозрачномъ сумракѣ грядущее свѣтилось...
И сердце сонное измученныхъ людей
Вновь жизнью радостною билось.

Такою въ первый разъ тебя я увидалъ,
Царица свѣтлая и вѣчно молодая!
До той поры, безпечный, я вѣнчалъ
Свое чело, тебя не зная,

Наивной радости и жизни молодой
Недолговѣчными, но яркими цвѣтами,
И, убаюканный минутною мечтой,
Я спалъ съ открытыми глазами.
Я увидалъ тебя, царица мощныхъ думъ!...
И сердце дрогнуло невѣдомой тоскою.
И проклялъ я безпечный жизни шумъ,
И зарыдалъ передъ тобою...
И за тобой, влюбленный, я бѣжалъ,
Я звалъ тебя на пиръ любви счастливой,
Придти ко мнѣ тебя я заклиналъ
И вновь рыдалъ, нетерпѣливый...
Я бросилъ все, чѣмъ прежде счастливъ былъ.
Безсонныхъ думъ волненіемъ тревожнымъ
Измученный, всѣмъ сердцемъ полюбилъ
Я сонъ о счастьи невозможномъ.

Горѣлъ мой мозгъ невѣдомымъ огнемъ.
Больная грудь порывисто вздымалась.
Молчала ночь... И тихо подъ окномъ
Ко мнѣ царица постучалась...
Она пришла... И скорбный, блѣдный ликъ.
Слезами жгучаго страданія облитый,
Я увидалъ—и головой поникъ
Подъ пыткой грусти ядовитой...
Безсильная, упавъ передо мной,
Она въ отчаяньи порывисто рыдала,
И руки блѣдныя съ какою-то мольбой
Въ какомъ-то ужасѣ ломала...
Я цѣловалъ черты ея лица,
Чтобы согрѣть холодное страданье,
Но все лились рыданья безъ конца,
Непобѣдимыя рыданья!...

И съ той поры въ мой скорбный домъ она
Приходитъ часто, полная тоскою,

Задумчива, безмолвна и блѣдна,
Сидитъ всю ночь передо мною...
И вспыхнетъ смѣхъ въ чертахъ ея порой,
Зловѣщій смѣхъ, всесильный и холодный,
И встанетъ, мощная, она передо мной
Съ улыбкой скорби неисходной...
И, непонятная, божественнымъ огнемъ
Нѣмыхъ міровъ освѣтитъ вереницы,
Въ движеніи застывшихъ вѣковомъ,
Счастливыхъ грёзъ моихъ гробницы...
И въ нихъ ничтожнаго, въ ярмѣ тупой нужды,
Раба голоднаго покажетъ человѣка,
Его безплодные и жалкіе труды,
И рабство вольное отъ вѣка...
И открывается въ видѣніи судьба,
Обвившая, какъ жертву змѣй голодный,
Цѣпями ржавыми безсильнаго раба,
Нѣмаго въ мукѣ неисходной...
Любовь царицы сердце мнѣ сожгла,
Ея лобзанья мозгъ мой прожигаютъ
И борозды средь блѣднаго чела,
Какъ плугъ желѣзный, пролагаютъ.
Какъ смерть, ея мучительна любовь!...
Она придетъ и, скорбная, тоскуетъ,
Рыдая сердце мнѣ цѣлуетъ
И пьетъ изъ сердца кровь...
Но я зову царицу вновь и вновь.
Я вѣренъ ей, одной моей подругѣ;
Я ей одной отдамъ досуги,
Пока во мнѣ струится кровь...
Кто полюбилъ ее, тотъ не измѣнитъ ей;
Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ.
И ласками мучительныхъ ночей
Она любовника погубитъ.

Графъ В. А. Соллогубъ.

Въ альбомъ.

—„Какъ хороша!—сказалъ старикъ,
Глядя на васъ, на станъ вашъ гибкій,
На взоръ, задумчивый на мигъ
И вдругъ сверкающій улыбкой.—
Какъ хороша! но я такъ старъ,
Что мнѣ не кстати, не пригоже
Припоминать сердечный жаръ...
Увы! зачѣмъ я не моложе?“

А юноша сказалъ, грустя:
—„Она любви понять не можетъ,
Игрушкой тѣшится дитя
И только сердце мнѣ тревожитъ.
Никто не въ силахъ мнѣ помочь,
Къ ней такъ присталъ душевный холодъ,
И я томлюсь и день, и ночь...
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ я молодъ?“

А я сказалъ: „Изъ суеты
Пустыхъ надеждъ роптать грѣховно;
Блескъ лучезарной красоты
Сіяетъ всѣмъ свѣтло и ровно.
Хоть молодъ ты, хоть старцемъ будь,
Онъ озаряетъ понемногу
И юноши далекій путь,
И старца краткую дорогу“.

Разлука.

Гдѣ ты, радость, гдѣ ты, счастье
Сиротѣющей души?
Словомъ дальняго участья
Ропотъ сердца утиши!
Принесись ко мнѣ душою
И, страдальца осѣня,
Благодатью неземною
Улыбнися на меня...
Къ моему ты изголовью
Невидимкою прильни;
Слово нѣжное съ любовью
Сердцу сжатому шепни;
Хоть на мигъ дай обмануться,
Хоть во снѣ мнѣ какъ-нибудь
Отъ печали дай проснуться,
Отъ разлуки отдохнуть...

Первый пароходъ на Волгѣ.

Спокойна, плавно широка,
Живой алмазъ роднаго края,
Течетъ могучая рѣка,
Полъ-Руси лентой обвивая.
То Волга-матушка: она,
Въ туманѣ волнъ, въ сребристой пыли,
Народной прелестью сильна,
Намъ шепчетъ про родныя были
И отжитыя времена.
Молва гласитъ: во время оно
Разбойникъ въ лодкѣ выходилъ
Сюда изъ мрачнаго притона

И за добычею слѣдилъ.
Въ бояхъ отчаянной ловитвы
Съ водой кровь русская текла,
Бывали здѣсь лихія битвы
И богатырскія дѣла.
Но Волга скоро искупила
Свой кровожадный, буйный хмѣль:
Здѣсь родилася наша сила,
Здѣсь русской славы колыбель.
Отсюда славный князь Пожарскій,
Отсюда Мининъ гражданинъ
Пошли въ главѣ семьи боярской
И ободрившихся дружинъ.
Вотъ на горѣ, среди ущелья,
Еще видна простая келья,
Гдѣ сыну дряхлый Филаретъ
Вручилъ Россійскую державу
Во окончанье лютыхъ бѣдъ,
Въ любовь, храненіе и славу.
И много сердцу громкихъ словъ
И много намъ воспоминанья
Хранятъ приволжскія преданья,
Напѣвы волжскихъ бурлаковъ!
Вотъ почему такъ горделиво,
Своимъ достоинствомъ полна,
Катится важно и лѣниво
Сѣдая волжская волна.
И вдругъ... О, ужасъ несказанный!
Необычайное сбылось:
Чудовище осанки странной
По Волгѣ быстро пронеслось.
Оно огнемъ изъ зѣва пышетъ,
Крылами мѣрно воду бьетъ,
И словно думаетъ и дышетъ,
И жизнью чудною живетъ...

Смутилось лоно вѣковое,
Смутилась матушка-рѣка:
Какъ смѣлъ пришлецъ издалека
Пугать ее въ своемъ покоѣ!
Но чуждъ пришельцу тотъ упрекъ:
Кипящій силою отваги,
Онъ нѣдра оскорбленной влаги
Струей огнистою прожегъ,
И дальше все, какъ вдохновенный,
И все быстрѣй, и все впередъ
Направилъ огненный полетъ
Съ какой-то цѣлью сокровенной.
Смири-жь, о Волга, передъ нимъ
Твои журчащія сѣдины:
Онъ Властью Высшею хранимъ,
Онъ вѣстникъ будущей судьбины:
Онъ намъ укажетъ тѣ пути
По быстрому потоку вѣка,
Гдѣ міру велѣно идти
Для совершенства человѣка...
И счастливъ тотъ, кто у руля,
Избранникъ свѣтлаго велѣнья,
Порывъ роднаго корабля
Ведетъ стезями просвѣщенья,
Кто тотъ корабль придвинуть могъ,
Страстей минуя непогоду,
Къ той свѣтлой пристани, что Богъ
Готовитъ русскому народу!

И. З. Суриковъ.

* * *

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?

И не твой ли подъ горою
Сгнилъ до тла овинъ,
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?

Не твоя-ль жена, въ лохмотьяхъ,
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?

Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?

Не твои ли это слезы
На пиру текутъ?
Не твои ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?

Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой?
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краямъ ея крапива
Жгучая ростетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ.

И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска...
Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!

---

* * *

Не грусти, что листья
Съ дерева валятся,—
Будущей весною
Вновь они родятся,—

А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...

Только лишь весною
Теплою повѣетъ—
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...

Силы-жь молодыя
Сгибнутъ—не вернутся,
Сердце очерствѣетъ—
Думы не проснутся!

---

* * *

Ой, дубинушка, ты ухни!
Дружно мы за трудъ взялись.
Ты, плечо мое, не пухни!
Грудь моя, не надорвись!

Ну-ко, ну, товарищъ, въ ногу!
Налегай плечомъ сильнѣй!—
И тяжелую дорогу
Мы пройдемъ съ тобой скорѣй.

Ой, зеленая, подернемъ!—
Другъ мой! помни объ одномъ:
Нашу силу вырвемъ съ корнемъ,
Или многихъ сбережемъ,

Тѣхъ борцовъ, кому сначала
Легокъ трудъ, кто дѣлу радъ,—
Вскорѣ-жь—глядь!—все дѣло стало
Передъ множествомъ преградъ.

Тѣмъ помочь намъ скоро надо,
Кто не видитъ, гдѣ исходъ,—
И разрушатся преграды,—
И пойдутъ они впередъ.

Другъ! трудящемуся брату
Будемъ смѣло помогать,
Чтобъ за помогу въ уплату
Слово доброе принять.

За добро добромъ помянутъ
Люди насъ когда-нибудь,
И судить за то не станутъ,
Что избрали честный путь.

Злоба съ дочкою покорной—
Стоязычной клеветой,
Станутъ насъ слѣдить упорно,—
Но не страшенъ злобы вой.

Прочь отъ насъ! на мертвыхъ рухни,
Твой живыхъ не сломитъ гнетъ...
Ой, дубинушка, ты ухни!
Ой, зеленая, пойдетъ!

---

* * *

Черствѣетъ сердце, меркнетъ умъ...
Грудь надрывается отъ боли...
Подъ гнетомъ горькихъ чувствъ и думъ
Поется грустно поневолѣ.

Мнѣ негдѣ думъ отрадныхъ взять:
Кругомъ меня мертво и сухо.
Тамъ трудно мыслить и дышать,
Гдѣ стонъ и вопли слышитъ ухо.

Гдѣ въ лѣтній зной изъ облаковъ
На землю дождь не упадаетъ,—
Тамъ ни травы нѣтъ, ни цвѣтовъ,
Бурьянъ тамъ горькій выростаетъ.

Такъ пѣснь моя всегда горька,
Какъ тотъ бурьянъ въ степи безводной:
Звучитъ въ ней горе и тоска,
Да плачъ надъ долей безысходной!

Жизнь.

Жизнь, точно сказочная птица,
Меня надъ бездною несетъ:
Вверху мерцаетъ звѣздъ станица,
Внизу шумитъ водоворотъ.

И слышно въ этой безднѣ темной
Неясный рокотъ, ревъ глухой,
Какъ будто звѣрь рычитъ огромный,
Въ желѣзной клѣткѣ запертой.

Порою звѣзды скроютъ тучи—
И я, на трепетномъ хребтѣ,
Съ тоской и болью въ сердцѣ жгучей,
Мчусь въ безпредѣльной пустотѣ.

Тогда страшитъ меня молчанье
Свинцовыхъ тучъ, и вѣтра вой,
И крылъ холодныхъ колыханье,
И мракъ, гудящій подо мной.

Когда же тѣни ночи длинной
Смѣнятся кроткимъ блескомъ дня?
Что будетъ тамъ, въ дали пустынной?
Куда уноситъ жизнь меня?

Чѣмъ кончитъ? Въ бездну ли уронитъ,
Иль въ область свѣта принесетъ,

И духъ мой въ мирномъ снѣ потонетъ?—
Иль ждетъ меня иной исходъ?...

Отвѣта нѣтъ,—однѣ догадки,
Предположеній смутный рой.
Кружатся мысли въ безпорядкѣ,
Мечта смѣняется мечтой...

Смерть, вѣчность, тайна мірозданья,—
Какой хаосъ!—и сверхъ всего
Всплываетъ страшное сознанье
Безсилья духа своего.

Поэту.

Поэтъ! трудна твоя дорога,—
На ней ты радости не жди:
Тебѣ страдать придется много,
И много слезъ скопить въ груди...

Но, если ты призванью вѣренъ,—
Иди, борьбу веди со тьмой:
Будь сердцемъ чистъ, нелицемѣренъ,
И пѣсни искреннія пой.

Тебя унизятъ, поругаютъ—
И чувства святость оскорбятъ,
И злобой душу истерзаютъ,
И желчи ядомъ напоятъ!

Но ты, въ вѣнцѣ своемъ терновомъ,
Тебѣ изранившемъ чело,
Прости врагамъ твоимъ суровымъ
Тебѣ содѣянное зло!

И пригвожденъ къ столбу позора,
И чуя въ сердцѣ желчи ядъ,—
Не шли за зло врагамъ укора:
„Они не вѣдятъ, что творятъ!“

Зимой.

Морозитъ. Безъ устали внизъ опускаясь,
Снѣгъ стелется въ полѣ. Изъ рощи дитя
Санишки съ валежникомъ тащитъ, крехтя,
И вязнетъ въ сугробахъ, изъ силъ выбиваясь.
Онъ къ трудной работѣ такой не привыкъ,
И радъ отдохнуть,—да попробуй, присядь-ка!
Чужая, вѣдь, роща,—накроетъ лѣсникъ,
И шибко разсердится батька.

Отецъ его занятъ работой домашней.
Недѣлю назадъ схоронили они
Родимую мать,—и тяжелые дни
Въ семьѣ наступили съ нуждою всегдашней.
Припомнилъ ребенокъ, шагая съ трудомъ,
Какъ молвилъ отецъ имъ: „Ребятки, куда мы
Безъ матери дѣнемся? какъ проживемъ?
Не стало работницы-мамы!

„Какъ сладить мнѣ съ горемъ-несчастіемъ этимъ?
Вездѣ незадача, куда ни взгляну!
Возьму ли себѣ я другую жену,—
Не будетъ родимою матерью дѣтямъ.
Согнетъ меня лютое горе въ дугу!
Зачахнетъ безъ матери бѣдная Катька!“
И мальчикъ вдругъ вскрикнулъ: „Такъ я-жь помогу!
Пускай не печалится тятька!

Пускай не горюетъ,—покинетъ заботу!
Я стану лелѣять и няньчить сестру
И съ ранней зарею вставать поутру;
Потомъ подросту и возьмусь за работу.
Зачѣмъ мнѣ собою отца тяготить?
Кормиться я буду своими трудами,
И въ лѣтніе праздники съ батькой ходить
На сельское кладбище—къ мамѣ".

* * *

Въ заревѣ огнистомъ
Облаковъ гряда,
И на небѣ чистомъ
Вечера звѣзда.

Наклоняся, ивы
Дремлютъ надъ рѣкой,
И рѣки извивы
Въ краскѣ голубой.

Звукъ свирѣли стройно
Льется и дрожитъ;
На душѣ покойно,—
Сердце будто спитъ.

* * *

Не проси отъ меня
Свѣтлыхъ пѣсенъ любви;
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!

Звуки ихъ—шумъ дождя.
За окномъ вѣтра вой:
То рыданья души,
Стоны груди больной.

Графъ А. К. Толстой.

Изъ поэмы „Іоаннъ Дамаскинъ“.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей ростетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужь на устахъ другихъ хвала

Всему, что̀ благо и достойно,—
Какія-жь мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы или вòйны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передамъ я торжество
Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной:
Блаженъ, кто истину искалъ,
И тотъ, кто побѣжденный палъ
Въ толпѣ ничтожной и холодной,
Какъ жертва мысли благородной!
Но не для нихъ моя хвала,
Не имъ восторга изліянья,—
Мечта для пѣсенъ избрала
Не ихъ высокія дѣянья,
И не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ кому душа моя стремится;
Не блескомъ славы окруженъ,
Не на звенящей колесницѣ
Стоитъ Онъ, гордый сынъ побѣдъ,
Не въ торжествѣ величья,—нѣтъ,
Я зрю Его передо мною
Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ;
Онъ тихо, мирною стезею,
Идетъ межь зрѣющихъ хлѣбовъ;
Благихъ рѣчей своихъ отраду
Въ сердца простыя Онъ ліетъ;
Онъ правды алчущее стадо
Къ ея источнику ведетъ.
Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межь нами, во плоти,

Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать,
И крестъ на плечи Твой пріять
И на главу вѣнецъ терновый!
О, еслибъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила, и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другаго
Отнынѣ вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа
Мое восторженное слово!

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!
Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать въ себѣ живые звуки
Насильно думалъ ты?
Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,
Бѣлѣетъ дальній снѣгъ,
Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ ли свой бѣгъ?

И потекутъ ли вспять струи потока,
Что между скалъ гремятъ?
И солнце тамъ, поднявшися съ востока,
Вернется ли назадъ?

Презрѣнье, други, на пѣвца,
Что даръ священный унижаетъ,
Что предъ кумирами склоняетъ
Красу лавроваго вѣнца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгодъ предпочелъ,
Что угожденію и лести
Безстыдно продалъ свой глаголъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,
Ему на казнь и на позоръ,
Его безсовѣстное слово,
Какъ всенародный приговоръ!
Но ты, иной взалкавшій пищи,
Ты, что молитвою влекомъ,
Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
Живущій мыслью со Христомъ,
Ты, что пророческаго взора
Предъ блескомъ міра не склонялъ,—
Испить ты можешь безъ укора
Весь униженія фіалъ!

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ—
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Всѣхъ съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Угнетенныхъ и обиженныхъ
Осѣнилъ своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,—
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Исчезла коснѣнія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!

Того, Кто оковы души сокрушилъ,
Да славитъ немолчно созданье!
Да хвалитъ торжественно Господа силъ
И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
И всякое въ мірѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить, и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что̀ неправо и ложно.

Раздайся-жь, воскресная пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!
Расторгни убійственный сонъ бытія
И, свѣтъ лучезарный повсюду лія,
Громи, что̀ созиждено тьмою!

---

* * *

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,
Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

Правда.

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами раскинулась до поднѐбесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя вò сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя—шапка валится!

Выѣзжало семеро братіевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодцевъ,
Посмотрѣть выѣзжали молодцы,
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры мòлодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ,
И подъѣхали къ правдѣ съ семи концовъ
И увидѣли правду съ семи сторонъ.

Посмотрѣли добры молодцы,
Покачали головами удалыми,
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ правду по своему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ людным торговыимъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.

И поспорили братья промежь собой,
И вымали мечи булатные
И рубили другъ друга до смерти,
И рубяся, корилися, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ,
Наконецъ, полегли всѣ до единаго
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ.
Умирая-жь, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ до смерти,
Полегти, за правду за истину.
То-жь и сынъ сыну наказывалъ,
И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду за истину
На великое себѣ разореніе.

А сказана притча не въ осужденіе,
Не въ укоръ сказана—въ поученіе,
Добрымъ людямъ въ уразумѣніе.

И. С. Аксакову.

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.

Такъ. Въ безпредѣльное влекома,
Душа незримый чуетъ міръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
И я въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа
И бытъ роднаго намъ народа;
Его стремленье я дѣлю,
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ;
Люблю я тройку удалую
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья,
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,

Что на землѣ сложилось стройно
Для человѣка, то ужель
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ олимпійскаго славнаго Зевса!
Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый царственный взоръ изъ-подъ мрака бровей громоносныхъ?
Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который,
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ,

Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,
Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова, и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть, и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
Стройныя-жь словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значеньи—
Ты-жь въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

---

* * *

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами—
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

---

* * *

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листами не двинутъ;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинутъ.

Сижу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока—
Сродни ей спокойное море!

Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сижу я,—полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла,—
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа,—
Сродни ей шумящее море!

---

* * *

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ видѣнъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что̀ для другихъ неуловимо.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется;
Съ любовью, въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало.

---

* * *

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ,
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую, какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты,
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще—неволя недолга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую, какъ море,
Что̀ не вмѣстятъ земные берега.

14-й крымскій очеркъ.

Привалъ. Дымяся, огонекъ
Трещитъ подъ таганомъ дорожнымъ;
Пасутся кони, и далекъ
Весь міръ съ его волненьемъ ложнымъ.
Здѣсь долго-бъ я съ тобою могъ
Мечтать о счастіи возможномъ!
Но очи грустно опустивъ
И наклонясь надъ крутизною,
Ты молча смотришь на заливъ,

Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чемъ твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, какъ морская даль,
Бѣжитъ отъ насъ неуловимо?
Нѣтъ, не догнать его ужь намъ!
Но въ жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скаламъ
Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
Не для тебя-ль, въ ночной тѣни,
Вчера цвѣты благоухали?
Изъ синихъ волнъ не для тебя ли
Восходятъ солнечные дни?
А этотъ вечеръ? О, взгляни,
Какое мирное сіянье!
Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Какъ точки бѣлыя вдали,
Едва скользятъ, въ пространствѣ тая;
Какая тишина святая
Царитъ кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы въ предчувствіи чего-то;
Въ ущельяхъ ночь, въ туманѣ тамъ
Дымится сизое болото
И всѣ обрывы по краямъ
Горятъ вечерней позолотой...

Противъ теченія.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
„Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный!
Много ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску новаго времени!

Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
Гдѣ-жь устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія?"

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго
Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ говорили иконъ истребители:
„Кто воспротивится нашему множеству?
Міръ обновили мы силой мышленія,—
Гдѣ-жь побѣжденному спорить художеству
Противъ теченія!"

Въ оные-жь дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили надменные:
„Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
Имъ ли, убогимъ, идти галилеянамъ
Противъ теченія?"

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Вступимъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,

Вѣрою въ наше святое значеніе,
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной
И зелень рощъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды—
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый...
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ.
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

Л. Н. Трефолевъ.

Первый громъ.

Я весеннее раннее утро люблю,—
Чудно всходитъ оно надъ землею родной!
И о томъ только Бога усердно молю,
Чтобы громъ, первый громъ загремѣлъ надо мной.

Оживится земля со своими дѣтьми,
Бѣдный пахарь на нивѣ вздохнетъ веселѣй...
Первый громъ, чудный громъ, просіяй, загреми
И пошли дождь святой для засохшихъ полей!

Какъ раскинется туча на небѣ шатромъ,—
Всколыхнется душа, заволнуется грудь...
Первый громъ, чудный громъ, благодѣтельный громъ,
Для отцовъ и дѣтей ты убійцей не будь!

Никого не убей! Ничего не спали,
Лишь засохшія нивы дождемъ ороси!
Благодѣтелемъ будь для родимой земли,
Для голодной, холодной, но милой Руси!

Пѣсня о комаринскомъ мужикѣ.

I.

Какъ на улицѣ Варваринской
Спитъ Касьянъ, мужикъ комаринскій.

Борода его всклокочена,
Вся дешовкою подмочена;
Свѣжей крови струйки алыя
Покрываютъ щеки впалыя.
Ахъ ты, милый другъ, голубчикъ мой Касьянъ!
Ты сегодня именинникъ, значитъ пьянъ.
Двадцать девять дней бываетъ въ февралѣ,
Въ день послѣдній спятъ Касьяны на землѣ.
Въ этотъ день для нихъ зеленое вино
Ужь особенно пьяно, пьяно, пьяно!

Февраля двадцать девятаго
Цѣлый штофъ вина проклятаго
Влилъ Касьянъ въ утробу грѣшную,
Позабылъ жену сердешную
И своихъ родимыхъ дѣточекъ—
Близнецовъ двухъ малолѣточекъ.
Заломивши лихо шапку на-бекрень,
Онъ отправился къ кумѣ своей въ курень.
Тамъ кума его калачики пекла,
Баба добрая, румяна и бѣла,
Испекла ему калачикъ горячо
И уважила... еще, еще, еще.

II.

Въ это время, за лучиною,
Съ безконечною кручиною
Дремлетъ-спитъ жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
—„Пресвятая Богородица!
Гдѣ злодѣй мой хороводится?“
Бабѣ снится, что въ веселомъ кабакѣ
Пьяный мужъ ея несется въ трепакѣ:
То привскочитъ, то согнется въ три дуги,

Истопталъ свои смазные сапоги,
И руками, и плечами шевелитъ...
А гармоника пилитъ, пилитъ, пилитъ.

Продолжается видѣніе.
Вотъ приходятъ въ заведеніе
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,
Всё Касьяны именинники.
Пуще прежняго веселье и содомъ.
Разгулялся, расплясался пьяный домъ.
Говоритъ Касьянъ, схватившись за бока:
—„А послушай ты, приказная строка,
У меня брянчатъ за пазухой гроши:
Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши!“

III.

Осерчало благородіе:
—„Ахъ ты, хамово отродіе!
За такое поношеніе
На тебя подамъ прошеніе,
Накладу еще въ потылицу...
Цѣловальникъ, дай чернильницу!“
Продолжается все тотъ же вѣщій сонъ.
Вотъ явился у чиновныхъ у персонъ
Листъ бумаги съ государственнымъ орломъ;
Передъ нимъ Касьянъ въ испугѣ бьетъ челомъ,
А обиженный куражится, кричитъ,
И прошеніе строчитъ, строчитъ, строчитъ.

„Проситъ... имя и фамилія...
„Надо мной чинилъ насилія

„Непотребныя, свирѣпыя,
И гласилъ слова нелѣпыя,
„Звалъ строкой, противно званію...
„Подлежитъ сіе къ поданію...“
Крѣпко спитъ-храпитъ Касьянова жена.
Видитъ баба, въ вѣщій сонъ погружена,
Что мужикъ ея хоть пьянъ, а не дуракъ,
Къ двери пятится сторонкою, какъ ракъ,
Незамѣченный чиновникомъ-врагомъ,
И—опять къ кумѣ бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ.

IV.

У кумы же печка топится,
И кума спѣшитъ, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ея румяные
Покупали, не торгуяся,
На калачницу любуяся.
Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорѣлъ совсѣмъ у кумушки калачъ.
Самъ Касьянъ былъ въ этомъ горѣ виноватъ:
Онъ къ кумѣ своей явился не впопадъ,
Онъ засталъ съ дружкомъ измѣнницу-куму,
Потому что, потому что, потому...

* * *

—„Ахъ ты, кумушка-разлапушка,
А зачѣмъ съ тобой Потапушка?
Всѣхъ людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.
Для Потапа безобразника
Нынче вовсе нѣту праздника!“
Молодецки засучивши рукава,
Говоритъ Потапъ обидныя слова:
—„Именинника поздравить мы не прочь.

Ты куму мою напрасно не порочь!"
А кума кричитъ:—„Ударь его, ударь!
Засвѣти ему фонарь, фонарь, фонарь".

V.

Темной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снѣгомъ улица;
А на улицѣ Варваринской
Спитъ... мертвецъ, мужикъ комаринскій.
И, идя изъ храма Божія,
Усмѣхаются прохожіе.
Но нашелся, наконецъ, изъ нихъ одинъ,
Добродѣтельный, почтенный господинъ,
На Касьяна сердобольно посмотрѣлъ.
—„Вишь налопался до чёртиковъ, пострѣлъ!—
И потыкалъ нѣжно тросточкой его.—
Да ужь онъ совсѣмъ... того, того, того!"

Два лица оффиціальныя
На носилки погребальныя
Положили именинника.
Изъ кармана два полтинника
Вдругъ со звономъ покатилися
И... сквозь землю провалилися.
Засіяло у хожалыхъ рожество:
Имъ понравилось такое колдовство.
И съ носилками идутъ они смѣлѣй,—
Будетъ имъ ужо на водку и елей;
Марта перваго придутъ они домой,
Прогулявши ночь... съ кумой, съ кумой, съ кумой.

И. С. Тургеневъ.

Гроза промчалась.

Гроза промчалась низко надъ землею...
Я вышелъ въ садъ; затихло все кругомъ—
Вершины липъ облиты мягкой мглою,
Обагрены живительнымъ дождемъ,
А влажный вѣтръ на листья тихо дышетъ...
Въ тѣни густой летаетъ тяжкій жукъ;
И какъ лицо заснувшихъ томно пышетъ,
Пахучимъ паромъ пышетъ темный лугъ.
Какая ночь! Большія, золотыя
Зажглися звѣзды... воздухъ свѣжъ и чистъ;
Стекаютъ съ вѣтокъ капли дождевыя,
Какъ будто тихо плачетъ каждый листъ.
Зарница вспыхнетъ... Поздній и далекій
Промчится громъ—и слабо прогремитъ...
Какъ сталь блеститъ, темнѣя, прудъ широкій—
А вотъ и домъ передо мной стоитъ.
И при лунѣ таинственныя тѣни
На немъ лежатъ недвижно... вотъ и дверь;
Вотъ и крыльцо—знакомыя ступени...
А ты... гдѣ ты? что дѣлаешь теперь?
Упрямые, разгнѣванные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревогу,
Спокойная, на любящей груди?

Иль и теперь горитъ душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигдѣ?
И все живешь, всѣмъ сердцемъ изнывая,
Въ давно пустомъ и брошенномъ гнѣздѣ?

Къ ***.

Черезъ поля къ холмамъ тѣнистымъ
Промчался ливень... Небо вдругъ
Свѣтлѣетъ... Блескомъ водянистымъ
Блеститъ зеленый ровный лугъ.
Гроза прошла... Какъ небо ясно!
Какъ воздухъ звученъ и душистъ!
Какъ отдыхаетъ сладострастно
На каждой вѣткѣ каждый листъ!
Оглашено раздольнымъ звономъ
Раздолье мирное полей...
Пойдемъ гулять въ лѣсу зеленомъ,
Пойдемъ, сестра души моей.
Пойдемъ, о ты, о другъ единый,
Любовь послѣдняя моя,
Пойдемъ излучистой долиной
Въ нѣмыя, свѣтлыя поля!
И тамъ, гдѣ жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдетъ, пылая,
Надъ успокоенной землей,—
Позволь сидѣть мнѣ молчаливо
У ногъ возлюбленныхъ твоихъ...
Позволь рукѣ твоей стыдливо
Коснуться робкихъ устъ моихъ.

---

* * *

Когда давно забытое названье
Расшевелитъ во мнѣ внезапно, вновь,
Уже давно затихшее страданье,
Давнымъ-давно погибшую любовь,—

Мнѣ стыдно, что такъ медленно живу я,
Что этотъ хламъ хранитъ душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцѣлуя,
Что ничего не забываю я.

Мнѣ стыдно, да; а тамъ мнѣ грустно станетъ,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь ужь не обманетъ,
Что до конца я сердце сберегу,—

Что вправѣ я отринуть горделиво
Всѣ прежнія, далекія мечты,—
Все, что въ душѣ цвѣтетъ такъ боязливо,
Какъ первые, весенніе цвѣты?

И грустно мнѣ, что то воспоминанье
Я былъ готовъ презрѣть и осмѣять...
Я повторю знакомое названье,—
Въ былое весь я погруженъ опять.

Весенній вечеръ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землей;
Поля просторныя, нѣмыя
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины,

Вдали гремитъ весенній громъ,
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зеленый, темный лѣсъ молчитъ.
Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,—
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

---

* * *

Откуда вѣетъ тишиной?
Откуда мчится зовъ?
Что дышетъ на меня весной
И запахомъ луговъ?
Чего тебѣ, душа моя,
Внезапно стало жаль,
Скажи: какую вспомнилъ я
Любимую печаль?
Но все былое, Боже мой,
Такъ бѣдно, такъ темно...
И то, надъ чѣмъ я плакалъ,—мной
Осмѣяно давно.
Невѣжда самъ, среди другихъ
Забывчивыхъ невѣждъ,
Любуюсь гибелью своихъ
Восторженныхъ надеждъ.
Но все же тихъ и тронутъ я,—
Съ души сбѣжала тѣнь,
Какъ будто тоже для меня

Насталъ волшебный день,
Когда на деревѣ нагомъ,
И соченъ, и душистъ,
Согрѣтый ласковымъ лучомъ,
Ростетъ весенній листъ...
Какъ будто сердцемъ я воскресъ
И волю далъ слезамъ
И, задыхаясь, въ темный лѣсъ
Бѣгу по вечерамъ...
Какъ будто я люблю, любимъ,
Какъ будто ночь близка...
И тополь подъ окномъ однимъ
Киваетъ мнѣ слегка...

* * *

Брожу надъ озеромъ... туманны
Вершины круглыя холмовъ,
Темнѣетъ лѣсъ и звучно-странны
Ночные клики рыбаковъ.

Полна прозрачной, ровной тѣнью
Небесъ нѣмая глубина...
И дышетъ холодомъ и лѣнью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за яркимъ, знойнымъ,
О сердце!—за тревожнымъ днемъ,—
Когда же ты заснешь спокойнымъ,
Пожалуй, хоть послѣднимъ сномъ?

Крокетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору...
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру;
Ту крокетъ игру называютъ.
Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло...
Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
Умолкла... лицо поблѣднѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной,
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей...
На лицахъ слѣды истязаній,
И звѣрскихъ обидъ, и звѣриныхъ когтей—
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

И вотъ королевина младшая дочь—
Прелестная дѣва—катаетъ
Одну изъ головъ—и все далѣе, прочь,
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ;
Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ
И ротикъ лепечетъ укоры...
И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

„Мой докторъ! На помощь! скорѣй!“ И ему
Она повѣряетъ видѣнье...
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему;
Газетъ васъ разстроило чтенье.
Толкуетъ тамъ *Times*, какъ болгарскій народъ
Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...

Вотъ капли... примите... все это пройдетъ!"—
И въ замокъ идетъ королева.

Вернулась домой и въ раздумьи стоитъ...
Склонились тяжелыя вѣжды...
О, ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британскія рѣки!"
—Нѣтъ, ваше величество! Вамъ ужь не смыть
Той крови невинной во вѣки!

Ѳ. И. Тютчевъ.

Два голоса.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчатъ въ вышинѣ;
Подъ вами могилы, молчатъ и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги:
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердецъ...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!
Надъ вами безмолвные звѣздные круги,
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердецъ.
Кто, ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ...

---

* * *

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,

Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

---

* * *

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!...

Два единства.

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши
Кровь льется черезъ край, и Западъ тонетъ въ ней.
Кровь хлынетъ и на васъ, друзья и братья наши,—
Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй...

„Единство,—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,—
Быть можетъ спасено желѣзомъ лишь и кровью“.
Но мы попробуемъ спаять его любовью,—
А тамъ увидимъ, что прочнѣй.

---

* * *

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать,—
Въ Россію можно только *вѣрить*.

Народный праздникъ.

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы...
Но старыя гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

---

* * *

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,

Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

---

* * *

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужь пусто все,—просторъ вездѣ,—
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

---

* * *

Такъ, въ жизни есть мгновенія,
Ихъ трудно передать,
Они самозабвенія
Земнаго благодать.
Шумятъ верхи древесные
Высоко надо мной

И птицы лишь небесныя
Бесѣдуютъ со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло такъ далеко,
Все мило-невозможное
Такъ близко и легко...
И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И миръ въ моей груди,
Дремотою обвѣянъ я...
О, время, погоди!

Восходъ солнца.

Молчитъ сомнительно востокъ.
Повсюду чуткое молчанье:
Что это: сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ?

Чуть-чуть бѣлѣетъ темя горъ,
Еще въ туманѣ лѣсъ и долы,
Спятъ города и дремлютъ селы...
Но къ небу подымите взоръ,

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдѣя,
Она все ярче, все живѣе,—
Вся разгорается она!

Еще минута, и во всей
Неизмѣримости эѳирной
Раздастся благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

---

* * *

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длиннѣе съ горъ ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака,
Ужь поздно. Вечерѣетъ день.

Но мнѣ не страшенъ мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня,—
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!...

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Какъ рѣшить:
Небесный ты или земной—
Воздушный житель,—можетъ быть,—
Но съ страстной женскою душой!

---

* * *

Я очи зналъ,—о, эти очи!
Какъ я любилъ ихъ—знаетъ Богъ!
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслажденье—утомленный
И какъ страданье—роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

---

* * *

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй—
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

---

* * *

Когда дряхлѣющія силы
Намъ начинаютъ измѣнять,
И мы должны, какъ старожилы,
Пришельцамъ новымъ мѣсто дать,—

Спаси тогда насъ, добрый геній,
Отъ малодушныхъ укоризнъ—
Отъ клеветы, отъ озлобленій
На измѣняющую жизнь;

Отъ чувства затаенной злости
На новый современный міръ,
Гдѣ новые садятся гости
За уготованный имъ пиръ;

Ото всего, что тѣмъ задорнѣй,
Чѣмъ глубже крылось съ давнихъ поръ—
И старческой любви позорнѣй
Сварливый старческій задоръ;

Отъ желчи горькаго сознанья,
Что насъ потокъ ужь не несетъ
И что другія есть призванья,
Другіе вызваны впередъ.

А. А. Фетъ.

Туманное утро.

Какъ первый золотистый лучъ
Межь бѣлыхъ горъ и сизыхъ тучъ
Скользитъ уступами съ вершинъ
На темя башенъ и руинъ,
Когда въ долинахъ, полныхъ мглой,
Туманъ недвижимъ голубой,
Пусть твой восторгъ во мглу сердецъ
Такой кидаетъ свѣтъ, пѣвецъ!
И какъ у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,—
Когда еще палящихъ крылъ
Полудня вѣтеръ не раскрылъ
И влажный вздохъ, туманъ ночной
Межь небомъ дѣлитъ и землей,—
Росинка катится съ листа,
Пусть будетъ пѣснь твоя чиста.

---

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.

Я жду... Темносинее небо
И въ мягкихъ и крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая, прости!

---

* * *

Уснуло озеро, безмолвенъ черный лѣсъ,
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой;
Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ,
Пустивъ широкій кругъ бѣжать по влагѣ гладкой.
Какъ тихо... каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на водѣ русалки колыхаютъ.

На кораблѣ.

Летимъ! туманною чертою
Земля отъ глазъ моихъ бѣжитъ.
Подъ непривычною стопою,
Вскипая бѣлою грядою,
Стихія чуждая дрожитъ.

Дрожитъ и сердце, грудь заныла.
Напрасно моря даль свѣтла,
Душа въ тотъ кругъ уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заранѣ
Тотъ день, когда безъ корабля
Помчусь въ воздушномъ океанѣ,
И будетъ исчезать въ туманѣ
За мной родимая земля.

---

* * *

Какая ночь! на всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной, полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май.

Какая ночь! всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ;
Онѣ дрожатъ. Такъ дѣвѣ новобрачной
И радостенъ, и чуждъ ея уборъ.

Нѣтъ, никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о ночь, не могъ меня томить;
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной и послѣдней, можетъ быть.

---

* * *

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Вешнихъ дней минутны грозы,
Воздухъ чистъ, свѣжѣй листы...
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

---

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова...
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

Узникъ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ;
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди...
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

---

* * *

Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ.
Люди спятъ; однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей,
И не слышатъ—слышитъ только соловей...
Да и тотъ не слышитъ—пѣснь его громка.
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

Сосны.

Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ
Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ;
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грёзъ,
И трезвый видъ мнѣ ихъ несносенъ.

Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ,
И, неизмѣнныя, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ.

Когда уронитъ лѣсъ послѣдній листъ сухой
И, смолкнувъ, станетъ ждать весны и возрожденья,—
Онѣ останутся холодною красой
Пугать иныя поколѣнья.

Въ саду.

Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ,
Цвѣтущихъ лѣтъ цвѣтущее наслѣдство!
Съ улыбкой горькою я пью твой ароматъ,
Которымъ нѣкогда мое дышало дѣтство.

Густыя липы тѣ-жь, но заросли слова,
Которыя въ тѣни я вырѣзалъ искусно;
Хватаетъ за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что тамъ въ лѣсу мнѣ будетъ грустно.

Какъ будто съ трепетомъ здѣсь каждаго листа
Моя пробудится и затрепещетъ совѣсть,
И станутъ лепетать знакомыя мѣста
Давно забытую, оплаканную повѣсть.

И скажутъ: „Помнимъ мы, какъ ты игралъ и росъ,
Мы помнимъ, какъ потомъ, въ послѣдній часъ разлуки,
Вѣнкомъ изъ молодыхъ и благовонныхъ розъ
Тебя здѣсь нѣжныя благословляли руки.

Скажи: гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?
Однѣ я раздарилъ съ безумствомъ и тоской,
Другія растерялъ—и всѣ онѣ увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца.
Я радъ... и радости вполнѣ вкусить не смѣю;
Стою какъ блудный сынъ передъ лицомъ отца,
И плакать бы хотѣлъ—и плакать не умѣю.

Старый паркъ.

Сбирались умирать послѣдніе цвѣты
И ждали съ грустію дыханія мороза;
Краснѣли по краямъ кленовые листы,
Горошекъ отцвѣталъ и осыпалась роза.

Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы;
Однообразный свистъ лишь слышенъ снѣгиря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Бесѣдка старая надъ пропастью видна.
Вхожу. Два льва безъ лапъ на лѣстницѣ встрѣчаютъ...
Полузатертыя, чужія имена,
Сплетаясь межъ собой, въ глазахъ моихъ мелькаютъ.

Гляжу. У ногъ моихъ отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины,

И горная тропа, размытая водой,
Віясь какъ желтый змѣй, бѣжитъ на дно долины.

И солнце вырвалось изъ тучи—и лучи,
Блеснувъ какъ молнія, въ долину долетѣли.
Отсюда вижу я, какъ бьютъ въ прудѣ ключи
И надъ травой стоятъ недвижныя форели.

Одинъ. Ничьихъ шаговъ не слышу за собой,
Въ душѣ уныніе, усиліе во взорѣ.
А тамъ, за соснами, какъ куполъ голубой,
Стоитъ безстрастное, безжалостное море!

Какъ чайка, парусъ тамъ бѣлѣетъ въ высотѣ,
Я жду, потонетъ онъ, но онъ не утопаетъ,
И медленно скользя по выгнутой чертѣ,
Какъ волокнистый слѣдъ пропавшей тучки таетъ.

Муза.

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованныхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій,
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій.
По волѣ Піеридъ, съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Муза молодость иную указала:

Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти и серебристыхъ грёзъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

---

* * *

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышетъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межь кургановъ
Темносѣрою змѣей
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной

Къ безотчетному веселью.
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

Ива.

Сядемъ здѣсь у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!

А подъ ивой какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты...
Мягче взоръ твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты.

Знакомкѣ съ юга.

На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга,
Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
Ты мнѣ привѣтъ отрадный принесла.
Но холодомъ полночнымъ все убило,
Что сердце тамъ такъ искренно любило
И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, какъ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающій дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителенъ и жгучъ,
Гдѣ дышетъ ночь невыразимой тайной,
И теплятся надъ спящею Украйной
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ-за тучъ,

И грезитъ прудъ и дремлетъ тополь сонной,
Вдоль тучъ скользя вершиной заостренной,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы заодно.
И грудь дрожитъ отъ страсти неминучей,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно.

Отвѣтъ Тургеневу.

Поэтъ! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любимъ родину съ тобой?
Зачѣмъ въ разлукѣ съ ней, наперокоръ злословью,
Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью
По красотѣ ея родной?

Что-жь! пусть весна у насъ позднѣе и короче,
Но вотъ дождались, наконецъ:
Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй не меркнущія ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ.

Вчера я шелъ въ ночи и помню очертанье
Багряно-золотистыхъ тучъ.
Не могъ я разгадать: то яркое сіянье—
Вечерней ли зари послѣднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Какъ будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица сѣвера спала,
Подъ обаяньемъ сна горда и неизмѣнна,
И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
Какъ ясновидящая шла.

Не вѣрилося мнѣ, а взоры различали,
Скользя по ясной синевѣ,

Чьи корабли вдали на рейдѣ отдыхали,
А воды, не струясь, подъ ними отражали
Всѣ флаги пестрые въ Невѣ.

Заныла грудь моя, но въ думахъ окрыленныхъ
Съ тобой мы встрѣтилися, другъ!
О, вѣрь, что никогда въ объятьяхъ раскаленныхъ
Не могъ такихъ ночей вполнѣ разоблаченныхъ
Лелѣять сладострастный югъ.

Е. П. К—у.

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты съ язвительной улыбкой
На благородный подвигъ свой.

Судьба тебя тоской непраздной истерзала,
Въ измученной груди волшебный голосъ живъ;
Въ немъ слышенъ жаръ любви, въ немъ жажда идеала
И сердца смѣлаго порывъ.

Такъ навсегда простясь съ родимою скалою,
Затерянный въ пескахъ разсыпчатыхъ степей,
Встрѣчаетъ путниковъ, томящихся отъ зноя,
Изъ камня брызнувшій ручей.

У камина.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ,
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

Музѣ.

Надолго ли опять мой уголъ посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой съумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный,
Пой, добрая! Въ тиши признаю голосъ твой
И стану, трепетный, колѣнопреклоненный,
Запоминать стихи, пропѣтые тобой.

Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вѣчно дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать.

Пошли, небесная, ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ сновъ и славы и любви,
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ,
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

---

* * *

Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной!
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Доброю няней, прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей разцвѣтетъ!
Можетъ быть, сердце утихнетъ больное
II какъ дитя въ колыбели уснетъ.

К. М. Фофановъ.

Три блага.

Три блага въ міръ намъ небо ниспослало,
Чтобъ услаждать печальныя сердца,
Но, милый другъ, ихъ свѣтлое начало
Насъ быстро мчитъ до горькаго конца.

Намъ въ мірѣ лжи въ усладу посланъ геній,—
И юностью людьми зовется онъ,—
Въ лучахъ, въ цвѣтахъ и въ вихрѣ наслажденій
Мелькнетъ, блеснетъ—и скроется, какъ сонъ!

Намъ въ мірѣ тьмы спасительной звѣздою
Горятъ мечты,—счастливыя мечты,—
Но опытъ злой жестокою грозою
Ихъ опалитъ волшебные цвѣты.

Еще любовь дана во благо міру;
Она свѣтла, подобна божествамъ,
Даритъ восторгъ и сладостную лиру;
Но, милый другъ,—и та наскучитъ намъ!

* * *

Мнѣ все равно, куда направить путь—
Въ геенну золъ иль къ небу голубому;
Такъ облачко спѣшитъ куда-нибудь,

Подъ солнцемъ золотя кочующую грудь,
Не зная пристани и дому!
Его волна морская родила
Въ палящій зной, лобзаяся съ лучами,
И, въ часъ утра, туманомъ вознесла
На небеса—слѣдить полетъ орла
И воздухъ ткать вечерними тѣнями.
Надъ гладью нивъ, надъ зеркаломъ озеръ
Оно равно растаетъ и прольется,
И окропитъ волнующійся боръ,
И побѣжитъ ручьемъ со скатовъ горъ,
И вновь съ морской волной сольется!
И я плыву невѣдомо куда!
Я, вѣчностью заброшенный случайно
Въ нашъ гнѣвный міръ, въ міръ скорби и стыда,
Какъ облако, растаю безъ слѣда
И съ вѣчностью опять сольюсь, какъ тайна.

---

* * *

Забытою весной пахнуло на меня.
Я вновь у свѣтлыхъ чаръ во власти;
Душа моя полна мятежнаго огня,
Полна избыткомъ чистой страсти.
Забытая весна, съ ея роскошнымъ сномъ,
Съ ея веселыми лучами,
Въ дождливый вечеръ мнѣ мерцаетъ за окномъ
И тихо рѣетъ надъ мечтами.
И сердце, какъ струна, и плачетъ, и поетъ,
И вдругъ томится болью жгучей,
И трепетно дрожитъ, какъ лоно синихъ водъ
Подъ набѣгающею тучей.

Наканунѣ зимы.

Еще на вѣткѣ помертвѣлой
Дрожитъ, какъ сказочный коралъ,
Багряный листъ, но иней бѣлый
Ужь кровли блестками убралъ...
Недолго ждать!—ручей прозрачный
Замедлитъ свой журчащій бѣгъ
И на него фатою брачной
Небрежно ляжетъ первый снѣгъ.
И солнце алое въ туманѣ,
Какъ факелъ, къ намъ заглянетъ въ садъ,
На строй хрустальныхъ колоннадъ
И на глазетовыя ткани.
Ты скажешь: дѣдушка-морозъ,
Колдуя въ полночь, осыпаетъ
Чело поникнувшихъ березъ
И прядь серебряныхъ волосъ
Въ ихъ вѣтки мертвыя вплетаетъ.
Ты скажешь: фей разнообразныхъ
Здѣсь хороводъ въ ночи вился
И съ ожерелій ихъ алмазныхъ
Упали перлы на лѣса.
И не подумаешь, что злобно
Здѣсь ночью снѣжная метель
Съ своею пѣснею надгробной
Стлала холодную постель;
Что бѣдныхъ странниковъ знобила,
Что въ эту ночь не одного
Она подъ снѣгомъ схоронила,
Сама не зная для чего...

* * *

Отзвучали струны сердца,
Догорѣли краски дня;
Нѣтъ огней въ природѣ сонной,
Нѣтъ въ душѣ моей огня.

Только гдѣ-то сиротливо
Въ блѣдномъ сонмѣ думъ моихъ
Брежжетъ свѣтъ воспоминанья,
Какъ звѣзда небесъ ночныхъ.

И томительно, и сладко
Воскресаютъ предо мной
Слезы прежняго страданья,
Пѣсни радости былой...

Такъ послѣднимъ блескомъ тлѣетъ
Подъ золою уголекъ,
Такъ подъ первымъ снѣгомъ дышетъ
Поздней осени цвѣтокъ!

Сонъ монахини.

Не зажгу я лампаду полночную,
Не прочту я вечерній канонъ;
Мою душу мечтою порочною
Взволновалъ заколдованный сонъ.

Онъ мнѣ снился во снѣ неразгаданномъ
Ярче воска пасхальной свѣчи;
Отъ одеждъ его вѣяло ладаномъ,
Отъ лица исходили лучи.

Невидимкой стопою поспѣшною
Онъ проникъ въ мой таинственный скитъ
И смутилъ мою душу безгрѣшную,
И кудрями коснулся ланитъ.

Онъ шепталъ мнѣ съ тоскою глубокою:
„Не живому спать мертвымъ въ гробу,
Въ мірѣ лучшее ждетъ черноокую—
Выходи на любовь и борьбу!—

Въ міръ, гдѣ плачутъ сердца благородныя
И страдаютъ во имя любви!
О, покинь эти стѣны холодныя,
Сбрось печальныя ризы свои!"

Онъ умолкъ—и въ лазурь безпредѣльную
Упорхнулъ, точно розовый сонъ...
Не зажгу я лампаду келейную,
Не прочту я вечерній канонъ!...

Два міра.

Тамъ—бѣлыхъ фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанья и мечты;
А здѣсь—борьба за призраки свободы,
Здѣсь горькій плачъ и стоны нищеты!
Тамъ—свѣтъ небесъ и радуженъ, и миренъ,
Тамъ въ храмахъ лучъ негаснущей зари;
А здѣсь—ряды развѣнчанныхъ кумиренъ,
Потухшіе безмолвно алтари...
То—край пѣвцовъ возвышенныхъ, какъ боги,
То міръ чудесъ, любви и красоты...
Здѣсь—злобный міръ безумья и тревоги.
Пѣвцовъ борьбы, тоски и суеты...

Памяти Байрона.

Ропталъ въ немъ демонъ, плакалъ богъ!
Онъ самъ себя понять не могъ
И—жертва слабая страстей—
Онъ проклиналъ за страсть людей.
И, самъ безумство, самъ порокъ,
Въ другихъ простить онъ ихъ не могъ.
Гдѣ-бъ ни былъ онъ: на высяхъ горъ,
Гдѣ отдыхаетъ гнѣвный взоръ
На лучезарной синевѣ
Съ мечтой о близкомъ божествѣ;
Среди ли волнъ, гдѣ влажный шумъ
Воспламеняетъ гордый умъ
И, раскрывая бездны водъ,
Смѣяся, къ демону влечетъ;
Или на пиршествахъ ночныхъ
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Гдѣ въ знойно-пышущей тѣни
Мерцаютъ поздніе огни,
Блѣднѣя въ зависти нѣмой
Передъ забрезжившей зарей,—
Вездѣ онъ былъ самимъ собой:
Ревнивый, гнѣвный иль больной!
И въ пору свѣтлую любви,
И въ годы мрачные свои,
Въ безсильи мукъ, въ тоскѣ стыда,
Не забывалъ онъ никогда
Завѣтныхъ струнъ—и ихъ аккордъ,
Угрюмъ, властителенъ и гордъ,
Онъ вдохновенно заключалъ
Все, что любилъ и проклиналъ...
Гордися, міръ! Онъ—лучшій грѣхъ
Изъ всѣхъ грѣховъ твоихъ! Изъ всѣхъ
Твоихъ мятущихся сыновъ

Во мглу задумчивыхъ вѣковъ
Онъ горделивѣй и смѣлѣй
Глядитъ изъ вѣчности своей!

Весенній дождь.

Я узналъ весну по блеску голубому
Томныхъ, какъ мечта, задумчивыхъ ночей;
Но въ душѣ лелѣя тайную истому,
Я боюсь весны болѣзненныхъ очей;
Отъ ея безмолвныхъ и пытливыхъ взоровъ
Въ сердцѣ, подымаясь, воскресаютъ вновь
Тѣнь былыхъ обидъ и боль былыхъ укоровъ,—
Все, что сердце жгло, что волновало кровь.

Я завѣсилъ окна темной пеленою,
Растопилъ каминъ и свѣчи я зажегъ,
Чтобъ спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая въ теплый уголокъ.
Надъ весной побѣду торжествуя, грёзы
Снова рисовали сердцу моему
Въ инеѣ пушистомъ бѣлыя березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрипъ саней по снѣгу и на снѣгѣ тѣни,
Дымъ, изъ трубъ бѣгущій медленнымъ столбомъ,
И недвижный воздухъ, полный мертвой лѣни,—
Но не долго былъ я очарованъ сномъ.

За окномъ шумливо что-то зазвенѣло,
Точно кто-то юный крылья развернулъ,
И ворвался въ сердце празднично и смѣло
Пробужденной ночи благозвучный гулъ.
Я узналъ, что̀ это за окномъ рокочетъ,
Что̀ стучится въ стекла: это дождь весны!

Онъ звенитъ и плачетъ, онъ поетъ и хочетъ
Властно развѣнчать обманчивые сны.
О, какъ страстно сердце сжалось болью жгучей,
И какъ тускло пламя вкрадчивыхъ свѣчей!
Я открылъ окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утреннихъ лучей,
За плетнемъ осины подъ дождемъ блестѣли...
Жгучей влагой слезъ туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенѣли
И весенней каплей канула слеза...

---

* * *

Печально верба наклоняла
Зеленый локонъ свой къ пруду,
Земля въ томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звѣзду.

Сіяло небо необъятно
И въ немъ, какъ стая легкихъ сновъ,
Скользили розовыя пятна
Завечерѣвшихъ облаковъ.

Молчалъ я, полнъ любви и муки;
Въ моей душѣ, какъ облака,
Роились сны, тѣснились звуки
И пѣла смутная тоска.

И мнѣ хотѣлось въ то мгновенье
Живою пѣснью воскресить
Все, перешедшее въ забвенье,
И незабвенное забыть!...

Отошедшимъ.

Отходятъ старые глашатаи свободы
Подъ своды вѣчные, подъ гробовые своды—
И лавры провожаютъ ихъ,
И смерти торжеству внимаетъ скорбь живыхъ!

Они родилися въ мятущіеся годы,
Въ дни предразсудковъ роковыхъ,
Въ тѣ дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мракъ отчизны дорогой...
При нихъ порвалися гнилаго рабства звенья,
Отъ нихъ повѣялъ духъ благаго просвѣщенья
Надъ пробужденною страной.
Понятна ихъ борьба, разумна ихъ тревога,
Благословенъ ихъ трудный путь...
Страдая и любя, они творили много,
Ихъ есть чѣмъ помянуть!

А мы,—мы, робкое, больное поколѣнье,
Смиривъ въ своихъ сердцахъ пытливое волненье,
Мы все хотимъ простить и все благословить!
Но цѣль потеряна, кумиръ давно разрушенъ...
Мы къ міру холодны, и міръ къ намъ равнодушенъ.
Мы не умѣемъ жить!

С. Г. Фругъ.

* * *

Не осуждай меня за слово укоризны,
Что вырвется изъ устъ моихъ порой...
Въ семьѣ рабовъ, у мачихи-отчизны,
Я выросъ безпріютнымъ сиротой...

Когда тебя рукой, заботливой и нѣжной,
Водила мать въ зеленыя поля,
И радостью живой и безмятежной
Дышала грудь свободная твоя,—

Въ заброшенномъ углу, на камнѣ подъ заборомъ,
Въ конурѣ пса забытый я лежалъ,
И надъ моимъ глумился ты позоромъ,
И надъ моею мукой хохоталъ...

Съ мечомъ ли воина, въ десницѣ всепобѣдной,
Съ вѣсами-ль правосудія въ рукахъ,
Во храмѣ ли науки заповѣдной,
Съ молитвой ли смиренной на устахъ,—

Все тотъ же ядъ вражды и ненависти жгучей
Ты въ грудь мою рукой жестокой лилъ...
О, сколько силы свѣжей и могучей
Во мнѣ ты этимъ ядомъ задушилъ!...

Когда-жь, измучившись, не грозный вызовъ мщенья,—
О, нѣтъ!—а лишь упрека полный взоръ,
Подъ гнетомъ долгой скорби и мученья,
Тебѣ порою брошу я въ укоръ,—

Пойми, пойми тогда, какъ я скорблю глубоко,—
Мучительной тоскѣ излиться дай,
И за слова невольнаго упрека
Не осуждай, не осуждай!...

Изъ древнихъ сказаній.

Чрезъ рощу, топорами нагруженный,
Тащился возъ, грохоча и скрипя.
Полдневный лучъ игралъ на стали закаленной,
Сверкая и дробясь о грани острія.
И вмигъ, заслыша звонъ враждебной стали,
Шумя въ испугѣ нѣжною листвой,
Березки молодыя задрожали,
Предвидя близость смерти роковой.
Но старая сосна, питомица столѣтій,
Промолвила березкамъ молодымъ:
„Чего страшитесь вы? Зачѣмъ дрожите, дѣти,
Предъ звукомъ стали мертвымъ и пустымъ?
Пусть много, много насъ легло подъ топорами,—
Враги не страшны будутъ вамъ,
Покуда дерева вы не дадите сами
Для рукоятокъ топорамъ...“

Въ капищѣ.

Протяжнѣе звучитъ жрецовъ унылый хоръ;
Стихаетъ баядеръ неистовая пляска;

Усталымъ пламенемъ горитъ ихъ дикій взоръ
И гаснетъ на щекахъ пылающая краска.
Ужь каплетъ медленнѣй душистая смола
Изъ вазы бронзовой на уголь раскаленный,
И тихо крадется таинственная мгла
По нишамъ и угламъ божницы золоченной.
А въ нишахъ по стѣнамъ сидитъ недвижный рядъ
Гранитныхъ идоловъ. Ихъ каменныя очи
Сквозь сумракъ на меня загадочно глядятъ...
Мнѣ жутко въ этой мглѣ, мнѣ душно,—но нѣтъ мочи
Уйти отъ взора ихъ: какой-то тайный страхъ
Уста мои сковалъ. Безъ мысли и безъ слова
Гляжу на лица ихъ, померкшія сурово,—
Гляжу, и мнится мнѣ—на мертвыхъ ихъ устахъ
Улыбка жалости и ѣдкаго презрѣнья
Зазыблилась слегка, застыла безъ движенья,
И шепотъ медленный, какъ мѣрный шумъ дождя
Въ безвѣтріи ночномъ, души моей коснулся:
„...Безумный человѣкъ, безумное дитя!...
Отъ этихъ стѣнъ, какъ цѣпь, далеко протянулся
Столѣтій рядъ: звено послѣднее лежитъ
На паперти того сіяющаго храма,
Гдѣ яркимъ пламенемъ иной алтарь горитъ,
Клубятся облака иного ѳиміама;
И богъ иной царитъ въ могучемъ храмѣ томъ,—
Не идолъ каменный, объятый мертвымъ сномъ,
Безъ власти и безъ силъ, безъ ласки, безъ отвѣта,
Но вѣчный и живой, взирающій кругомъ
Съ улыбкой благостной участья и привѣта,
Богъ мира и любви, богъ истины и свѣта.
Не правда-ль, какъ предъ нимъ и жалокъ, и смѣшонъ
Весь этотъ ветхій міръ, весь блескъ и шумъ, и звонъ,
И наши алтари, и гимны, и куренья?...
Но тамъ, у васъ, скажи, умолкъ ли плачъ и стонъ?
Разсѣянъ ли кошмаръ безсилья и сомнѣнья?

О да! кому-жь грустить, кому же плакать тамъ,
Гдѣ все, что истинно, правдиво и прекрасно,
Такъ близко разуму, такъ дорого сердцамъ,
И взорамъ такъ свѣтло, отчетливо и ясно?
О, тамъ—не правда ли?—и радости свѣтлѣй,
И нѣтъ тамъ ни тоски, ни гнѣва, ни печали?
Скажи,—вѣдь, люди тамъ давно уже познали,
Чѣмъ сдѣлать жизнь свою и шире, и полнѣй?
Какія-жь тамъ должны поля цвѣсти! Какія
Долины зеленѣть, сады благоухать,
И пѣсни звонкія, свободныя, живыя
Въ тѣхъ рощахъ и поляхъ рождаться и звучать!
Скажи... Но что съ тобой? Зачѣмъ въ тоскѣ безплодной
Ты голову склонилъ, вздыхая и грустя?
Ты стонешь... Гдѣ? Предъ кѣмъ? Ты, гордый и свободный,
Ты слезы льешь... На что? На камень нашъ холодный?...
О, бѣдный человѣкъ! О, бѣдное дитя!..."

Жизнь и надежда.

Ты жизнь зовешь бездоннымъ моремъ,
Надежду якоремъ зовешь,—
И вѣришь ты, что море жизни
Съ надеждой мирно проплывешь.

Какою шуткою безумной,
Какой насмѣшкой роковой
И надъ надеждой, и надъ жизнью
Звучитъ, о смертный! голосъ твой:

Когда ты можешь якорь бросить,—
Какъ мелко море предъ тобой!
Когда-жь бездонно это море,—
Что значитъ жалкій якорь твой?...

Вѣстники весны.

Посмотри, въ лазури ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаей суетливой
Рѣютъ вѣстники весны.

Суетливой стаей вьются
И щебечутъ, и шумятъ.
Снѣгъ послѣдній быстро таетъ,
Громы первые гремятъ.

Чьи-то звуки, чьи-то пѣсни
Льются съ радужныхъ высотъ.
Чей-то голосъ, нѣжный, милый,
Въ даль звенящую зоветъ...

Слушай, слушай!... Эти звуки
Съ нивъ, долинъ, лѣсовъ и горъ...
Ахъ, уйти, уйти бы въ поле,
Въ степь, на волю, на просторъ!

Сны послѣдніе развѣять,
Цѣпь послѣднюю порвать...
Крикнуть, свистнуть, грянуть пѣсней,
Засмѣяться... зарыдать!...

---

* * *

Не спѣши, по каплѣ лей,
Но по край наполни чашу,
Лей до края, не жалѣй,—
Выпьемъ, братъ, за юность нашу!
Мы въ одинъ живой вѣнокъ
Лавры съ терніемъ сплетаемъ,
Мы въ одинъ кипучій токъ
Горе съ радостью сливаемъ...

Въ сотняхъ терній, тутъ и тамъ,
Рѣдкій лавръ сіяетъ намъ;
Радость каплей, горе чашей—
Это мѣра жизни нашей...

Но за молодость мы пьемъ,—
Растворите двери шире!
Всѣхъ, кто избраннымъ путемъ
Шелъ спокойно, бодро въ мірѣ,
Всѣхъ подъ кровъ нашъ мы зовемъ,
Всѣмъ на скромномъ нашемъ пирѣ
Чашу полную нальемъ,
Пѣсню звонкую споемъ.
Всѣхъ, кто гордъ, и смѣлъ, и молодъ,
Чьей души, чьего ума
Не объялъ мертвящій холодъ
И губительная тьма
Страха рабскаго, нѣмаго
И сомнѣнья роковаго,—
Всѣхъ подъ кровъ нашъ мы зовемъ!...
Растворите двери шире:
Всѣмъ на скромномъ нашемъ пирѣ
Чашу полную нальемъ,
Пѣсню звонкую споемъ!

Памяти друга.

Туча грозная съ молніей, ливнемъ и градомъ
Пронеслась надъ цвѣтущимъ, ликующимъ садомъ...
И вѣнокъ изъ раздавленныхъ бурею розъ
    На могилу твою я принесъ...
Рано, рано ты легъ въ роковую могилу,
Бѣдный другъ! Безъ щита, безъ брони
Шелъ ты въ бой на могучую силу—

Не дошелъ и погибъ!... А они,
Тѣ бойцы, что единое знамя съ тобою
Поднимали и въ битву единую шли,
И донынѣ не сломаны грозной борьбою:
Труденъ путь ихъ, но въ мрачной дали
Имъ сіяетъ и свѣтитъ заря золотая,
И побѣда, лучи разсыпая вокругъ,
Рветъ душистыя розы, вѣнки имъ сплетая...
Бѣдный другъ!
Та гроза, что волной благодатной, обильной
Изольется на дубъ вѣковой,
Ломитъ подъ-корень колосъ безсильный,
Убиваетъ цвѣтокъ полевой...

---

* * *

Не говорите намъ: „Безсильна правда ваша:
Ужь въ мірѣ уголка такого нѣтъ,
Куда бы ни проникъ ея творящій свѣтъ,
А горькая, губительная чаша
Тлетворной лжи и злобы вѣковой
Еще полна, полна отравой роковой...“
—Безсильна не она, безсмертная, святая,
Безсильны мы, пигмеевъ жалкихъ рой,
Безсиленъ голосъ нашъ, пугливый и глухой,
Чтобъ, адскій хоръ вражды и злобы заглушая,
Въ сердцахъ людскихъ огонь божественный зажечь...
Есть рѣчь, есть молніей сверкающая рѣчь,
Мечомъ архангела пылающее слово:
Изъ устъ пророческихъ и сладко, и сурово
Божественный глаголъ надъ міромъ зазвучитъ.
Внимая властному, могучему глаголу,
И мудрый голову невольно клонитъ долу,
И сильный въ ужасѣ дрожитъ;

Чертоги рушатся, какъ съ дрогнувшей вершины.
По ребрамъ скалъ крутыхъ катящіяся льдины;
Крошится, какъ песокъ, темницъ нѣмой гранитъ;
Какъ лепестки сухихъ вѣнковъ отъ дуновенья,
Безсильно сыплются оковъ стальныя звенья;
И новыхъ думъ огонь горитъ въ душѣ людской,
И новыхъ силъ родникъ потокомъ вольнымъ льется...
Но голосъ тотъ, увы!—могучій и святой—
Въ тысячелѣтье разъ надъ міромъ раздается!...

Не намъ въ ладьѣ своей обтечь
Подъ грозной бурей жизни море
И правды вѣчной на просторѣ
Провозгласить святую рѣчь;
Въ убогій нашъ вѣнецъ ни терній,
Ни лавровъ пышныхъ не вплести.
Намъ пламень искоркой вечерней
Едва мерцаетъ на пути:
Сырая-ль туча пронесется,
Холодный вѣтеръ ли дохнетъ,—
Она замечется, забьется
И безъ слѣда на вѣкъ замретъ...
Но непрерывно, неустанно,
Пока, хоть блѣденъ, одинокъ,
Еще мерцаетъ средь тумана
Нашъ робкій, тусклый огонекъ,
Отдавшись вольному порыву,
Взывать, о братья, будемъ къ вамъ:
Внемлите братскому призыву,
Услышьте насъ, придите къ намъ!
Поднимемъ вмѣстѣ наше бремя,
Неволи рабской тяжкій гнетъ!
Скорбей и бѣдъ не вѣчно время,—
Господня правда къ намъ грядетъ!
Сквозь мракъ и сонъ, сквозь дымъ и пламя

Она несетъ святое знамя
И бичъ возмездія несетъ...
Она придетъ, она разсудитъ...
Она темницы отопретъ
И мертвецовъ отъ сна разбудитъ,
И къ воздаянью призоветъ—
За всѣ печали, скорби, боли,
За каждый день, за каждый мигъ
Невинныхъ слезъ во тьмѣ неволи,
За каждый стонъ, за каждый крикъ...
. . . . . .

Fata morgana.

Не тамъ, гдѣ небеса палящимъ пышутъ зноемъ,
Исполнены нѣмой, безжизненной тоски;
Гдѣ красной пеленой, объятые покоемъ,
Безбрежно стелются горячіе пески;
Не тамъ, гдѣ караванъ, томимый жаждой жгучей,
Уныло тянется по розсыпи горючей,
И смуглый сынъ степей, угрюмый бедуинъ,
Пытливый, чуткій слухъ напрасно напрягаетъ
И, каждый звукъ ловя, съ тоскою озираетъ
Безжизненную ширь сверкающихъ равнинъ,—
Не тамъ, но въ тихій часъ подъ блѣдною зарею,
Въ прохладной, сочной мглѣ пестрѣющихъ долинъ,
Подъ небомъ сѣвера, мнѣ грезится порою
Воздушный сонмъ тѣней и призрачныхъ картинъ...
Прощайте всѣ, съ кѣмъ пилъ я чашу круговую
За славу шумную, вѣнки и алтари:
Отъ грезъ моихъ былыхъ иду я въ даль нѣмую,
Иныхъ ищу цвѣтовъ, я жду иной зари...
Иная грезится мнѣ слава—тамъ, за далью

Невѣдомыхъ равнинъ... Не пламенемъ и сталью,
Не силой куплена, жестокой и слѣпой:
Въ скрижаляхъ мудреца, въ созвучіяхъ поэта
Великой вѣстницей добра, свободы, свѣта
Является она предъ чуткою толпой.
Вѣнокъ ея сплетенъ не изъ цвѣтовъ могильныхъ,
Не надъ обломками возносится она,
Есть слуги у нея, но нѣтъ рабовъ безсильныхъ,
Молитва есть безъ слезъ, веселье безъ вина...
Не шуменъ пиръ ея, но вольная дорога
Ведетъ къ ея столу. Не спрашиваютъ тамъ:
Гдѣ родина твоя? Въ какого вѣришь бога?
Кому служилъ твой мечъ, курился ѳиміамъ?...
—Придите всѣ, кто жилъ, со зломъ и тьмою споря,
Кто, къ истинѣ стремя всѣ помыслы свои,
Хоть каплю счастья влилъ въ потокъ людскаго горя,
Хоть малое свершилъ для правды и любви!...

И вотъ, идутъ они—съ восхода и заката,
Съ полуденныхъ полей, отъ сѣверныхъ снѣговъ,
И въ шумномъ хорѣ ихъ я слышу голосъ брата,
Освобожденнаго отъ вѣковыхъ оковъ...
И онъ идетъ туда!... И онъ...
Увы! я знаю,
Далекъ и, можетъ быть, несбыточенъ мой сонъ,
Но, Боже! этимъ сномъ я жизнь свою питаю,
Когда и мракъ, и смерть ползутъ со всѣхъ сторонъ...
Какъ свѣтлый херувимъ на сумрачныхъ могилахъ,
Мечта завѣтная встаетъ передо мной...
Не дай же ей сойти съ небесъ моихъ унылыхъ,
Не дай померкнуть ей въ душѣ моей больной!...

Н. Д. Хвощинская

(В. Крестовскій-псевдонимъ.)

* * *

Подъ шумъ заботы ежедневной
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ чувства наши непонятны,—
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно...

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ...
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подчасъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать,—

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей,
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?...

Мечты, желанья!... О, Богъ съ ними,
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

---

* * *

Нѣтъ, я не назову обманомъ
Того, чѣмъ жизнь сказалась мнѣ...
Надъ моремъ жизни нѣтъ тумана:
Все видно на прозрачномъ днѣ.
Въ него, въ раздумьи не гадая,
Руки не опускала я,
И перловъ не искала, зная,
Что перлы тѣ не для меня.
Покорно, безотвѣтно ими
Я любовалась на другой,
Благоговѣя, какъ рабыня,
Передъ нарядной госпожой.

---

* * *

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,

Враждебной тьмы прогнать не могъ,
Мы усомнились въ немъ—и пали
Въ смятеньи въ прахъ на нашъ порогъ...
И слышны крики ликованья
Надъ потрясенною землей...
Мы говоримъ: ужель мечтанья
Все, что признали мы душой?
Мы заблуждалися, мы люди...
Не благо-ль то, что свершено?
Тому ли мы взывали: „буди!"
Что въ этомъ мірѣ быть должно?...
И только вопль враговъ неясный
Ихъ торжествомъ не заглушенъ,
Намъ говоритъ: споръ не напрасный!
Мужайтесь! Онъ не разрѣшенъ!...

---

* * *

Свой разумъ искусивъ не разъ
И сердце вопросивъ съ участьемъ,
Мы знаемъ, все прошло для насъ
И даже не къ лицу намъ счастье.

Мы знаемъ, что напрасно ждемъ;
Одно прошло, пройдетъ другое,
И—хоть съ печалью—сознаемъ
Благоразуміе покоя.

Мы знаемъ, путь нашъ недалекъ,
Но все душа мечты ласкаетъ...
Такъ иногда дитя въ песокъ
Цвѣты увядшіе сажаетъ.

А. С. Хомяковъ.

Русская пѣсня.

Гой красна земля Володиміра!
Много селъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люда въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.
Гой красна земля Володиміра!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули:
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ,
Послужили тебѣ службу крѣпкую.
Службу бо̀льшую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль, въ степяхъ, мужички пошли,
Мужички пошли все богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ до̀бычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль, въ судахъ, правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные,—
Правда въ слушаньи, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва:
Что и синяго неба не выглядѣть,

Что и синяго моря не вычерпать—
То красна земля Володиміра.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!
Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнью, свѣтитъ радостью,
Блещутъ главы церквей золоченыя,
А Господнихъ слугъ да молельщиковъ,
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ!

Двѣ пѣсни.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны;
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны
И мысль моя въ груди безмолвно спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь роднаго края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ, и горести полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія метели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ, и друзей!

Мечта.

О грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Островъ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.

Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смирененъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой;
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ
И, ласкаясь, обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.
Дочь любимая природы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой

Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ,
Блескъ твой, злато, багряница—
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ!
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать,
И, забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ...

Россіи.

„Гордись!—тебѣ льстецы сказали,—
Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стали,
Полміра взявшая мечомъ!
Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ
И, прихотей твоихъ раба,
Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
Тебѣ покорная судьба.
Красны степей твоихъ уборы,
И горы, въ небо упершись,
И какъ моря твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ!
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ!...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь, въ славѣ ты чудесной,
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный—
Прозрачный Вышняго покровъ!

Вечерняя пѣснь.

Солнце сокрылось, дымятся долины;
Медленно сходятъ къ ночлегу стада:
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсни сольемъ голоса:

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.
Господи! путь нашъ межь камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты—свѣтъ невечерній—
Насъ осіяй!

Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ—
Всюду сіяніе солнца Святаго,
Божія Мудрость и Сила, и Слово...
Слава Тебѣ!“

Раскаявшейся Россіи.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идешь на Божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!"

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой.
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Nachtstück.

Сумракъ вечерній тихо взошелъ,
Мѣсяцъ двурогой звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.
Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевой,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ же свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

Кн. Д. Н. Цертелевъ.

* * *

Скользилъ нашъ челнъ, шуршалъ высокій очеретъ;
А вѣтви съ берега склонялись
Надъ свѣтлымъ зеркаломъ прозрачныхъ, сонныхъ водъ,
Шептали тихо и качались.

И небо синее, и чащу камышей,
И этотъ лѣсъ, и эту воду—
Все населяли мы фантазіей своей,—
Всю необъятную природу.

И намъ казалось, понимала все она:
Досель холодная, нѣмая,
Воскресши вдругъ, любви и трепета полна,
Заговорила, какъ живая.

Забыли мы, увлекшись чудною мечтой,
Что всѣ волшебныя видѣнья,
Какъ призраки, кругомъ встававшіе толпой,
Лишь мысли нашей отраженья.

Она ясна—и ясно все; взгрустнется вдругъ—
И все, что блещетъ красотою,
Любовью кроткой, нѣгой полно, все вокругъ
Исполнится тоской, враждою.

Такъ, стòитъ въ небѣ тучѣ набѣжать,
И мирно блещущія воды
Внезапно помутятся и начнутъ роптать
Отъ приближенья непогоды.

Утро.

Едва бѣлѣетъ край востока,
Вездѣ густой туманъ лежитъ,
Все дремлетъ мирно и глубоко
И листъ въ лѣсу не шелеститъ.

Туманъ рѣдѣетъ, солнце выше—
И пробуждаются лѣса;
Среди безмолвія и тиши
Ужь раздаются голоса.

Какъ будто вдругъ подъ солнцемъ мая
Природа вся въ лучахъ встаетъ,
Весну какъ будто провожая,
Она ликуетъ и поетъ.

Тѣ дни прошли, когда играетъ,
Смѣется въ небѣ первый громъ,
И подъ грозой все оживаетъ
И распускается кругомъ;

Когда незримой вереницей,
Среди синѣющихъ небесъ,
На сѣверъ снова тянутъ птицы
И только зеленѣетъ лѣсъ;

Когда и въ глушь лучи косые
Еще врываются порой
И мечутъ искры золотыя
Въ ея прохладу и покой.

А соловей, встрѣчая зорю,
Всю ночь безъ умолку поетъ;
Когда не вѣрится ужь горю
И все любви и счастья ждетъ;

Когда въ волшебномъ упоеньи,
Весь міръ, охваченный весной,
Лежитъ, какъ чудное видѣнье,
Покрытъ прозрачной пеленой,—

Тѣ дни прошли, идетъ къ намъ лѣто,
Въ лѣсу замолкнулъ соловей,
Лучами знойными согрѣта,
Земля раскинулась пышнѣй.

Цвѣты вездѣ пестрѣй и ярче,
А тѣни гуще и чернѣй,
И солнце въ небѣ паритъ жарче,
И въ тучахъ молнія грознѣй.

Тѣ дни прошли, идетъ къ намъ лѣто,
Его встрѣчать одѣлся край,
И блещетъ весь подъ моремъ свѣта,—
Но ты, весна моя, прощай.

---

* * *

Прошли, какъ сонъ, тѣ дни, когда тревожно
На жизнь еще глядѣла ты.
Несбыточное было такъ возможно
И такъ заманчивы мечты,—

Когда неясныя манили цѣли,
Казалось, выше за собой,

Туда, гдѣ звѣзды яркія горѣли
И молнія вилась змѣей...

Передъ тобою прежнія картины;
Но въ нихъ ты видишь смыслъ иной:
И небо, степи, горы и долины—
Все полно новой красотой.

Всѣ образы знакомые, всѣ краски
Значенья новаго полны,
И степь, и море мирно шепчутъ сказки
И тихо навѣваютъ сны.

Такъ вдоль рѣки твой челнъ скользитъ спокойно
И мягкій свѣтъ лежитъ кругомъ,
Лучъ солнца не пылаетъ яркій, знойный,
Не слышенъ въ небѣ прежній громъ,

Съ улыбкой отдаешься ты теченью,
Волна качаетъ и несетъ;
Когда же прежнія мелькнутъ видѣнья
Иль молча взглянешь ты впередъ,

Ты видишь тамъ въ туманѣ блещетъ море,
Сливаются всѣ рѣки въ немъ,
И знаешь ты: мы всѣ въ его просторѣ
Подъ всплески вѣчные заснемъ.

Л. В. Шумахеръ.

Россійскій туристъ.

Гнилому Западу въ угоду,
Его умомъ хотимъ мы жить,
И сдуру приняли методу
Все иностранное хвалить.
Чтобъ свѣрить съ былью небылицу,
Я взялъ каюту на Штетинъ
И лично ѣздилъ за границу,
Какъ патріотъ и дворянинъ.
Туда пробили наши тропу,
Все, вишь, хотятъ на тотъ манеръ,
И чортъ занесъ меня въ Европу,—
Въ Россіи лучше не вприміръ!

Про англичанъ и ихъ свободу
Что *Русскій Вѣстникъ* ни пиши,
А все у этого народу
На первомъ планѣ барыши:
Вездѣ конторы и амбары,
И свистъ и копоть отъ машинъ...
Плевать хотѣлъ я на товары,—
Я—не купецъ, я—дворянинъ.
Предоставляю Бутенопу
Машины строить для аферъ...
И чортъ занесъ меня въ Европу,—

Въ Россіи лучше не вприм̂ѣръ!

Французы—тѣ иного рода:
Во всемъ веселье, мода, шикъ,
Но жизнью этого народа
Я не увлекся ни на мигъ.
Тамъ баринъ вѣжливъ предъ лакеемъ,
Тамъ всякій дворникъ—господинъ...
Я не привыкъ къ такимъ идеямъ,—
Я—не Прудонъ, я—дворянинъ;
По мнѣ, мусьё нейдетъ къ холопу,
Съ него довольно и моншеръ...
И чортъ занесъ меня въ Европу,—
Въ Россіи лучше не вприм̂ѣръ!

И нѣмцы знатную породу
Роняютъ низкимъ ремесломъ:
Тамъ продаютъ бароны воду,
Тамъ держитъ „фонъ" игорный домъ.
Я только въ Австріи замѣтилъ,
Что уважаютъ родъ и чинъ;
Тамъ вольнодумцевъ я не встрѣтилъ,
Тамъ я вполнѣ былъ дворянинъ.
Какъ жаль, что задали ей трёпу!
А все Людовикъ, лицемѣръ...
И чортъ занесъ меня въ Европу,—
Въ Россіи лучше не вприм̂ѣръ!

Про итальянскую природу
Пусть вамъ разскажутъ маляры;
Отъ нищихъ просто нѣтъ проходу,
И нѣтъ спасенья отъ жары.
Тамъ что ни шагъ, то галлереи;
Сталъ свѣтъ не милъ мнѣ отъ картинъ,
Мнѣ тошно вспомнить про музеи:

Я—не артистъ, я—дворянинъ.
Торчи подобно остолопу
Средь этихъ мраморныхъ Венеръ...
Занесъ же чортъ меня въ Европу,—
Въ Россіи лучше не впримѣръ!

Къ памятнику Крылова.

Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся вокругъ него ребята,
И думаетъ себѣ: о, милые звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты!

Н. Ф. Щербина.

Южная ночь.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови;
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала,—
Поспѣшай на свиданье любви!...

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня,
И заботой полна,
Буду я холодна,—
Ты тогда не узнаешь меня!...

Мигъ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужь солнце въ волнахъ потонуло.
Искрились тихія волны, и западъ въ послѣднемъ сіяньи

Медленно гаснулъ надъ ними, и Гесперъ уже теплился ярко.
Робкой стопой среброногая дѣва—Селена изъ тучки
Въ темнолазурное поле небесъ выходила.

Все было тихо, прохладно, темно и прозрачно подъ небомъ;
Небо съ землей и съ душой человѣка дышало одною
Сладкой гармоніей, будто бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья-человѣки!...
Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

Счастье.

Благодарю судьбу за бури и борьбы,
За счастья мигъ, за долгое страданье,
И лишь могу просить я у судьбы
Единаго безбрежнаго познанья.
Я убѣжденъ, есть счастіе одно—
Высокое, далекое, прямое—
Вмѣстить въ себѣ той истины зерно,
Что облеклось въ созданье міровое...
Какъ человѣкъ, могу его искать,—
Какъ онъ, я не могу имъ насладиться:
Но сладко жить, отрадно мнѣ страдать
Лишь для того, чтобы къ нему стремиться.

Человѣкъ поколѣнія.

Я годами молодъ:
Страсти одряхлѣли,
Пустота и холодъ
Душу одолѣли.

Вяло все созрѣло,
Жизнью не питалось;
Мысль искала дѣла—
Дѣло не давалось...

Съ чуждымъ мнѣ призваньемъ,
Вопреки природѣ,
Былъ я вскормленъ знаньемъ
Не въ своемъ народѣ...

Пересталъ страдать я:
Нѣтъ ни сна, ни битвы,
Нѣтъ въ устахъ проклятья,
Въ сердцѣ нѣтъ молитвы.

Утро въ горахъ Фокиды.

Блѣднорозовый свѣтъ на востокѣ,
И блеститъ надъ горами денница,
Отражаяся въ каждомъ потокѣ;
Облачковъ собралась вереница;
По ущельямъ пары заклубились,
На утесахъ орлы пробудились...
На заливъ Альціонъ,
На оливковый лѣсъ,
На громады колоннъ
Льются краски небесъ;
Звученъ воздухъ, звучна
На приморьѣ волна
По зарѣ;
Но звончѣй
Мой ручей
На горѣ...

По тропинкѣ поднялся я въ гору:
Въ отдаленьи—Эгейскія воды...
Нѣтъ преграды пытливому взору...
Широко мнѣ на лонѣ природы!
Острова зеленѣютъ садами,
Да несутся валы за валами...
И надъ гребнями скалъ,
Надъ гранитомъ гробницъ,
Я едва различалъ
Стаи бѣлыя птицъ...
Еще мигъ—и горитъ
И волна, и гранитъ.
На поляхъ
Еще тѣнь:
Вижу день
На горахъ...

Но нѣтъ милой подруги со мною,
И зовутъ ее рощи и горы:
Освѣти ихъ твоей красотою,
О, соперница юной Авроры!..
Говорятъ мнѣ и небо, и воды,
И я музыку слышу природы.
Я въ оркестрѣ міровъ
Слышу голосъ родной,
Полонъ дѣвственныхъ сновъ,
Я покоюсь душой,
Но въ душѣ у меня
Много струнъ и огня...
Вотъ и онъ
Возстаетъ
Изъ-за водъ,
Аполлонъ!

Поэтамъ.

> Le caractère de notre littérature au XIX siècle est polémique. Partout nous y trouvons la lutte et l'effort... Qu'est devenu cette naïveté féconde de l'artiste qui produit son oeuvre sans vouloire en faire une démonstration, un plaidoyer, une attaque, une vengeance.
>
> *Lerminier.*

Не расточайте имъ—сынамъ своекорыстья—
Ни вашихъ образовъ, ни вашихъ райскихъ сновъ:
Больнаго дерева они гнилые листья,
Ростущаго безъ тѣни и плодовъ,

Что, соки лучшіе себѣ порабощая,
Питаться не даетъ побѣгамъ молодымъ,
Которыхъ въ будущемъ зоветъ судьба иная,
Несхожая стремленьями съ былымъ.

Предъ совѣстію ихъ предстаньте вы укоромъ,
Во всеоружіи разящаго стиха,
Клеймите цѣли ихъ презрѣньемъ и позоромъ,
Раскройте гной проказы и грѣха;

На погребальный ладъ настройте ваши лиры,
Благоухающій снимите свой вѣнецъ,
Одѣньтесь вретищемъ, да дрогнутъ всѣ кумиры,
И капище, и нечестивый жрецъ.

Зане онъ предался лишь своему Маммонѣ,
А долгъ гражданственный попралъ или забылъ,
И хитро, не ходя ни въ правдѣ, ни въ законѣ,
Онъ зло свое законностью прикрылъ...

Здѣсь все ослѣплено безумной плоти силой,
А свѣтозарный духъ подавленъ иль забытъ;

И все ихъ лучшее обманчиво и гнило,
А должный путь терновникомъ повитъ.

Здѣсь легкомысленно играютъ вѣщимъ словомъ,
И слово торжника врывается во храмъ:
Мы скверны старыя сокрыли въ храмѣ новомъ,
И рѣчь у всѣхъ не вторитъ ихъ дѣламъ.

На безобразіе, на „мерзость запустѣнья"
Личина красоты накинута у насъ,
Лишь себялюбія доступны намъ движенья,
Но доблести намъ не доступенъ гласъ...

На злато вѣсится продажно судъ неправый,
Онъ, лжи потворствуя, караетъ правоту,
И въ зло преобразить умѣетъ онъ лукаво
Прямой души порывъ и чистоту...

О, Боже! Имъ въ корысть и родины невзгода,
Всѣ испытанія, всѣ земскія бѣды,
Чтобъ нагло расхищать сокровища народа,
Его труда тяжелаго плоды...

Такъ не бросайте-жь имъ цвѣтовъ воображенья,
Да ритмъ поэзіи не услаждаетъ ихъ:
Достойны ли того сыны уничиженья,
Рабы своихъ желаній мелочныхъ?...

Но, обличая ихъ постыдныя дѣянья,
Врачуйте старый ядъ и въ духѣ, и въ крови:
Да разражается, какъ громъ негодованья,
Надъ ними ямбъ бичующей любви.

Пѣсня Прометея.

Я любимое чадо природы,
Я опасный соперникъ боговъ,—
И за даръ благодатной свободы
Я поспорить съ богами готовъ.

Говорятъ, широко мірозданье,
Человѣкъ же ничтоженъ и малъ;
Но гордись человѣка названьемъ,
Ты, кто мыслилъ, любилъ и страдалъ...
И пустыней какой безъисходной
Безъ тебя показался бы міръ,
И какой красотою безплодной
Пламенѣлъ бы лучистый эфиръ,
И безсмысленной, грустной громадой
Въ его свѣтѣ земля бы плыла,
И тогда бы она не отрадой,
Но укоромъ Зевесу была...

Говорятъ, что пространствомъ и силой
Незамѣтно ты въ мірѣ закрытъ,
Говорятъ, что ты скованъ могилой
И нуждой, какъ младенецъ, повитъ...
Но настанутъ вѣка золотые:
Ты ихъ мыслью своей призовешь,
И добра сѣмена дорогія
Своей кровью обильно польешь,
И всѣ силы души и природы
Покоришь себѣ, новый Зевесъ,
Создашь новое солнце свободы,—
И два солнца засвѣтятъ съ небесъ.

Тишина.

Въ моей душѣ давно минули бури;
Ужь мнѣ чужда теперь ихъ мрачная краса,
И надо мной, безъ тучъ и безъ лазури,
Какъ надъ пустынею, нависли небеса.

Спокойно все во мнѣ и безмятежно,
Невозмутимая такая тишина,
Что мать бы мнѣ завидовала нѣжно,
И счастія слезой заплакала-бъ она...

Но, за враговъ молившійся Спаситель,
Къ Тебѣ я возношусь сердечною мольбой:
Моимъ врагамъ, земной неправды Мститель,
За злобу не воздай подобной тишиной!

Russisches Schülerlied.

Наши Гоги и Магоги,
Иль нѣмецки педагоги
На заморскій ладъ хотятъ
Строить школы для робятъ...
Ай-люли, ай-люли!
Господа съ ума сошли.

По Петровскому примѣру,
По нѣмецкому манеру,
Мужика хотятъ ломать—
Русь изъ Руси выживать.
Ай-люли, ай-люли!
До чего-то вы дошли.

Пусть они намъ для забавы
Пишутъ школьные уставы,

А ребятъ мы не пошлемъ
Въ Вавилонскій ихъ Содомъ.
Ай-люли, ай-люли!
Сядетъ Питеръ на мели.

Петербургскіе тупицы
Наше земство, изъ столицы,
Замышляютъ просвѣщать
На несродную намъ стать.
Ай-люли, ай-люли!
Нѣмцы насъ не провели.

Полтораста лѣтъ—не мало!—
Насъ изъ Питера трепало
Лихоманкою чужой,—
Что хоть матку рѣпку пой!
Ай-люли, ай-люли!
Насъ-таки не извели.

Даже рученьки Петровы
Насъ не сдвинули съ основы,—
Такъ куда ужь, други, вамъ,
Подступаться къ мужикамъ.
Ай-люли, ай-люли!
Господа съ ума сошли.

Р. Н. Чюмина.

* * *

Оглянусь ли кругомъ,—какъ во мракѣ ночномъ,
Ни откуда не вижу просвѣта.
Пѣсню-ль я запою,—я за пѣсню свою
Отъ людей не услышу привѣта.

Не понять имъ огня, что̀ сжигаетъ меня,
Ни стремленій моихъ, ни печали,
И все то, чѣмъ живу, пылкимъ „сномъ на яву“,
Безъ сомнѣнія, люди-бъ назвали.

Каждый смѣлый порывъ, каждый честный призывъ
Изумленной встрѣчали улыбкой.
И пытаться найти къ сердцу братьевъ пути—
Вижу: горькою было ошибкой.

Замыкаясь въ себя, никого не любя,
Я мечталъ о покоѣ нирваны,
Иль съ безумной тоской, самъ, своею рукой
Растравлялъ незажившія раны.

Я боролся съ собой, я боролся съ судьбой,
Но въ душѣ искра Божія тлѣла;
Загасить не могла безпросвѣтная мгла
Эту искру, что̀ ярко горѣла.

И, язвя и кляня, осуждая меня,
Пусть толпа забросаетъ камнями,—
Я счастливѣе ихъ, безучастныхъ, слѣпыхъ,
Поглощенныхъ своими страстями.

Вѣдь, они, какъ рабы, упоенья борьбы
Не поймутъ, не упьются мечтами,
Не извѣдаютъ грозъ и восторговъ, и грёзъ,
Не заплачутъ моими слезами!

Испытаніе.

Нужно грозъ во всей ихъ силѣ,
Чтобъ цвѣтокъ благоухалъ;
Лишь въ пылающемъ горнилѣ
Закаляется металлъ.

Звѣзды искрятся отрадно
Лишь тогда, какъ день исчезъ;
Вслѣдъ за бурей безпощадной
Блещетъ радуга съ небесъ.

И въ горнилѣ испытанья,
Все нечистое круша,
Чистымъ пламенемъ страданья
Закаляется душа

Новгородъ.

Великій Новгородъ! Тебя ли предъ собой
Я вижу съ навсегда поникшею главой?
Ты-ль это, исполинъ, когда-то величавый,
Гремѣвшій далеко богатствами и славой—

Стоишь развѣнчанный? И храмы лишь одни
Напоминаютъ намъ твои былые дни...

Святая Софія... Отъ этихъ гордыхъ словъ
Какъ бились радостно сердца твоихъ сыновъ!
А мы, внимая имъ съ улыбкой сожалѣнья,
Читаемъ лишь однѣ страницы разрушенья
Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ—
Величья прежняго свидѣтелей нѣмыхъ...

Да, грозенъ былъ, кровавъ печальный твой конецъ,
Разрозненныхъ славянъ надежда и боецъ;
Не могъ ты отстоять наслѣдье Ярослава,
Померкнула въ бояхъ испытанная слава,
Ты ихъ не пережилъ, замолкъ и... навсегда
Затмилась вольности блестящая звѣзда!

Замолкнулъ громкій звонъ на башнѣ вѣчевой,
Народа гордый кличъ не слышенъ боевой,—
И молча ты стоишь, какъ памятникъ унылый,
Надъ этой славною безвременной могилой,
И только Волховъ, твой старѣйшій, лучшій сынъ,
Къ тебѣ попрежнему ласкается одинъ...

---

* * *

Въ тотъ мигъ, когда рукой чужою
Ударъ намъ въ сердце нанесенъ,
Когда чернятъ насъ клеветою
Или клянутъ со всѣхъ сторонъ,—

Мы съ негодующимъ презрѣньемъ
Встрѣчаемъ сдѣланное зло,
И смѣло грознымъ обличеньемъ
Бросаемъ въ наглое чело!

Но если намъ рукой любимой
Терзаютъ сердце,—о, тогда,
Въ нѣмой тоскѣ невыразимой,
Подъ гнетомъ скорби и стыда,

Сомкнувъ уста, сжимая руки,
Съ смертельнымъ холодомъ въ крови,—
Мы молча вынесемъ всѣ муки
Своей поруганной любви.

—

* * *

Когда въ вечерній часъ порой слѣжу я взоромъ
За сѣтью золотой сіяющихъ свѣтилъ,—
Въ душѣ моей встаютъ сомнѣнія укоромъ,
Какъ тѣни мертвецовъ, возставшихъ изъ могилъ.

Въ минуты горькія душевныхъ силъ упадка,
Когда теряется спасительная нить,
Намъ кажется, что жизнь—печальная загадка,
Которую никто не въ силахъ разрѣшить.

Увидѣвъ навсегда разрушенными грёзы,
Мы, съ болью жгучею сердечныхъ нашихъ ранъ,
Лишь ощупью бредемъ,—непрошенныя слезы
Мѣшаютъ видѣть путь сквозь сумракъ и туманъ.

Намъ кажется, что жизнь—тюрьма, гдѣ нѣтъ простора,
Гдѣ въ другѣ искреннемъ встрѣчаемъ мы врага,
Гдѣ разставаніе приходитъ слишкомъ скоро,
А радость слишкомъ недолга.

J. J. Ясинскій.

Одни...

Одни на волѣ, на просторѣ,
Одни среди пустынныхъ скалъ!
У нашихъ ногъ шумѣло море,
Закатъ пурпурный догоралъ.

Ты вся, безмолвная, дышала
Любовью нѣжною ко мнѣ,
Твоя рука моей искала,
И мы забылись, какъ во снѣ.

Исчезъ куда-то берегъ шумный,
Затмилась моря красота,
И въ поцѣлуй слились безумный
Дотолѣ робкія уста.

И ангелъ вѣчности надъ нами
Съ томленьемъ, съ сладостной тоской,
Нашъ сонъ лелѣя золотой,
Простерся знойными крылами.

Подожди...

Подожди, о другъ мой бѣдный,
Не страшись, что грозенъ бой,—
Развернемъ мы стягъ побѣдный,
Обойденные судьбой!

Будемъ смѣлы, неподкупны,
Сила вражья—легкій дымъ,
Низкой злобѣ недоступны,
Мы любовью побѣдимъ.

Мы разсѣемъ мракъ печальный
Грѣшныхъ помысловъ и дѣлъ...
Міръ далекій, идеальный—
Нашъ вѣнецъ и нашъ удѣлъ!

Могила.

Надъ могилой ива дремлетъ,
Черный сонъ бойца объемлетъ—
Смертный холодъ.
Кратокъ мой о немъ разсказъ:
Былъ онъ смѣлъ и былъ онъ молодъ
И въ бою угасъ,—

Разбѣжалася дружина.
Мать родная память сына
Проклинаетъ.
Братъ продалъ завѣтный стягъ,
И жену бойца ласкаетъ
Одолѣвшій врагъ.

Поэту.

Свѣтлыхъ мгновеній
Въ жизни печальной
Ищетъ твой геній.
Сонъ идеальный

Онъ облекаетъ
Въ яркія краски.
Онъ увлекаетъ
Прелестью сказки.

Сладокъ, какъ счастье,
Грозенъ, какъ битва,
Весь онъ—участье,
Весь онъ—молитва.

Ѳ. Ф. А—ову.

Нѣтъ, я не рвусь на сѣверъ вашъ туманный!
Задумчивый мнѣ дорогъ мой покой,
Мой тополь, мой цвѣтникъ благоуханный,
Видъ изъ окна печальный и простой.

Заросшая, среди холмовъ, дорога,
Синѣющій лѣсами кругозоръ,—
Гдѣ слаще спитъ моей души тревога,
Что лучше мой усталый тѣшитъ взоръ.

А утромъ, въ часъ ко сну клонящей нѣги,
Какъ хорошо, не торопясь, вставать!
Часы бѣгутъ—и въ ихъ счастливомъ бѣгѣ
Люблю я срокъ заката примѣчать.

Ужь ночь близка, и меркнетъ сводъ лазурный.
Межь дымныхъ тучъ, съ каймой изъ янтаря,
На западѣ разлился свѣтъ пурпурный,
Горитъ, горитъ упрямая заря.

Здѣсь миръ и сонъ—погасла въ сердцѣ злоба.
Вкушая лѣнь, я думаю: „вотъ рай!“
Въ безвѣстности я прожилъ бы до гроба...
О, родина! О, тихій, милый край!

* * *

Ночь внизу, и сонъ крылатый
На землѣ паритъ.
На вершинахъ бѣлоснѣжныхъ
Солнца лучъ горитъ.

Такъ душѣ поэта гордой,
Мракъ пронзая тучъ,
Свѣтъ небесный идеала
Свой бросаетъ лучъ.

Пророкъ.

Покинулъ я мой край печальный,
Погрязшій въ нищетѣ,
И путь къ странѣ направилъ дальней,
Довѣрившись мечтѣ.

Я шелъ безбрежною пустыней.
За мной взвивался прахъ.
И солнце жгло, и воздухъ синій
Струилсявъ небесахъ.

И былъ объятъ мой духъ тоскою.
Вдругъ вечеромъ предсталъ
Туманный городъ предо мною
Среди пурпурныхъ скалъ.

И мнилъ я: „конченъ путь далекій,
Въ желанной я странѣ!“
Но ангелъ гнѣвный, свѣтлоокій
Приблизился ко мнѣ.

Онъ дунулъ—городъ, чуть мерцая,
Какъ легкій сонъ, потухъ,
Какъ гаснетъ тучка заревая...
И мой раскрылся слухъ:

„За то, что ты бѣжалъ отъ жизни—
И отъ людей бѣжалъ,
И не далъ жертвъ своей отчизнѣ
И жертвы презиралъ,—

„До гроба ты блуждай отнынѣ
И разскажи камнямъ,
Что городъ видѣлъ ты въ пустынѣ,
Подобный небесамъ!“

А. Н. Яхонтовъ.

Осеннему вѣтру.

Ты опять ко мнѣ, вѣтеръ, стучишься въ окно,
Завываешь въ осеннюю ночь!
Знаю, пусто кругомъ, безотрадно, темно,—
Чѣмъ же горю могу я помочь?
Я наслушался воплей и жалобъ твоихъ:
Та же старая пѣсня всегда!
Отъ небесныхъ ли тучъ, отъ морей ли чужихъ
Ты летишь, самъ не зная куда,—
Гнешь и ломишь, сердитый, деревья въ пути
И вздымаешь крутую волну?...
Знать, на свѣтѣ покоя тебѣ не найти,
Нѣтъ пріюта тебѣ, горюну?
Ты примчался и, красное лѣто сгубя,
Заревѣлъ, словно бѣшеный звѣрь.
На ночлегъ никуда не пускаютъ тебя:
Вотъ и самъ встосковался теперь!
О, когда-бъ изъ гармоніи сферъ міровыхъ,
Изъ загробнаго міра, хоть звукъ,
Голосъ правды, любви отъ существъ дорогихъ
Ты принесъ мнѣ въ юдоль нашихъ мукъ!
Какъ и ты, я блуждаю въ невѣдомой мглѣ,
Но покоя и мнѣ не найти;
Сынъ земли, какъ Титанъ, я прикованъ къ землѣ,—

Для тебя всѣ открыты пути.
Изъ дали недоступной доходитъ къ намъ свѣтъ;
Не доходитъ къ намъ звукъ отчего?
Или звуковъ въ нѣмой безпредѣльности нѣтъ,
Нѣтъ за гранью земли ничего?
Или, сбросивши обликъ земной естества
Безъ слѣда за предѣломъ земнымъ,
Незабвенныя, милыя тѣ существа,
Улетучась, исчезли какъ дымъ?
А безъ нихъ, какъ безъ пѣсенъ, житейскій нашъ пиръ,
Радость сердца безъ нихъ неполна...
О, съ отшедшими въ горній, таинственный міръ
Какъ потребность общенья сильна!
Какъ все ясно для нихъ, что намъ, смертнымъ, темно,
Какъ прозрѣлъ бы я, жалкій слѣпецъ!...
И не скажешь ты, вѣтеръ, мнѣ: гдѣ же оно,
Между мной и таинственнымъ міромъ звено?
Гдѣ же правду найти, наконецъ?

Изъ „старыхъ-молодыхъ пѣсенъ“.

По взморью мы въ сумракѣ плыли,
Чуть слышно плескались струи,
Восторженно-молоды были
Желанья и грёзы мои.
Не диво-ль?... Два неба звѣздами
Сіяли во мглѣ предо мной:
Одно—безпредѣльно надъ нами,
Другое—въ пучинѣ морской.
Любовно они такъ сливались,
Такъ чудно въ одно сочетались,
При тихомъ мерцаньи свѣтилъ,
Что міромъ волшебнымъ казались,

А челнъ—въ безпредѣльности плылъ.
Какой-то невѣдомой силой
Насъ вдаль незамѣтно влекло...
Въ глаза моей спутницы милой
Глядѣлъ я, оставивъ весло.
Сіяли они безмятежно
Зарею веселой мечты,
На плечи спускались небрежно
Съ чела молодаго цвѣты...
„Не то же ли небо съ звѣздами,—
Я думалъ,—и здѣсь, на землѣ,
Въ пучинѣ широкой подъ нами,
Въ никѣмъ неизвѣданной мглѣ?...“
О, слейтесь, въ нѣмомъ упоеньи,
Съ блаженствомъ земнымъ, небеса,
Какъ слиты въ морскомъ отраженьи
Небесъ и земли чудеса!
А пристань все въ даль уходила...
Головку надъ бездной склоня,
Безпечно подруга моя
Вѣнокъ свой въ нее уронила...
И вдругъ зарябили струи...
Все въ мракѣ таинственномъ скрыто,
И зеркало бездны разбито!...
Гдѣ-жь небо и звѣзды мои?

Мысль.

Пока надъ міра суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь безплодною мечтой,—
Какъ воздухъ я свободна.
Надъ твердью молніи быстрѣй,

Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей
И въ небо улетаю;
Скорблю надъ океаномъ бѣдъ
И заблужденій вѣка;
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
И въ сердце человѣка.
Наука мною создана—
Предвѣстница свободы—
И довершать я призвана
Красу и строй природы.
Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной, безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано;
Какъ цѣпь желѣзная, оно
Въ моей юдоли тѣсной.
Здѣсь, на землѣ, моя судьба—
Оковы и гоненья!
Дитя свободы,—я раба
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій,
Померкъ мой свѣточъ межь людей
И отлетѣлъ мой геній.
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому;
Міръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому.
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ,—я измельчала,

Утративъ, въ непроглядной мглѣ,
Сознанье идеала.
Отдайте мнѣ просторъ полей
И крылья для полета,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнета!
Мнѣ любо жить въ сіяньи дня!
Властители, народы,
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханія свободы!
Въ оковахъ мнѣ спасенья нѣтъ:
Послѣднихъ силъ лишая,
Меня позорятъ мракъ и гнетъ
И губятъ, развращая.
Когда, откинувъ мракъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мірѣ буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварство, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межь людей останусь жить,
Отъ немощей свободна,
Я буду истинѣ служить,
Свѣтла и благородна.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Скорѣе изданія въ конторѣ журнала „Русская Мысль“
(Москва, Гоголевскій бульваръ, 21).

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 17 '64 H

360 999

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 17 '64 H

3 8 Q 999

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 17 '64 H

360 999

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 17 '64 H

3 60 999